

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЬИ

*

Сборник статей

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Д

И

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЬИ

*

Д 10805 — 087
008(01) — 79 46 — 79 0703

...ующие
...отдельной
...приобре-
...ей. Поэтому
...теоретическом
...связан с коли-
...зникновения в раз-
...указать и на законо-
...уровне отдельной семьи.
...кое развитие семей требу-
...ания.

...ографического развития семьи
...анмосвязи, которые могут быть
...ении как демографической струк-

Серия «Демографические исследования»

Демографическое развитие семьи: Сб. статей/
Д31 Под ред. А. Г. Волкова. — М.: Статистика, 1979. —
191 с., ил.
65 к.

Как создается семья, когда появляются в ней дети, в какое время взрослые дети отделяются от родителей, иными словами, как происходит демографическое развитие семьи, которое оказывает большое влияние на изменение численности и состава населения? Эти и другие вопросы эволюции семьи как основной ячейки воспроизводства населения рассматриваются в статьях сборника на большом фактическом материале. В книге также анализируются демографические аспекты прекращения брака — разводы, смерть одного из супругов, мотивы малодетности, роль этнических факторов в брачности.

Сборник представляет интерес для демографов, социологов, экономистов и других специалистов, интересующихся проблемами семьи и брака.

Д 10805 — 087
008(01)—79 46—79 0703000000

ББК 60.7
312

© Издательство «Статистика», 1979

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семья представляет собой один из важнейших социальных институтов, обеспечивающих возобновление поколений людей. Социалистическое общество заинтересовано во всемерном укреплении семьи, что находит свое выражение в широком комплексе мер социальной политики. «Семья находится под защитой государства», — провозглашено в Конституции СССР. Для дальнейшей разработки мер помощи семье важно знать закономерности формирования и развития семей, в частности их демографического развития.

Демографическое развитие семьи составляют те изменения в ее составе, которые оказывают непосредственное влияние на процесс воспроизводства населения. Они складываются из таких событий, как вступление в брак, рождение ребенка, развод, смерть кого-либо из членов семьи, выделение взрослых ее членов и образование новой семьи. Каждое из этих событий меняет демографический статус семьи и переводит ее в новое социально-демографическое состояние, что и дает основание говорить о соответствующих процессах как о компонентах развития.

Социально-экономические факторы, воздействующие на эти события, действуют на уровне каждой отдельной семьи, однако демографическое значение они приобретают, будучи взятыми в совокупности семей. Поэтому качественный анализ этих факторов в теоретическом аспекте должен быть органически взаимосвязан с количественным анализом частоты их возникновения в разных группах населения, что может указать и на закономерности, не улавливаемые на уровне отдельной семьи. Таким образом, демографическое развитие семей требует статистического исследования.

Между факторами демографического развития семьи существуют сложные взаимосвязи, которые могут быть обнаружены при изучении как демографической струк-

туры населения данной группы, так и состава всего населения. В интенсивности этих процессов важную роль играют и особенности демографического прошлого данного населения. Полное и взаимосвязанное изучение всех этих обстоятельств возможно только после того, как будет исследован каждый из процессов и его факторы и установлены связующие их отношения.

Именно такое последовательное рассмотрение отдельных компонентов развития семьи с целью последующего их обобщения в единый процесс воспроизводства семейной структуры населения и ставили себе задачей авторы статей данного сборника.

В основу исследований положены результаты специальной обработки данных переписей населения, материалы текущего учета естественного движения населения, а также результаты выборочных демографических исследований, проведенных в последние годы. Поскольку изменения на коротких промежутках времени могут быть вызваны преходящими особенностями демографической ситуации и не всегда достаточно верно характеризуют существенные социально-демографические сдвиги, во многих случаях к анализу привлечены данные дореволюционной статистики.

Как показали исследования последних лет, одна из наиболее существенных черт современной демографической ситуации в нашей стране заключается в сохранении этнических различий в демографических процессах. Не учитывая этнический фактор, нельзя понять и закономерностей формирования и развития семьи. До сих пор работа в этом направлении сосредоточивалась преимущественно на изучении этнических особенностей рождаемости. Г. А. Бондарская и И. П. Ильина рассматривают этнические особенности брачности женщин. Их работа опирается, с одной стороны, на моментные характеристики брачности в этническом разрезе по данным переписей населения, с другой — на анализ сдвигов в брачности поколений женщин разных этнических групп по материалам специального обследования. Авторы выясняют также сравнительное влияние характеристик этого процесса в разных этнических группах на демографическую продуктивность брака и показывают, что последнюю определяют не столько различия в брачности, сколько различия в репродуктивном поведении супружеских пар.

В статье М. С. Тольца предложен ряд обобщающих характеристик брачности, доступных для вычисления по имеющимся статистическим данным. Опираясь на большой фактический материал, автор доказывает правомерность и познавательную ценность суммарных показателей брачности и разводимости, аналогичных суммарным показателям рождаемости, широко применяемым в демографическом анализе. Сравнительная простота получения этих показателей делает их полезным инструментом исследования на региональном уровне.

Статья А. Г. Волкова посвящена исследованию длительности супружеской жизни и некоторых ее факторов. В ней приведен расчет ожидаемой продолжительности брака для 1968—1971 гг., по аналогии с расчетом ожидаемой продолжительности жизни, и оценивается сравнительное влияние на величину этого показателя таких демографических факторов прекращения брака, как смерть супругов и развод.

Наиболее существенным в демографическом развитии семьи с полным основанием считается процесс появления в ней потомства. Причины снижения рождаемости и почти повсеместно низкого ее уровня нельзя понять, не уяснив, почему современная семья стала малодетной. Недаром этой проблеме посвящено в последние годы столько публикаций. Для этого первостепенное значение имеет исследование изменений, происходящих с развитием общества в социальных функциях семьи, прежде всего в ее функции воспроизводства нового поколения. Л. Е. Дарский, рассматривая структуру функций семьи в различные исторические эпохи, показывает, как изменялись положение самой семьи в обществе и роль детей в семье, отношение к детям и к деторождению, как постепенный переход функций семьи к специализированным социальным институтам привел к изменению ее потребностей и способов их удовлетворения. Попытка ответить на вопрос, зачем семье дети, дает ключ к пониманию действительных причин перехода к малодетной семье в современных условиях.

Тематически к этой работе примыкает статья А. Г. Вишневого, рассматривающего изменение с развитием общества мотивации демографического поведения супружеских пар. В противовес распространенным представлениям об ослаблении потребности семьи в детях автор развивает концепцию перехода к «детоцен-

тристской» семье, связанного с принципиальной перестройкой механизма мотивации деторождения в процессе демографической революции, когда внешние стимулы уступают место внутренним побуждениям к рождению детей. Осознание движущихся сил и сущности такой перестройки, по мнению автора, должно привести к правильному истолкованию наблюдаемых тенденций в рождаемости и дать ориентиры демографической политике.

Среди тех направлений, в которых изменение функций семьи и положения женщины влияет на развитие семьи, в частности на рождаемость, наибольший интерес представляет, несомненно, такой фактор, как занятость женщин в общественном производстве, труд вне дома. Анализ этого явления на современных материалах представляет немалые трудности. Над их разрешением работала в последние месяцы жизни одна из старейших советских демографов и статистиков Роза Иосифовна Сифман, скончавшаяся 5 ноября 1978 г. на 78-м году жизни. В публикуемой посмертно ее статье подробно проанализированы в этом аспекте данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. и сделан вывод, что в те годы занятость женщин в общественном производстве почти не оказывала влияния на число детей в семье. Работа Р. И. Сифман указывает методические подходы к анализу проблемы на современном материале.

Важную роль в воспроизводстве населения играет соотношение численностей полов на разных этапах жизненного цикла. К сожалению, закономерности формирования и изменения структуры населения по полу изучены очень мало. В статье Л. П. Кувшиновой дан обзор посвященной этой теме демографической литературы на русском языке за длительный период. Ее очерк обобщает результаты, достигнутые в изучении проблемы.

В небольшом сборнике нельзя было, разумеется, в равной степени подробно рассмотреть все стороны проблемы развития семьи. Сделан лишь один из первых шагов в этом направлении. Составитель и авторы надеются, что исследования эти будут продолжены.

А. Г. Волков

Г. А. БОНДАРСКАЯ, И. П. ИЛЬИНА

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ БРАЧНОСТИ ЖЕНЩИН В СССР. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение этнических особенностей социально-демографических процессов, определяющих воспроизводство и социально-демографический состав населения, становится непременной частью исследований советских демографов. Многообразие конкретных черт исторического развития населения отдельных территорий нашей страны и населяющих их народов делает изучение этой стороны воспроизводства населения актуальным как с научной, так и с практической точек зрения. Особое значение этнический аспект имеет при изучении таких демографических процессов, как рождаемость и брачность, испытывающих непосредственное воздействие культуры и быта отдельных народов.

Этнический аспект рождаемости нашел несколько большее отражение в работах советских демографов. Этнические особенности брачности изучены меньше. Описание брачно-семейных традиций у разных народов можно найти в этнографических и исторических работах. В последние годы стали появляться и демографические исследования, в той или иной мере затрагивающие процесс брачности у отдельных народов нашей страны и содержащие уже некоторые количественные характеристики этого процесса¹. Большинство этих ра-

¹ См.: Алтыева Л. И. Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР.— В кн.: Население и экономика. М., 1973; Сифман Р. И. Плодовитость женщин в Баку.— В кн.: Факторы рождаемости. М., 1971; Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969; Козлов В. И. Национальность СССР (этнодемографический обзор). М., 1975; Ильина И. П. Дифференциация брачности в нескольких поколениях женщин в СССР.— В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976 и др.

бот также посвящено в основном изучению рождаемости, и это не случайно.

С демографической точки зрения брачность женщин представляет интерес как элемент процесса воспроизводства населения. В большинстве обществ современного мира воспроизводство потомства происходит в моногамных браках, оформленных или не оформленных. Поэтому такие элементы брачного поведения, как отношение к браку и безбрачию, возраст вступления в брак, отношение к разводам и повторным бракам вдовых и разведенных, оказывают непосредственное воздействие на формирование уровня рождаемости.

Процесс брачности у каждого народа несет отпечаток особенностей его исторического развития. Определяющие брачность нормы поведения формируются в процессе длительного социально-экономического и культурного развития народов и, передаваясь из поколения в поколение, принимают характер традиций, становясь частью культурного наследия того или иного народа. В силу большей консервативности социальных явлений, относящихся к «надстроечным», традиции в сфере брачно-семейных отношений часто продолжают сохраняться и влиять на брачное поведение людей в течение некоторого времени и после того, как социально-экономические условия существования общества коренным образом изменились.

Наблюдающиеся в нашей стране этнические различия в брачности объясняются разным уровнем социально-экономического развития народов к моменту Великой Октябрьской социалистической революции. Они связаны также с особенностями развития каждого народа и в советский период. Эта зависимость от социально-экономических условий определяет преходящий характер этнических особенностей брачности и делает само понятие «этнические особенности» весьма условным. Это надо иметь в виду при изучении этнической дифференциации брачности не только в нашей стране, но и в других странах².

² Более подробно с позиции авторов относительно сущности этнической дифференциации демографических процессов в нашей стране, в том числе и брачности, см.: Бондарская Г. А. Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность.— В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976, с. 106—120.

Вопросы о том, под влиянием каких условий и каким образом формировались те или иные брачно-семейные традиции народов нашей страны, относятся к области исторических наук, и в первую очередь этнографии. Мы в данной статье ограничимся рассмотрением демографического аспекта этнических особенностей брачности, т. е. частоты вступления в брак в зависимости от возраста, ее изменений от поколения к поколению у разных народов. Разумеется, при исследовании этого вопроса нельзя отвлечься от некоторых элементов культуры брачно-семейных отношений, имеющих наибольшее демографическое значение, таких, как социальная ценность брака и отношение к безбрачию, предпочтительный возраст вступления в брак, отношение к разводам и к повторным бракам вдовых и разведенных. Проблема прочности браков у разных народов, в частности отношение к разводам и повторным бракам, требует самостоятельного изучения и в данной статье не рассматривается. Мы коснемся только тех элементов культуры брачно-семейных отношений, которые связаны с вступлением в брак. Этот аспект проблемы рассматривается, с одной стороны, на материалах переписей населения, подытоживающих результаты процесса брачности к определенному моменту, и, с другой стороны, непосредственно по данным о брачности реальных поколений. Кроме того, в статье затрагивается вопрос о связи характера брачности у женщин разных групп национальностей с уровнем рождаемости у разных поколений женщин в тех же группах национальностей.

1. Изменение дифференциации брачного состояния женщин по данным переписей населения

Дифференциация брачности женщин в дореволюционный период. Прямых данных о брачном состоянии женщин разных национальностей в дореволюционной России нет. Единственный источник массовой статистической информации о составе населения дореволюционной России по брачному состоянию — Всеобщая перепись населения 1897 г. Однако материалы ее относительно этнического аспекта брачности были очень скупы и ограничивались лишь сведениями о распределении состоящих в браке по родному языку, что не в полной

мере соответствует распределению по этнической принадлежности. Причем и эти данные не были дифференцированы по такому важнейшему демографическому признаку, как возраст. Косвенное же представление о степени этнических различий в брачности в России в тот период может дать сопоставление данных о семейном состоянии женщин по территориям, населенным разными народами (табл. 1).

Таблица 1

Число женщин, состоящих в браке в отдельных возрастных группах, по данным Всеобщей переписи населения 1897 г. (на 100 женщин)

Районы	Всего в возрасте 15 лет и старше	в том числе в возрасте			
		15—16 лет	17—19 лет	20—29 лет	30—39 лет
Европейская Россия	62,6	0,8	20,9	75,9	87,3
Привислинские губернии	59,9	0,6	14,2	66,5	84,7
Кавказ	71,0	18,7	52,6	88,6	90,2
Сибирь	66,2	1,5	25,0	80,3	89,6
Средняя Азия	77,0	27,5	64,2	94,5	94,7
По империи в целом	64,0	3,6	24,4	77,5	87,9

Источник. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. Спб., 1905, табл. XII, с. 80—83.

В конце прошлого века для большей части населения России было характерно раннее вступление в брак, особенно женщин. Однако уже тогда уровень и характер брачности женского населения в отдельных районах различались довольно существенно. Эти различия касались как уровня брачности в отдельных возрастах, так и степени охвата браком всех взрослых женщин.

Наиболее сильные различия в уровне брачности отмечались в возрастах 15—16 и 17—19 лет. На брачности именно в самых молодых бракоспособных возрастах более всего сказывалось влияние национальных брачно-семейных традиций. Самой высокой долей женщин, состоявших в браке в данных возрастах, выделялось население Средней Азии и Кавказа. В этих рай-

онах к концу XIX в. были еще очень сильны пережитки феодальных и даже дофеодальных отношений и стойко сохранялись традиции ранних браков. Самая низкая доля замужних в этих возрастах была в Привислинских губерниях, где к этому времени уже полностью укрепился капитализм и традиции раннего вступления в брак, идущие из прошлого, были подорваны капиталистическими отношениями. В силу особенностей социального и экономического развития и сформировавшихся под их влиянием брачно-семейных традиций позднее вступление в брак женщин было распространено и среди некоторых других народов России, еще не достигших того же уровня капиталистического развития (например, у мордвы, удмуртов, коми).

В возрастах старше 20 лет различия в доле замужних женщин по регионам были значительно меньше, но также, по-видимому, испытывали то или иное влияние брачно-семейных традиций. Действительно, различия в доле состоящих в браке, например, в возрастах старше 25—30 лет зависели в большей мере от прочности браков и степени распространенности повторных браков. Помимо смертности прочность браков определялась также уровнем разводимости. Степень же приемлемости развода, отношение к повторным бракам вдовых и разведенных — элементы культуры брачно-семейных отношений, которые регламентируются традициями тех или иных народов.

В прошлом важную роль в формировании брачно-семейных традиций населения играла религия³. Ее влияние на все стороны жизни населения, особенно в быту, наиболее сильно и глубоко проявлялось в регионах и среди групп населения, отстававших в социально-экономическом и культурном развитии. Религиозные догмы определяли и регулировали поведение человека в области брачно-семейных отношений довольно жестко.

Установки основных религиозных систем мира относительно брака и семьи весьма разнообразны. Большая часть населения России исповедовала христианскую религию (православие, католицизм, протестантство) и религию ислама, или магометанство. Как известно, для ре-

³ Подробнее о влиянии религии на демографические процессы см.: Козлов В. И. Динамика численности народов, с. 148—162; Козлов В. И. О влиянии религиозного фактора на плодovitость. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 184—206.

лигии ислама характерны четкие положительные установки в отношении брака, подчеркивающие его высокую социальную ценность, призывающие к раннему вступлению в брак, разрешающие развод и приветствующие повторные браки вдовых и разведенных. Менее определенными были установки христианской религии в отношении брака. Во всех основных христианских церквях (православной, католической, протестантской) безбрачие скорее поощрялось, развод не допускался, а отношение к повторным бракам вдовых было нейтральным. Поэтому не случайно, что именно район Средней Азии, где исповедовало ислам 9/10 населения, и район Кавказа, где приверженцы этой религии составляли около 1/3 населения, выделялись наиболее ранним вступлением в брак женщин.

Привислинские губернии, жители которых были в основном католиками и протестантами, отличались более поздним вступлением женщин в брак.

Многие из религиозных установок представляют собой освященные религией и закрепленные в ее канонах народные традиции и обычаи, возникшие на определенных стадиях исторического и социально-экономического развития тех или иных народов. Некоторые из них продолжали существовать после победы Великой Октябрьской социалистической революции в условиях, когда религия утратила свою прежнюю роль и все больше и больше людей становились атеистами.

Динамика этнической дифференциации брачности женщин в советский период. Представление об этнической дифференциации брачности женщин и ее изменении в советский период дают переписи населения 1926, 1959 и 1970 гг., позволяющие проанализировать изменение доли замужних по отдельным национальностям.

За годы Советской власти под влиянием коренных социально-экономических преобразований претерпели существенные изменения и брачно-семейные традиции. Это, в первую очередь, проявилось в постепенном снижении частоты ранних браков и браков в возрастах максимальной брачности (20—25 лет).

Большую роль в ослаблении традиций раннего вступления в брак у женщин всех национальностей сыграла законодательная политика Советского государства, направленная на повышение возраста брачного совершеннолетия. Особое значение эта политика имела для жен-

щин национальностей Средней Азии и Закавказья, где она сочеталась с изживанием брачных традиций, связанных с пережитками феодальных и дофеодальных отношений, таких, как многоженство, калым, левират, бракосочетание детей по сговору.

Законодательная борьба с брачными традициями, связанными с пережитками старого быта, выразилась в принятии в 1928 г. X главы Уголовного кодекса СССР, определившей различные меры наказания за многоженство, калым, принуждение ко вступлению в брак с лицом, не достигшим брачного возраста⁴.

И в настоящее время законодательство ряда союзных республик (республик Закавказья, Средней Азии, Казахской ССР, РСФСР) содержит особые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за действия, являющиеся пережитками старого быта.

Законодательное повышение возраста брачного совершеннолетия для женщин в разных республиках проходило по-разному и в большинстве республик осуществлялось в несколько этапов. Так, в РСФСР минимальный возраст вступления в брак был повышен с 16 лет (1917 г.) до 18 лет (1926 г.), в республиках Закавказья — с 13 лет (1917 г.) до 16 лет (20-е годы). В дальнейшем повышение минимального возраста вступления в брак с 16 до 18 лет произошло в Узбекской ССР (1938 г.), Таджикской ССР (1938 г.), Туркменской ССР (1940 г.) и Грузинской ССР (1956 г.)⁵. Таким образом, к концу 60-х годов в большинстве республик минимальный возраст вступления в брак у женщин равнялся 18 годам. Исключение составляли Украинская, Молдавская, Азербайджанская и Армянская ССР, где этот возраст равнялся 16 годам.

В соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утвержденными 27 июня 1968 г., в большинстве республик минимальный возраст вступления в брак для женщин установлен в 18 лет. Исключение составили Украинская и Узбекская ССР, где этот возраст для женщин установлен в 17 лет. Законодательство большинства республик

⁴ См.: Вольфсон С. Я. Брак и семья в их историческом развитии. — В кн.: Ковалев К. Н. Историческое развитие быта женщин, брака и семьи. М., 1931, с. 148.

⁵ См.: Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958, с. 128.

(за исключением Узбекской ССР) предусматривает возможность снижения минимального возраста вступления в брак для женщин не более чем на 1 год (в РСФСР не более чем на 2 года) в отдельных, исключительных случаях с разрешения исполкомов районных (городских) Советов народных депутатов.

Наряду с законодательной политикой большую роль в ослаблении традиций ранней брачности сыграло изменение в советский период общественного положения женщин всех национальностей. Они стали активными участницами экономической, политической и социальной жизни страны, возросла степень занятости их в общественном производстве, изменилась профессиональная структура женского труда, вырос общеобразовательный уровень. Все эти факторы, ломая традиционную семейно-брачную психологию, способствовали ослаблению традиций ранней брачности, в том числе и у народов, твердо придерживавшихся их в прошлом. Так, с 1926 по 1970 г. доля замужних в возрасте 16—19 лет у киргизок, туркменок, азербайджанок сократилась в 3—4 раза (табл. 2). Вместе с тем, как уже отмечалось, консервативность брачно-семейных традиций способствует сохранению их еще в течение длительного времени после того, как меняются социально-экономические условия жизни населения. Это подтверждают также данные табл. 2, показывающие, с одной стороны, сокращение за прошедшие десятилетия доли браков в самых молодых бракоспособных возрастах у женщин всех национальностей, а с другой — сохранение в настоящее время все же довольно больших различий в распространенности браков в возрастах моложе 20 лет у женщин основных национальностей союзных республик. Как и прежде, самые молодые невесты — у народов Средней Азии.

К 1959 г. особенно резко снизилась доля состоящих в браке в возрасте 16—19 лет у армянок, азербайджанок, киргизок, туркменок, казашек, узбечек и таджичек. Но вместе с тем снизился этот показатель и у национальностей, имевших в 1926 г. более низкий уровень брачности в ранних возрастах. Поэтому в 1959 г. степень различий в доле состоящих в браке в возрасте 16—19 лет среди женщин основных национальностей союзных республик осталась примерно на том же уровне, что и в 1926 г. Максимальные различия этого показате-

Таблица 2

Динамика раннего вступления в брак у женщин основных национальностей союзных республик СССР по данным переписей населения

Национальности*	Доля женщин, состоящих в браке в возрасте 16—19 лет, %			Изменение доли состоящих в браке за период		
	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1926—1959 гг.	1959—1970 гг.	1926—1970 гг.
Эстонки	...	4,2	4,9	...	+0,7	...
Латышки	...	4,5	5,9	...	+1,4	...
Литовки	...	4,8	5,4	...	+0,6	...
Белоруски	9,1	7,0	7,6	-2,1	+0,6	-1,5
Русские	15,0	9,3	9,1	-5,7	-0,2	-5,9
Украинки	14,2	10,1	11,2	-4,1	+1,1	-3,0
Грузинки	28,7	10,7	13,4	-18,0	+2,7	-15,3
Молдаванки	...	14,9	11,9	...	-3,0	...
Армянки	55,2	15,8	15,2	-39,4	-0,6	-40,0
Азербайджанки	59,0	27,8	18,3	-31,2	-9,5	-40,7
Казашки	57,8	28,7	12,3	-29,1	-16,4	-45,5
Узбечки	55,9	31,8	21,7	-24,1	-10,1	-34,2
Туркменки	63,6	32,0	19,1	-31,6	-12,9	-44,5
Таджички	61,5	36,6	24,9	-24,9	-11,7	-36,6
Киргизки	86,2	44,2	20,1	-42,0	-24,1	-66,1

*Расположены в порядке возрастания доли замужних в 1959 г.

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973, с. 383; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LI. М.—Л., 1931, с. 10—26.

ля между женщинами основных национальностей союзных республик были почти десятикратными.

Между 1959 и 1970 гг. доля замужних в возрасте 16—19 лет продолжала снижаться среди казашек и киргизок, а также, хотя и в меньшей степени, среди азербайджанок, узбечек, таджичек, туркменок. В то же время заметно некоторое повышение этой доли среди украинок, белорусок, литовок, а также грузинок, латышек, эстонок. В результате к 1970 г. этническая дифференциация доли состоящих в браке в самых молодых бракоспособных возрастах сократилась по сравнению с предыдущими годами. Тем не менее она осталась весьма существенной. Среди литовок, латышек, эстонок, имевших в 1970 г. самые низкие показатели раннего вступления в брак, доля замужних в возрасте 16—19 лет оставалась

в пять раз ниже, чем среди таджиков, отличавшихся наиболее высоким уровнем этого показателя.

Насколько можно судить по данным переписи населения 1970 г. о доле замужних в отдельных возрастных группах среди женщин основных национальностей союзных республик, в настоящее время этнические различия в брачном поведении женщин касаются по-прежнему самых молодых возрастов. С увеличением возраста различия в доле замужних у женщин разных национальностей сокращаются (табл. 3).

Таблица 3

Дифференциация доли замужних
по отдельным национальностям в 1970 г.

Национальности*	Доля женщин, состоящих в браке, среди всех женщин данного возраста, %						
	16—19 лет	20—29 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше	в сред- нем 16 лет и старше
Эстонки	4,9	59,1	77,1	71,6	55,3	27,6	50,4
Литовки	5,4	62,9	81,8	77,1	64,6	38,3	59,6
Латышки	5,9	61,3	77,0	71,9	57,8	31,7	52,8
Белоруски	7,6	68,3	84,9	75,6	54,3	33,2	59,5
Русские	9,1	66,0	84,5	75,7	53,0	27,8	56,9
Украинки	11,2	70,9	83,8	74,6	54,4	33,6	58,8
Молдаванки	11,9	68,2	83,4	79,8	67,5	42,7	62,6
Казашки	12,3	75,8	91,6	83,3	62,1	32,6	60,6
Грузинки	13,4	63,9	84,0	81,0	64,5	44,7	62,9
Армянки	15,2	69,2	86,1	80,8	61,9	39,5	63,0
Азербайджанки	18,3	73,2	88,8	80,7	57,0	28,8	62,4
Туркменки	19,1	86,9	94,5	85,8	62,8	34,2	67,3
Киргизки	20,1	86,3	93,7	85,0	65,5	29,0	64,4
Узбечки	21,7	86,3	94,3	87,5	69,2	34,0	67,1
Таджички	24,9	90,0	94,8	87,7	69,2	32,3	69,5

*Расположены в порядке возрастания доли замужних в возрасте 16—19 лет.

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV с. 383.

Сохраняющееся еще воздействие на брачное поведение населения национально-бытовых традиций и обычаев наглядно иллюстрирует различия в ранней брачности в республиках Средней Азии, где живут представители национальностей с разными брачно-семейными традициями (табл. 4).

Все коренные национальности республик Средней Азии отличаются от проживающих в этих же республи-

Таблица 4

Характеристики раннего вступления в брак женщин
отдельных национальностей
в некоторых союзных республиках в 1970 г.

Национальности	Доля женщин, состоящих в браке в возрасте 16—19 лет (в % к общей численности женщин в этом возрасте)						
	Узбек- ская ССР	Киргиз- ская ССР	Таджи- кская ССР	Турк- менская ССР	Казах- ская ССР	РСФСР	Украин- ская ССР
Узбечки	21,9	19,2	21,9	20,9	16,5	—	—
Киргизки	—	20,0	21,2	—	—	—	—
Таджички	23,9	22,5	25,2	—	—	—	—
Туркменки	—	—	—	18,9	—	—	—
Казашки	18,2	14,7	—	14,0	11,7	—	—
Русские	10,9	10,7	10,2	12,9	11,5	8,8	9,9
Украинки	—	12,4	13,3	19,9	14,1	12,9	10,9

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV, с. 384, 386, 387, 390—392.

ках русских и украинок значительно более ранним вступлением женщин в брак. Причины такой стойкости традиций ранних браков у этих национальностей будут рассмотрены далее. Однако демографическая среда, демографическое поведение большинства населения не могут не влиять на отношение к браку менее многочисленных инациональных групп населения, в том числе и на брачное поведение русских и украинских женщин. По-видимому, это одна из причин того, что в республиках Средней Азии и в Казахстане русские и украинские женщины вступают в брак несколько раньше, чем в РСФСР или Украинской ССР (табл. 4). Но и на демографическом, в том числе и брачном, поведении коренных национальностей республик Средней Азии и Казахстана, по-видимому, не может не сказываться влияние проживающего там русско-украинско-белорусского населения, составляющего, например, более половины городского населения Киргизской и Казахской ССР.

2. Дифференциация брачности поколений женщин по этнической принадлежности

Сравнение доли замужних по данным переписей населения, приведенное в предыдущем разделе, дает лишь косвенное представление о динамике процесса брачно-

сти, показывая его результат к тому или иному моменту времени. Непосредственное изменение в брачном поведении населения во времени характеризуют показатели собственно брачности реальных поколений женщин (или когорт женщин по году рождения). Преимущество применения метода реального поколения заключается в том, что он позволяет выявить влияние важнейших социально-экономических факторов на брачность за длительный период и с этой позиции проанализировать динамику брачности. Кроме того, одни и те же условия одновременно воздействуют на разные поколения (т. е. на людей разного возраста) и поэтому по-разному отражаются на их брачном поведении. Анализ показателей брачности для реальных поколений дает возможность сравнить порядок вступления в брак лиц, родившихся и вступавших в брак в разные годы и в разном возрасте. Преимущество этих показателей в том, что они дают возможность увидеть, как повлияли на брачность общие изменения в условиях жизни, затронувшие, однако, разные поколения в разные годы.

Такие показатели для поколений женщин 1913—1947 гг. рождения были получены из чистых кратких таблиц брачности женщин разной этнической принадлежности⁶, построенных одним из авторов на основе данных обследования рождаемости в семьях рабочих и служащих 1967 г.⁷ В отличие от данных переписей, материалы обследования дают возможность судить об изменениях брачности, лишь начиная с конца 20-х — начала 30-х годов. Рассматривая эти показатели, нужно иметь в виду, что сведения при обследовании были получены ретроспективным путем и в каждом поколении опрошены только дожившие до момента обследования. Следовательно, для более ранних когорт показатели, по видимому, более подвержены ошибкам памяти и отсеvu

⁶ Отдельно русских, украинок, белорусок, молдаванок, литовок, латышек, эстонок, грузинок, армянок, азербайджанок, казашек, а также четырех национальностей республик Средней Азии (узбечек, туркменок, киргизок, таджичек), которые были объединены вследствие недостаточного числа случаев по каждой из этих национальностей.

⁷ О таблицах брачности женщин и анализе их показателей см.: Ильина И. П. Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения).

вследствие смертности. Можно полагать, однако, что это не могло существенно повлиять на соотношение показателей для разных когорт.

Вычисленные по этим таблицам характеристики брачности женщин свидетельствуют о том, что наряду с общими для всех национальностей тенденциями брачности в советский период динамика этого процесса у разных национальностей имела некоторые особенности, определившие изменение этнической дифференциации брачности в нашей стране.

Как и данные переписей, таблицы брачности показали, что этнические различия брачности в нашей стране относятся главным образом к молодым возрастам. С них мы и начнем анализ брачности поколений женщин.

Этническая дифференциация брачности в молодых возрастах. Динамика ранней брачности по поколениям у женщин большинства национальностей была схожей (табл. 5). Известно, что судьбы всех рассматриваемых поколений так или иначе коснулась война, но в наибольшей степени пострадала брачность в самых молодых возрастах в поколениях 1923—1927 гг. рождения, которое достигло 20-летия в 1943—1947 гг. Снижение доли ранних браков в этом поколении по сравнению с поколением 1918—1922 гг. рождения произошло у всех национальностей, хотя и в разной степени. Наибольшим оно оказалось у армянок, русских, украинок и белорусок, менее выраженным — у национальностей Прибалтики, молдаванок и национальностей Среднеазиатских республик.

Послевоенная нормализация брачности также была неодинаковой. У русских доля рано вступивших в брак, постепенно повышаясь от поколения к поколению, в поколениях 1943—1947 гг. почти вернулась к величине показателя самой старшей когорты (1913—1917 гг.); у украинок, белорусок, молдаванок, литовок, латышек, эстонок — превысила его в пределах от примерно одного (литовки) до четырех пунктов (латышки), хотя повышение было неравномерным. Заметно увеличилась доля рано вступивших в брак в этой когорте среди женщин национальностей республик Средней Азии (на 18 пунктов) и казашек (на 16 пунктов).

Снижение доли вступивших в брак до 20 лет в последнем поколении по сравнению с когортой 1913—1917 гг. произошло у женщин трех национальностей За-

Таблица 5

Динамика раннего вступления в брак женщин
по поколениям

Национальности*	Доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 20 лет (в % к общей численности женщин в поколении никогда не состоявших в браке)						
	Годы рождения поколений						
	1913—1917	1918—1922	1923—1927	1928—1932	1933—1937	1938—1942	1943—1947
	Годы достижения 20 лет						
	1933—1937	1938—1942	1943—1947	1948—1952	1953—1957	1958—1962	1963—1967
Эстонки	8,6	19,3	13,7	14,6	11,4	15,4	11,1
Латышки	16,7	16,6	13,8	16,9	10,5	18,6	20,6
Литовки	18,9	27,0	21,8	15,4	16,0	20,2	19,7
Украинки	27,3	30,1	16,4	22,4	23,7	28,4	30,5
Белоруски	27,5	29,2	17,4	19,5	18,1	25,4	30,1
Русские	28,2	27,3	13,9	19,7	21,5	25,8	27,1
Молдаванки	29,5	34,3	29,5	31,3	27,9	32,5	31,2
Грузинки	34,4	32,4	24,3	22,8	18,3	24,5	21,3
Казашки	35,2	42,0	35,5	49,7	49,8	61,1	51,4
Азербайджанки	39,6	43,4	32,7	36,4	35,0	35,4	35,4
Национальности Средней Азии	39,7	44,7	39,3	52,4	54,1	60,0	57,7
Армянки	53,3	48,6	23,1	27,9	26,1	30,8	27,7

*Здесь и далее национальности расположены в порядке возрастания доли замужних в поколении 1913—1917 гг.

кавказья. Следует отметить, что у армянок происходят изменения и в рождаемости, их недавно высокий уровень рождаемости заметно снижается, т. е. наметились изменения в обоих важных компонентах процесса воспроизводства населения — брачности и рождаемости. У грузинок динамика показателя наиболее неравномерна, что пока не находит удовлетворительного объяснения.

Особенно привлекает внимание динамика раннего вступления в брак у женщин национальностей Средней Азии, казашек и азербайджанок. Доля ранних браков среди женщин этих национальностей, родившихся в 1913—1917 гг. и в 1918—1922 гг., полученная по данным обследования 1967 г., не отвечает прежним представлениям об очень высокой доле ранних браков у них в 30-х годах.

Так, по данным Р. И. Сифман доля замужних среди женщин до 20 лет в сельской местности Средней Азии (следовательно, среди женщин коренных национальностей), родившихся в 1910—1914 и 1915—1919 гг., составила в среднем 80%⁸, среди азербайджанок в период 1936—1940 гг. доля состоящих в браке в возрастах до 20 лет составила 87,2%⁹. По данным М. К. Караханова уровень этого показателя для сельских жительниц Узбекской ССР в 1940 г. составил 52,2%¹⁰. По данным же обследования 1967 г., как видно из табл. 5, соответствующий показатель был значительно ниже.

Можно предполагать, что более низкая по данным 1967 г. доля ранних браков в этих поколениях у женщин национальностей Средней Азии, казашек и азербайджанок объясняется особенностями обследования; женщины этих национальностей, вышедшие замуж в более молодых возрастах, в связи с их более высокой смертностью могут быть в меньшей степени представлены в обследовании, чем женщины, вступившие в брак позже. Здесь мог проявиться обычный недостаток ретроспективного метода исследования — если брачность женщин, умерших до опроса, иная, чем доживших до него, то результаты будут искажены. Кроме того, чем дальше поколение отстоит от момента обследования, тем больше может быть погрешность в показателях для этого поколения.

По-видимому, в действительности для женщин национальностей Средней Азии и казашек в молодых поколениях по сравнению со старшими было характерно не увеличение доли ранних браков, а наоборот, некоторое ее снижение. Что касается азербайджанок, то если бы не указанные погрешности, снижение доли ранних браков в молодых поколениях было бы еще более заметным.

Рассматривая долю ранних браков в молодых поколениях (1938—1947 гг. рождения), можно выделить три

⁸ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости в Среднеазиатских республиках и методика ее изучения. — В кн.: Проблемы народонаселения. М., 1970, с. 300.

⁹ См.: Сифман Р. И. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966, с. 201.

¹⁰ См.: Караханов М. К. Воспроизводство населения и особенности расселения в Узбекской ССР. — В кн.: Народонаселение и экономика. М., 1967, с. 87.

группы национальностей по степени распространенности ранних браков. Первая группа — женщины национальностей Прибалтийских республик. Для них характерно наиболее позднее в среднем вступление в брак, что отразилось в низких долях вступивших в первый брак к 20 годам. Вторая группа — национальности, у которых раннее замужество распространено умеренно: русские, украинки, белоруски, молдаванки, армянки, к ним примыкают азербайджанки. Третья группа — национальности с самым высоким уровнем раннего вступления в брак: среди казашек и женщин национальностей Средней Азии доли вступивших в брак к 20 годам наиболее высоки.

Сохранение столь сильных традиций раннего замужества у женщин этих национальностей связано с рядом причин. Особенности экономического развития республик Средней Азии обуславливают в них в настоящее время сравнительно высокую долю сельского населения, а слабая мобильность сельской молодежи коренных национальностей — особенно высокую ее долю в сельском населении этих республик. Как известно, культурно-бытовые традиции и обычаи гораздо более устойчивы в сельской местности, нежели в городах. В городах, где в тесном соседстве живут представители разных народов и образ жизни меньше подвержен социальному контролю, ломка старого национального быта и формирование новых традиций происходит относительно быстрее и легче. Большая консервативность условий жизни на селе и однородность этнического состава населения сельских населенных пунктов способствуют тому, что, несмотря на все большее распространение влияния города, изменения в образе жизни сельского населения происходят более медленно. В сельской местности дольше, чем в городах, сохраняются установки мусульманской религии, в недавнем прошлом господствовавшей у народов Средней Азии, которые также играют немаловажную роль в сохранении традиций раннего брака у женщин.

Другим важным фактором сохранения традиций ранних браков служит то обстоятельство, что ей не противоречит сама специфика сельского образа жизни. Занятие сельскохозяйственным трудом, как правило, не требует высокой квалификации и длительного специального обучения. Что касается общего образования, то к воз-

расту 17 лет девушки успевают получить среднее образование. Все это способствует сохранению среди названных народов «традиционного» типа брачности, характеризующегося сравнительно быстрым вступлением в брак большинства ровесниц, ранним замужеством и низким процентом окончательного безбрачия.

Доля вступивших в брак к возрасту 20 лет в когорте 1943—1947 гг. рождения среди женщин национальностей Средней Азии и казашек несколько снизилась по сравнению с когортой 1938—1942 гг. рождения, хотя и осталась еще достаточно высокой. Можно полагать, что это — проявление тенденции к повышению возраста вступления в брак у женщин этих национальностей в результате дальнейшего действия комплекса социально-экономических факторов, таких, как рост культурного уровня, расширение процесса урбанизации, дальнейшее вовлечение женщин в общественное производство. Поэтому, начиная с поколения женщин, родившихся после 1947 г., можно, по-видимому, ожидать ослабления этнической дифференциации показателей раннего вступления в брак, с одной стороны, вследствие снижения частоты ранних браков у женщин национальностей Средней Азии, с другой — из-за повышения частоты их у женщин тех национальностей, у которых соответствующие показатели были до сих пор на низком и среднем уровне.

Брачность женщин национальностей союзных республик Прибалтики представляет яркий контраст по сравнению с брачностью женщин национальностей Средней Азии. Этот контраст объясняется особенностями социально-экономического развития двух регионов. Как уже отмечалось, Прибалтика раньше других территорий России встала на путь капиталистического развития, и уже к XVIII в. там сформировался «европейский» тип брачности, соответствовавший развитой капиталистической экономике. Для него характерно позднее вступление в брак, растянутые сроки вступления в брак женщин каждого поколения и высокий процент окончательного безбрачия.

Этническая дифференциация брачности в старших возрастах. В возрастах максимальной брачности (до 25 лет) дифференциация брачности по этнической принадлежности меньше, чем в молодых возрастах: почти во всех поколениях максимальная доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 25 лет, больше мини-

мальной всего примерно в полтора раза; однако брачность отдельных национальностей сохраняет свои особенности и в этих возрастах (табл. 6).

Таблица 6

Динамика вступления в брак женщин
к возрасту максимальной брачности по поколениям

Национальности	Доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 25 лет (в % к общей численности женщин в поколении, никогда не состоявших в браке)					
	Годы рождения поколений					
	1913—1917	1918—1922	1923—1927	1928—1932	1933—1937	1938—1942
	Годы достижения 25 лет					
	1938—1942	1943—1947	1948—1952	1953—1957	1958—1962	1963—1967
Эстонки	44,2	56,0	53,8	54,8	61,2	64,9
Латышки	56,1	60,5	51,1	55,3	67,3	69,0
Литовки	62,2	62,6	60,5	58,3	64,1	65,5
Молдаванки	65,3	60,7	75,9	70,1	78,3	77,7
Националь- ности Средней Азии	66,2	72,8	81,3	86,3	89,8	91,3
Украинки	66,4	64,8	68,4	72,7	78,5	81,6
Казашки	67,4	68,4	82,5	87,0	88,0	93,0
Азербайджанки	68,3	64,1	74,9	75,2	78,5	72,2
Грузинки	71,5	61,2	62,4	62,2	62,5	58,3
Русские	73,1	61,3	68,3	72,2	77,3	79,3
Белоруски	74,8	61,7	67,2	69,3	74,8	82,0
Армянки	77,4	71,1	71,4	70,6	74,0	73,6

Во всех поколениях более «медленное» вступление в брак, т. е. более низкая доля вышедших замуж к 25 годам, характерно для женщин национальностей Прибалтики; наиболее быстро вступали в брак в самой старшей когорте (родившиеся в 1913—1917 гг.) русские, белоруски, грузинки, армянки; в двух последних поколениях (1933—1937 и 1938—1942 гг. рождения) — женщины национальностей Средней Азии и казашки. Здесь также при анализе надо иметь в виду искаженный характер динамики показателя для женщин национальностей Средней Азии, казашек и азербайджанок: в когортах

1913—1917 и 1918—1922 гг. рождения величина показателя, по-видимому, преуменьшена. Динамика приведенных в табл. 6 показателей свидетельствует о тенденции к более раннему вступлению в брак большинства ровесниц в молодых поколениях по сравнению со старшими почти у всех национальностей.

Важной с демографической точки зрения характеристикой брачности женщин можно считать долю женщин, вступивших в первый брак к возрасту 30 лет, так как к этому возрасту большинство женщин обычно уже замужем.

Таблица 7

Динамика вступления в брак женщин
к возрасту 30 лет по поколениям

Национальности	Доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 30 лет (в % к общей численности женщин в поколении, никогда не состоявших в браке)				
	Годы рождения поколений				
	1913—1917	1918—1922	1923—1927	1928—1932	1933—1937
	Годы достижения 30 лет				
	1943—1947	1948—1952	1953—1957	1958—1962	1963—1967
Эстонки	67,8	73,7	76,0	81,1	82,7
Азербайджанки	74,8	80,0	84,1	87,9	89,0
Латышки	75,8	75,8	79,1	82,0	86,0
Украинки	80,4	86,6	88,5	91,0	93,0
Националь- ности Сред- ней Азии	80,4	89,2	93,2	96,7	96,2
Литовки	80,5	80,2	78,0	85,8	87,9
Молдаванки	82,1	79,3	88,0	87,0	91,2
Грузинки	82,4	82,6	78,4	80,7	78,5
Казашки	82,4	88,9	94,4	96,6	96,6
Армянки	83,1	87,2	86,3	87,5	89,2
Русские	83,8	86,2	88,0	91,0	92,6
Белоруски	84,7	85,0	86,0	89,6	91,8

Более позднее вступление в брак прослеживается у всех поколений женщин национальностей прибалтийских республик, однако для них характерно увеличение доли вступивших в первый брак от поколения к поколению. Тенденция к более позднему вступлению

в брак в молодых поколениях проявилась только у грузинок: доля вступивших в брак к возрасту 30 лет в когортах 1928—1932 и 1933—1937 гг. рождения оказалась у этой национальности самой низкой. Практически исчерпанным к возрасту 30 лет оказался контингент вступающих в первый брак в молодых поколениях у женщин национальностей Средней Азии и казашек; для старших когорт (1913—1917 и 1918—1922 гг. рождения) величина этого показателя (как и доля вступивших в первый брак к 20 и 25 годам), по-видимому, преуменьшена.

Как показали таблицы брачности, чем больше возраст, тем меньше различия в доле вступивших в брак среди женщин разных национальностей. Уровень окончательного безбрачия обычно оценивается долей не вступивших в брак к 50 годам. Данные не позволяют применить этот обобщающий показатель для сравнения, потому что на момент обследования в возрасте от 50 до 54 лет была только самая старшая когорта женщин—1913—1917 гг. рождения; однако для такой оценки можно принять и возраст 35 лет. В поколении 1928—1932 гг. наиболее высока доля вступивших в брак к 35 годам среди женщин национальностей Средней Азии и казашек—98%; несколько ниже она у русских, украинок, белорусок, молдаванок, азербайджанок, армянок—от 92 до 95%; наиболее низка эта доля у эстонков, латышек, литовок—от 90 до 92%. Разрыв между максимальной и минимальной долей вступивших в брак к 35 годам у женщин разных национальностей во всех когортах (1913—1917, 1918—1922, 1923—1927, 1928—1932 гг. рождения) составил от 12 до 16 пунктов.

Итак, анализ динамики дифференциации брачности по национальностям показывает снижение дифференциации в поколениях, непосредственно затронутых войной (1913—1927 гг. рождения), и повышение ее в поколениях, представители которых с самого начала вступали в брак в мирных условиях. Однако косвенное влияние войны, выразившееся, в частности, в нарушении соотношения полов в бракоспособных возрастах, сказалось на брачной судьбе еще нескольких следующих поколений: будучи разным для разных этнических групп, оно стало одной из причин усиления этнической дифференциации брачности в этих поколениях женщин.

3. Брачность поколений женщин и продуктивность браков

При изучении демографических аспектов брачности наибольший интерес представляет, конечно, ее влияние на воспроизводство населения, в частности на рождаемость.

В небольшой статье нельзя подробно охарактеризовать воздействие социально-экономических условий на формирование системы ценностей в сфере брачно-семейных отношений, которая в современных условиях в значительной мере определяет как брачное, так и репродуктивное поведение членов различных социальных, в том числе и этнических, групп населения. Этой проблеме и отдельным ее аспектам в последнее время был посвящен целый ряд работ советских демографов¹¹, и ее изучение продолжается. Оставляя за рамками статьи «поведенческие» факторы, коснемся факторов «структуры», влияние которых присутствует во всех демографических процессах, обладающих биологически и социально обусловленными различиями в интенсивности в зависимости от возраста. Если дифференциация демографических процессов по территориям и социальным группам усиливается, то увеличивается влияние структурных факторов на формирование общего уровня тех или иных демографических процессов. В этом отношении Советский Союз, в населении которого в силу причин исторического, социально-экономического характера еще не завершился полностью демографический переход, относится к странам, где влияние структурных факторов на демографические процессы остается пока еще довольно существенным.

Интенсивность брачности в разных возрастах оказывает непосредственное воздействие на формирование

¹¹ См., например: Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975; Бондарская Г. А. Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения); Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР. М., 1977; Антонов А. И. Изменение структуры и жизнедеятельности семьи. — В кн.: Молодая семья. М., 1977; Голод С. Социально-психологические и нравственные ценности семьи. — Там же.

репродуктивного контингента¹², его численности и возрастного состава. Ею же в значительной мере определяется и продолжительность того периода в жизни женщин, в течение которого обычно происходит процесс формирования семьи. Чем раньше и интенсивнее в пределах бракоспособного возраста выбывают женщины каждого поколения из категории незамужних и переходят в категорию состоящих в браке, тем моложе структура формирующегося репродуктивного контингента, а следовательно, тем больше при прочих равных условиях продолжительность наиболее эффективного с точки зрения воспроизводства населения периода жизни женщин.

Как показали специальные исследования, продолжительность периода, прожитого поколением женщин в браке, и особенно в наиболее плодовитых возрастах, сказывается на конечной продуктивности поколения¹³. Наиболее отчетливо действие этого фактора проявляется, конечно, в условиях нерегулируемой рождаемости. Сохраняет он свое значение и в группах населения с четкой ориентацией на малодетность, а тем более в переходных группах. Поэтому пренебрегать им в анализе рождаемости вряд ли правильно.

Проследим связь уровня рождаемости с продолжительностью жизни в браке на примере данных о брачности и об уровне рождаемости у женщин основных национальностей союзных республик.

Напомним, что анализ ведется по чистым таблицам брачности. Поскольку эти таблицы построены по данным анамнестического обследования женщин, доживших до момента наблюдения, в них не учтено влияние смертности. Если в нашей стране в разные периоды существовала значительная социальная дифференциация уровня смертности, то она, конечно, сказалась так или иначе на рассматриваемых характеристиках брачности женщин как разных поколений, так и разных социальных групп. Однако подробной информации о дифференциальной смертности в динамике в нашей стране

¹² Под репродуктивным контингентом в данном случае понимается совокупность женщин в плодovитом возрасте, состоящих в браке, т. е. та совокупность, которая при невысоком уровне внебрачной рождаемости дает основную часть рождений.

¹³ См.: Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972, с. 121; Сколько детей будет в советской семье. М., 1977, с. 39.

нет. Анализ некоторых работ, посвященных изучению смертности лиц разного брачного состояния¹⁴, показал, однако, что различия ее у женщин не столь велики. Поэтому при построении таблиц брачности ими, по-видимому, можно пренебречь, имея, однако, в виду возможное искажение показателей. Как уже отмечалось, более или менее значительные искажения показателей таблиц брачности в результате влияния смертности наиболее вероятны в самых старших когортах — 1913—1917 и 1918—1922 гг. рождения.

Действующее в советских союзных республиках брачно-семейное законодательство в большинстве случаев предоставляет девушкам право вступать в брак по достижении ими возраста 18 лет, к которому наступает не только физическая, но и социальная зрелость молодежи.

Если бы все женщины во всех когортах вступали в брак в одном и том же возрасте, скажем в 18 лет, то каждой женщине теоретически предстояло бы прожить в браке до момента наблюдения¹⁵ в среднем следующее число лет: в когорте 1913—1917 гг. рождения — 34 года, в когорте 1918—1922 гг. рождения — 29 лет, в когорте 1923—1927 гг. рождения — 24 года и т. д.¹⁶ Эта продолжительность брака могла бы быть достигнута при условии, что данный брак был у каждой из женщин первым и единственным.

Степень «использования» женщинами периода брачной жизни, максимально возможного при действующем семейно-брачном законодательстве, определяется кон-

¹⁴ См.: Смертность и семейное состояние населения. — В кн.: Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики (Избранные произведения)/Под ред. проф. А. М. Меркова. М., 1958; Henry L. Approximations et erreurs dans les tables de nuptialité de générations. — „Population“, 1963, № 4; Depoid P. Table nouvelles relatives à la population française. — „Bulletin de la statistique générale de la France et du Service d'observation des Prix“. Tome XXVII. I—III. Paris, 1938; Wunsch G. L'utilisation des mariages réduits. Etude des perturbations introduites par la mortalité et la mobilité spatiale. — „Population et Famille“, 1970, № 21.

¹⁵ В нашем примере — это дата обследования 1967 г., по данным которого были построены таблицы брачности.

¹⁶ Число лет условно предстоящей брачной жизни для каждой из когорт отсчитывается от середины соответствующего пятилетия. При этом не учитывалось, что для старших когорт число лет брачной жизни могло быть больше, так как во время их замужества минимальный возраст вступления в брак был ниже.

Степень использования когортами женщин
максимально возможного периода брачной жизни
по группам национальностей; 1967 г.

Годы рождения женщин	Доля лет, прожитых женщинами в браке к данному возрасту (в % к максимально возможному числу лет)			
	русские	украинки, белоруски, молдаванки	латышки, эстонки, литовки	узбеки, таджик- ки, турк- менки, киргиз- ки, казахи
<i>К возрасту 30 лет</i>				
1913—1917	76,5	78,6	64,2	77,7
1918—1922	74,7	70,8	66,7	81,2
1923—1927	72,1	72,8	63,6	83,5
1928—1932	72,1	72,4	62,7	87,6
1933—1937	68,4	69,0	62,0	85,2
<i>К возрасту 35 лет</i>				
1913—1917	80,3	81,5	68,5	82,1
1918—1922	77,6	75,4	71,6	84,1
1923—1927	74,3	74,9	68,2	84,9
1928—1932	73,1	73,6	64,8	88,0
<i>К возрасту 40 лет</i>				
1913—1917	81,2	82,2	70,0	83,4
1918—1922	78,2	76,4	73,0	84,7
1923—1927	74,7	75,3	68,9	85,2
<i>К возрасту 45 лет</i>				
1913—1917	81,4	82,5	70,9	83,8
1918—1922	78,4	76,6	73,3	84,9

кретными условиями жизни разных поколений женщин, исторически сложившимися традициями в сфере семейно-брачных отношений, обусловившими различия в истории и характере брачности у народов нашей многонациональной страны. Женщины вступают в брак в разных возрастах и поэтому процесс вступления в брак всех членов когорты растянут во времени.

Опираясь на показатели таблиц брачности, можно рассчитать число человеко-лет, фактически прожитое женщинами каждого поколения к тому или иному возрасту. Отношение этого числа к максимально возможной (в указанном смысле) к тому же возрасту длительности брачной жизни показывает, в какой мере «скорость» вступления в брак, степень растянутости этого процесса у разных поколений женщин отражается на полноте «использования» максимально возможного периода брачной жизни.

Существует представление о том, что чем выше доля женщин, не вступивших в брак к возрасту, скажем, 30—35 лет, тем меньше конечная продуктивность когорты¹⁷, т. е. число детей, рожденных в среднем всеми женщинами когорты. Действительно, женщины, прожившие годы максимальной физиологической плодовитости вне брака, не могут в полной мере участвовать в процессе воспроизводства населения. Среди поздно заключенных браков больше доля физиологически бесплодных браков либо браков с относительно низкой продуктивностью.

Вместе с тем, видимо, играет роль и различная интенсивность выбытия из совокупности незамужних в молодых возрастах. Ее следствием, в частности, были существенные различия в показателях степени использования максимально возможного периода жизни в браке в наиболее плодотворных возрастах у женщин разных национальностей (табл. 8). В четырех группах национальностей, образованных по признаку сходства в характере брачности и с учетом степени этнической близости народов¹⁸, наиболее полно использовали максимально возможный брачный период женщины основ-

ных национальностей республик Средней Азии: среди них разные когорты к возрасту 30 лет прожили вне брака лишь от 12 до 22% этого периода. Менее полно использовали этот период латышки, эстонки, литовки, прожив к 30 годам вне брака более трети максимально возможного брачного периода.

Весьма значительной остается дифференциация этих показателей и в следующих возрастных группах, в частности к возрасту 45 лет, близкому к верхней возрастной границе плодотворного периода.

Как мы видим из табл. 8, имеются различия в динамике этих показателей в рамках отдельных когорт у женщин разных этнодемографических групп. Они мо-

¹⁷ См.: Дарский Л. Е. Формирование семьи, с. 74—75.

¹⁸ Примененная группировка включает 12 основных национальностей союзных республик (ни в одну из групп не вошли армянки, грузинки и азербайджанки), численность которых в 1970 г. составляла 85,3% общей численности населения СССР.

гут объясняться тем, что одни народы нашей страны (русские, украинцы, белорусы, народы Прибалтики и др.) испытали отрицательное воздействие войны на брачность в большей степени, у других же (национальностей Средней Азии, Закавказья) процесс брачности был нарушен в меньшей мере.

Другим существенным фактором, обусловившим у некоторых национальностей снижение части времени, прожитой женщинами вне брака, надо считать распространение более поздних браков в силу причин социально-экономического характера.

Если показатели, характеризующие степень использования максимально возможного периода жизни в браке, выразить непосредственно в единицах времени — в годах, то картина несколько конкретизируется. Можно видеть, например, что каждая из женщин основных национальностей республик Прибалтики к возрасту 30 лет в когортах 1928—1932 и 1933—1937 гг. рождения прожила в браке в среднем на 3 года меньше, чем каждая из женщин основных национальностей Средней Азии (табл. 9). Однако по мере увеличения возраста относительная разница в числе лет, прожитых в браке женщинами разных групп национальностей, постепенно сокращается: в брак в конце концов вступают почти все женщины всех групп национальностей. Так, по данным таблиц брачности к возрасту 50 лет никогда не состояло в браке, например, из когорты 1913—1917 гг. рождения лишь 4,7% женщин основных национальностей республик Средней Азии и около 6—8% русских, украинцев, белорусских, литовских, латышских женщин. Но одни вступали в брак в среднем раньше, другие — позже.

Сопоставление степени использования максимально возможного периода жизни в браке с уровнем рождаемости женщин соответствующих когорт к наибольшему достигнутому на момент наблюдения (1967 г.) возрасту (табл. 8, 9) может показать, как связана рождаемость с повозрастной интенсивностью брачности в разных группах национальностей во всех поколениях женщин. Особенно хорошо проявляется эта связь по мере того, как когорты женщин доживают до старших плодородных возрастов, в которых, по существу, и подводится итог репродуктивной деятельности каждой женщины и всей когорты в целом.

Таблица 9
Длительность и продуктивность брака когорт женщин по группам национальностей; 1967 г.

Годы рождения женщин	Число лет, в среднем прожитое в браке одной женщиной* в группе национальностей					Число детей, рожденное в среднем одной женщиной в группе национальностей				
	русские	украинки, белорусы, молдаване	латышки, эстонки, литовки	узбеки, таджикки, киргизки, казашки		русские	украинки, белорусы, молдаване	латышки, эстонки, литовки	узбеки, таджикки, киргизки, казашки	
<i>К возрасту 30 лет</i>										
1913—1917	9,2	9,4	7,7	9,3	1,48	1,54	1,09	1,49		
1918—1922	9,0	8,5	8,0	9,7	1,37	1,37	1,18	1,62		
1923—1927	8,6	8,7	7,6	10,0	1,45	1,40	1,17	2,38		
1928—1932	8,6	8,7	7,5	10,5	1,48	1,46	1,19	2,89		
1933—1937	8,2	8,3	7,4	10,2	1,41	1,46	1,17	3,27		
<i>К возрасту 35 лет</i>										
1913—1917	13,6	13,9	11,6	14,0	1,98	1,99	1,54	2,24		
1918—1922	13,2	12,8	12,2	14,3	1,90	1,88	1,64	2,75		
1923—1927	12,6	12,7	11,6	14,4	1,88	1,84	1,58	3,66		
1928—1932	12,4	12,5	11,0	15,0	1,83	1,83	1,57	4,25		
<i>К возрасту 40 лет</i>										
1913—1917	17,9	18,1	15,4	18,4	2,29	2,26	1,73	3,01		
1918—1922	17,2	16,8	16,1	18,6	2,12	2,10	1,85	3,68		
1923—1927	16,4	16,6	15,2	18,7	2,03	2,01	1,74	4,62		
<i>К возрасту 45 лет</i>										
1913—1917	22,0	22,3	19,1	22,6	2,37	2,34	1,79	3,52		
1918—1922	21,2	20,7	19,8	22,9	2,16	2,14	1,90	4,25		

* Максимально возможная длительность брака при условии вступления женщин в брак в возрасте 18 лет составит к 30 годам 12 лет, к 35 годам — 17 лет, к 40 годам — 22 года, к 45 годам — 27 лет.

Что касается этнического аспекта этой зависимости, то самый низкий уровень накопленных показателей рождаемости к различным возрастам плодородного периода имели когорты женщин прибалтийских национальностей, у которых число лет, в среднем прожитых в браке, — наименьшее. Самый высокий уровень рождаемости — у когорт женщин основных национальностей республик Средней Азии, у которых период, прожитый женщинами в браке, — наибольший.

Среднегодовая продуктивность браков когорт женщин по группам национальностей; 1967 г.

Годы рождения женщин	Среднее число рождений на 1 год, прожитый в браке в данном возрастном интервале, у одной женщины			
	русские	украинки, белоруски, молдаванки	латышки, эстонки, литовки	узбеки, таджики, туркменки, киргизки, казашки
<i>За период от 30 до 35 лет</i>				
1913—1917	0,16	0,16	0,14	0,16
1918—1922	0,15	0,16	0,15	0,17
1923—1927	0,17	0,16	0,15	0,24
1928—1932	0,17	0,17	0,16	0,28
1933—1937	0,17	0,18	0,16	0,32
<i>За период от 35 до 40 лет</i>				
1913—1917	0,11	0,10	0,12	0,16
1918—1922	0,13	0,12	0,11	0,24
1923—1927	0,11	0,11	0,10	0,29
1928—1932	0,10	0,10	0,11	0,28
<i>За период от 40 до 45 лет</i>				
1913—1917	0,07	0,06	0,05	0,18
1918—1922	0,06	0,06	0,05	0,22
1923—1927	0,04	0,04	0,04	0,22
<i>За период от 45 до 50 лет</i>				
1913—1917	0,02	0,02	0,02	0,12
1918—1922	0,01	0,01	0,01	0,13

Однако основным и решающим фактором значительных различий в уровне рождаемости у женщин в группах национальностей с низким ее уровнем (русских, украинцев, белорусов, молдаван, латышей, эстонцев, литовцев) и у женщин в группе национальностей с высоким ее уровнем (основные национальности республик Средней Азии) надо считать, конечно, сохраняющиеся еще до настоящего времени исторически обусловленные различия между ними в репродуктивном поведении. А это может означать, что на данном этапе демографического развития нашей страны изменения в характере брачности, по-видимому, не играют значительной роли в изменении рождаемости как у национальностей с низким, так и с высоким уровнем рождаемости.

Расчеты показывают, что у женщин в группах национальностей с низким уровнем рождаемости репродуктивная активность после 30 лет снижается довольно быстро и формирование семьи практически заканчивается в возрасте 35—40 лет (табл. 10). В этих условиях существенное влияние на конечную продуктивность брака оказывает не столько общая продолжительность пребывания женщин в браке, сколько длительность пребывания их в браке в наиболее плодотворных возрастах.

Процесс формирования семьи у национальностей Средней Азии более растянут. Сохраняющаяся еще ориентация на многодетность способствует тому, что интенсивность брачной рождаемости после 30 лет снижается медленнее, и в возрасте 40—45 лет женщины основных национальностей союзных республик Средней Азии рожают в среднем в расчете на 1 год брачной жизни примерно столько же детей, сколько женщины основных национальностей союзных республик европейской части страны в возрасте 30—35 лет. В этих условиях увеличение продолжительности брачного периода в жизни женщин может в конечном счете способствовать увеличению продуктивности браков.

Поэтому если бы русские, эстонские, латышские, литовские, украинские, белорусские женщины весь плодотворный период своей жизни прожили в браке¹⁹, рожая

¹⁹ Напомним, что речь идет о брачности женщин, вступающих в брак впервые. В современных условиях на конечном уровне рождаемости когорты может отразиться также брачность и репродуктивное поведение в новом браке вдовых и разведенных.

с той же интенсивностью, что и в течение фактически прожитого в браке времени, то даже этого гипотетического уровня продуктивности брака каждой женщины в результате увеличения продолжительности брачного периода было бы все-таки недостаточно для повышения рождаемости у женщин этих национальностей настолько, что она вывела бы их за пределы малодетности.

И напротив, сокращение периода жизни в браке (скажем, в случае более позднего замужества) у жен-

щин национальностей Средней Азии до продолжительности брачной жизни, например, латышек, эстонок, литовок при сохранении прежней интенсивности деторождения могло бы дать некоторое снижение продуктивности браков. Однако этого также оказывается *недостаточно* для того, чтобы конечная продуктивность браков у женщин этих национальностей снизилась настолько, чтобы *приблизиться* даже к гипотетическому, явно преувеличенному, уровню продуктивности браков в группах национальностей с низким уровнем рождаемости, о котором говорилось ранее.

4. Выводы

1. Существующие в настоящее время различия в характере брачности у народов нашей страны связаны с особенностями их культуры в сфере брачно-семейных отношений, складывавшимися в процессе социально-экономического и культурного развития народов на протяжении веков.

2. В начале XX в. на территории нашей страны граница наиболее резких различий в брачности, имеющих демографическое значение, проходила между Привислинскими губерниями, для населения которых была характерна поздняя брачность и наиболее высокий уровень окончательного безбрачия, и русскими губерниями европейской части России с более ранней и полной брачностью населения. Раннее вступление в брак женщин и низкая доля в населении лиц, никогда не состоящих в браке, характеризовали также и брачность национальностей Средней Азии. Коренные социально-экономические преобразования в стране, происшедшие за годы Советской власти, ломая традиционный брачно-семейный уклад, способствовали снижению частоты ранних браков и браков в возрастах максимальной брачности у женщин всех национальностей. Постепенно граница различий в характере брачности смещалась, и в настоящее время существенные различия в характере брачности отмечаются между основными национальностями республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, характер брачности у которых не претерпел больших изменений, и основными национальностями союзных республик Прибалтики, а также РСФСР, Украинской ССР.

3. Наблюдавшиеся в нашей стране на протяжении длительного периода различия в брачности у женщин отдельных национальностей и групп национальностей проявлялись и проявляются в настоящее время в основном в разной частоте браков в самых молодых бракоспособных возрастах — до 20 лет. По мере увеличения возраста этническая дифференциация показателей постепенно ослабевает, и к концу плодовитого периода различия в доле никогда не состоявших в браке женщин хотя и остаются, но не имеют демографического значения.

4. По степени распространенности ранних браков в реальных поколениях женщин 1913—1947 гг. рождения можно выделить три группы национальностей. Наименьшей частотой ранних браков выделяются женщины национальностей Прибалтийских республик, среднюю частоту ранних браков имели русские, украинские, белорусские женщины, молдаванки, армянки, азербайджанки и, наконец, наиболее распространено раннее замужество у женщин основных национальностей республик Средней Азии и казашек.

5. Динамика брачности в поколениях женщин разных национальностей оказалась схожей. Особенно заметно в ней проявилось влияние Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., хотя на брачности русских, украинских, белорусских женщин, а также латышек, литовок и эстонок отрицательное воздействие войны сказалось сильнее, чем на брачности женщин основных национальностей республик Средней Азии.

6. В группе национальностей, к которой относятся русские, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, различия в брачности, имеющие демографическое значение, почти сгладились.

В группе, объединяющей национальности с сохраняющимися еще элементами «традиционного» типа брачного поведения, в процессе дальнейшего социально-экономического и культурного развития на каком-то этапе возможно увеличение дифференциации брачности и нарушение однородности этой группы.

7. В настоящее время характер брачности оказывает определенное влияние на конечный результат репродуктивной деятельности женщин отдельных национальностей, особенно тех, среди которых регулирование деторождения еще не получило достаточно широкого

распространения. По-видимому, это влияние сохранится и в ближайшем будущем. По мере завершения демографического перехода среди всего населения нашей страны и распространения единого типа репродуктивного поведения, направленного на ограничение числа детей в семье, такое влияние сведется, вероятно, к минимуму. Однако, по-видимому, останется в силе значение брачности как «структурного» фактора, воздействующего на общий уровень рождаемости, поскольку семья в обозримом будущем еще сохранит свое значение основной ячейки общества, в рамках которой осуществляется воспроизводство населения.

М. С. ТОЛЬЦ

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩАЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БРАЧНОСТИ, ПРЕКРАЩЕНИЯ И ДЛИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

Обобщающие показатели — необходимый инструмент демографического анализа. Однако в исследовании брачности обобщающие характеристики пока не получили должного распространения. Несмотря на то что значительную часть браков составляют сейчас повторные браки, число которых растет, традиционные демографические модели не учитывают этого обстоятельства, как правило, ограничиваясь анализом лишь первых браков. Между тем сегодня совершенно очевидна невозможность глубокого изучения матримониального поведения без учета повторных браков. Это требует видоизменения приемов анализа и поиска новых обобщающих показателей брачности.

Цель настоящей статьи — наметить подход к анализу брачности как единого процесса, включающего как первые, так и повторные браки, рассмотреть важнейшие обобщающие характеристики брачности в этом случае и возможность их получения на отечественном статистическом материале. При этом, хотя к анализу и привлекается фактический материал, не ставится задача дать исчерпывающую картину общей динамики брачности в СССР, что может быть сделано лишь в специальной работе. Приводимые далее показатели нуждаются, конечно, и в более подробном анализе, для которого необходимо привлечение большего объема конкретно-исторического материала.

Традиционный подход к изучению брачности включает построение таблиц брачности на основе принципа неповторности события, т. е. исходя из того, что демографическое событие данного типа (в нашем случае брак) совершается в жизни человека один раз. Соглас-

но этому принципу каждый брак (первый, второй и т. д.) рассматривается отдельно, а при построении такой таблицы брачности вычисляются характеристики браков только одного порядка, причем обычно ограничиваются построением таблиц для первых браков¹. Исходные коэффициенты брачности получают при этом, сопоставляя числа вступивших в первый брак с числами никогда не состоявших в браке в соответствующих возрастах. Такой подход дает возможность получить лишь одну обобщающую характеристику брачности — показатель окончательного безбрачия. Таким показателем обычно считается доля не вступивших в брак к 50 годам (условной верхней границе плодovитого возраста для женщин) по таблице брачности для никогда не состоявших в браке. Достаточно точная оценка величины окончательного безбрачия может быть получена и по данным переписи населения как доля лиц, никогда не состоявших в браке в близкой к 50 годам возрастной группе². Показатель окончательного безбрачия указывает, какая часть когорты (реальной или гипотетической) вообще не участвовала в формировании супружеских пар. Следовательно, он дает представление о том, сколь велика доля лиц, вступивших в брак хотя бы один раз. Величина показателя окончательного безбрачия колеблется в широких пределах, иногда, в исключительных условиях, даже превышая 30% (Ирландия), а в других случаях — не достигая и 1% (некоторые страны ислама)³. Судя по имеющимся данным в целом по СССР, безбрачие в нашей стране никогда не имело очень широкого распространения. Так, даже по чистой таблице брачности для первых браков женщин СССР за послевоенные 1949—1959 гг. показатель окончательного безбрачия не превышал 8%⁴.

Рассмотрение брака как повторяющегося события, подобно тому как это делается еще с конца прошлого века в отношении рождаемости, открывает широкие

перспективы для получения обобщающих характеристик. В этом случае мы имеем возможность построить таблицу, описывающую процесс брачности в целом, а не только вступления в первый брак. В отличие от таблиц брачности для никогда не состоявших в браке она строится применительно ко всему населению и поэтому может быть названа общей таблицей брачности⁵. При построении этой таблицы мы исходим из принципа повторности события: при переходе от одного момента к другому совокупность, продуцирующая события данного рода, не изменяет своей численности под воздействием изучаемого процесса, хотя и может менять ее в результате действия других процессов (для брачности — в результате смертности и миграции). Исходными показателями общей таблицы брачности будут величины возрастных коэффициентов брачности:

$$b_x = \frac{B_x}{S_x},$$

где B_x — общее число вступлений в брак в возрасте x лет;

S_x — средняя численность лиц всех категорий брачного состояния в возрасте x лет.

На основе этих коэффициентов обычным путем получают кумулятивные коэффициенты брачности для поколения, т. е. накопленные числа браков к данному возрасту. Для гипотетического поколения это означает, что мы предполагаем сохранение в соответствующих возрастах данной частоты браков. Таблицы, конечно, строятся отдельно для лиц каждого пола.

Построенные нами общие таблицы брачности мужчин и женщин за 1896—1897 гг. (табл. 1) и за 1969—1970 гг. (табл. 2) характеризуют два качественно разных типа брачности — традиционный и современный. При построении таблиц частота браков для каждого возрастного интервала определялась как произведение коэффициента брачности на величину соответствующего интервала. Числа браков, приводимые в публикациях для открытых интервалов старших возрастов, были отнесены к численности лиц в последнем интервале возраста каждой таблицы. Влияние смертности и миграции

⁵ Общепринятого термина для таблицы такого типа пока нет, ранее мы ее называли кумулятивной (суммарной) таблицей брачности.

¹ Подробнее см., например: Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974, с. 81—86.

² См.: Шатлан Ж., Пресса Р. Брачность поколений французов на протяжении столетия. — В кн.: Демография поколений/Под ред. Р. И. Сифман. М., 1972, с. 85—88.

³ Bogue D. Principles of demography. N. Y., 1969, p. 317—324. 337.

⁴ См.: Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972, с. 58.

Таблица 1

Краткие общие таблицы брачности для мужчин и женщин
Европейской России за 1896—1897 гг.

Возрастная группа	Средний годичный коэффициент брачности для группы	Величина возрастного интервала	Частота браков в возрастном интервале	Кумулятивный коэффициент брачности
<i>Мужчины</i>				
16—20	0,0576	5	0,2880	0,2880
21—25	0,0788	5	0,3940	0,6820
26—30	0,0463	5	0,2315	0,9135
31—35	0,0165	5	0,0825	0,9960
36—40	0,0103	5	0,0515	1,0475
41—45	0,0084	5	0,0420	1,0895
46—50	0,0064	5	0,0320	1,1215
51—70	0,0032	20	0,0640	1,1855
<i>Женщины</i>				
15—20	0,0788	6	0,4728	0,4728
21—25	0,0644	5	0,3220	0,7948
26—30	0,0161	5	0,0805	0,8753
31—35	0,0079	5	0,0395	0,9148
36—40	0,0049	5	0,0245	0,9393
41—45	0,0038	5	0,0190	0,9583
46—50	0,0027	5	0,0135	0,9718
51—70	0,0008	20	0,0160	0,9878

Источники: Статистика Российской Империи, Т. XLVIII, Спб., 1899, с. 88—89; т. L, Спб., 1900, с. 88—89; Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 110—111.

на показатели таблиц не учитывалось, поскольку они строились с целью получения характеристик собственно брачности для сравнений.

Первое, что можно отметить, рассматривая показатели общих таблиц брачности,— падение частоты ранних браков в сравнении с концом прошлого века. В 1969—1970 гг. показатель брачности мужчин в возрастном интервале 16—19 лет был почти вчетверо меньше, чем показатель брачности мужчин в возрастном интервале 16—20 лет в 1896—1897 гг. Конечно, разная группировка возрастов этих четырех таблиц, обусловленная особенностями исходных статистических данных, затрудняет анализ, однако не лишает возможности оце-

Таблица 2

Краткие общие таблицы брачности для мужчин и женщин СССР
за 1969—1970 гг.

Возрастная группа	Средний годичный коэффициент брачности для группы	Величина возрастного интервала	Частота браков в возрастном интервале	Кумулятивный коэффициент брачности
<i>Мужчины</i>				
16—19	0,0148	4	0,0592	0,0592
20—24	0,1307	5	0,6535	0,7127
25—29	0,0686	5	0,3430	1,0557
30—34	0,0236	5	0,1180	1,1737
35—39	0,0110	5	0,0550	1,2287
40—49	0,0074	10	0,0740	1,3027
50—59	0,0084	10	0,0840	1,3867
60—69	0,0137	10	0,1370	1,5237
<i>Женщины</i>				
16—19	0,0693	4	0,2772	0,2772
20—24	0,1216	5	0,6080	0,8852
25—29	0,0321	5	0,1605	1,0457
30—34	0,0159	5	0,0795	1,1252
35—39	0,0091	5	0,0455	1,1707
40—49	0,0059	10	0,0590	1,2297
50—59	0,0056	10	0,0560	1,2857
60—69	0,0033	10	0,0330	1,3187

Источники: Вестник статистики, 1971, № 2, с. 95; № 12, с. 89; Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971, с. 18.

нить с их помощью изменения брачности в молодых возрастах. Как известно, в обычных условиях коэффициент брачности 20-летних мало отличается от среднего коэффициента для возрастной группы 20—24 года, который в 1969—1970 гг. составлял для мужчин 0,1307. Из этого следует, что показатель брачности мужчин в возрастном интервале 16—20 лет в 1969—1970 гг. был около 0,1899 (т. е. $0,0592 + 0,1307$). Аналогично можно оценить падение частоты ранних браков у женщин. Показатель брачности женщин в возрасте до 21 года в 1969—1970 гг. был около 0,3988 (т. е. $0,2772 + 0,1216$), тогда как в 1896—1897 гг. он составлял 0,4728.

Коэффициенты брачности в табл. 1, 2 (кроме брачности женщин за 1896—1897 гг.) достигают максимума во второй возрастной группе, после чего они постепенно снижаются, однако показатели для мужчин за 1969—1970 гг. в двух последних возрастных группах вновь повышаются; возможно, что это отражает узаконение в старших возрастах давно существующих брачных союзов. Об этом же, по-видимому, свидетельствует и небольшое различие коэффициентов брачности женщин в возрастных группах 40—49 и 50—59 лет в таблице за 1969—1970 гг.

В общих таблицах брачности за 1896—1897 гг. в возрастной группе 51—70 лет показатель брачности женщин был ниже, чем мужчин, в 4 раза. Если учесть, что в этих возрастах основную часть бракоспособного контингента составляли вдовы, то косвенно это может свидетельствовать о более высокой брачности вдов, чем вдовцов. Прямое вычисление показателей брачности для лиц разных брачных состояний за этот период времени невозможно, поэтому приходится ограничиваться косвенной оценкой.

Обобщающим показателем общей таблицы брачности является суммарный коэффициент брачности (E), известный в англоязычной демографической литературе под названием *total marriage rate*⁶. Величина этого обобщающего показателя равна сумме всех возрастных коэффициентов общей таблицы брачности:

$$E = \sum b_x.$$

Суммарный коэффициент брачности, элиминируя влияние возрастной структуры, означает, каким будет в данном поколении (реальном или гипотетическом) среднее число вступлений в брак на протяжении жизни одного лица. Подобно суммарным коэффициентам рождаемости, суммарные коэффициенты брачности — это показатели, стандартизованные по единому возрастному составу, поскольку они построены исходя из предположения, что в каждом возрасте находится одинаковое число лиц, т. е. что смертность и миграция отсутствуют. Вычисляемые отдельно для лиц каждого пола, суммарные коэффициенты брачности пригодны как для динамических и территориальных сравнений, так и для

⁶ Shryock H. S., Siegel J. S. et al. The methods and materials of demography. Vol. 2, Washington, 1971, p. 557—558.

оценки различий в частоте браков мужчин и женщин⁷. В табл. 1 и 2 суммарный коэффициент брачности можно прочесть в последнем столбце в строке для старшей возрастной группы.

На основании динамики суммарных коэффициентов брачности, вычисленных по данным общих таблиц, можно сделать вполне определенное заключение о росте частоты браков в настоящее время в сравнении с концом прошлого века. Величины суммарных коэффициентов брачности за 1969—1970 гг. испытывают на себе влияние снижения возраста вступления в первый брак и уже отмеченное распространение в старших возрастах случаев юридического оформления давно сложившихся фактических брачных союзов. Все это в некоторой мере способствовало повышению их значений, однако вряд ли могло повлиять на величины суммарных коэффициентов решающим образом. В 1969—1970 гг. суммарные коэффициенты брачности составляли 1,52 для мужчин и 1,32 для женщин, тогда как в 1896—1897 гг. они были 1,19 для мужчин и 0,99 для женщин. Поскольку нет никаких оснований относить увеличение брачности за счет сокращения безбрачия, которое коснулось только мужчин, повышение коэффициентов свидетельствует о существенном росте частоты повторных браков.

Однако в конце XIX в. браки вдов и вдовцов в Европейской России были значительно менее распространены, чем в более ранний период. В 1867—1870 гг. повторно вступили в брак в среднем более 19% из женившихся мужчин и около 14% из вышедших замуж женщин в сравнении с 14% мужчин и 8% женщин в самом конце XIX в. Причиной существенного снижения доли повторных браков было, по-видимому, постепенное снижение смертности, которое началось в России с середины XIX в.⁸

За падением доли повторных браков в конце XIX в. в двадцатые годы текущего столетия последовал значительный ее рост, что было вызвано распространением разводов, которые в дореволюционной России не игра-

⁷ Суммарные коэффициенты брачности для населения различных стран мира см. в кн.: Народонаселение стран мира. Справочник/Под ред. Б. Ц. Урланиса. М., 1978, с. 125.

⁸ См.: Чертова Г. И. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР/Под ред. А. Г. Вишневого. М., 1977, с. 163—166.

Обобщающие показатели брачности населения
некоторых стран Европы и Японии в начале 70-х годов XX в.

Страна	Суммарный коэффициент брачности	Доля никогда не состоявших в браке в возрасте 50 — 54 лет, %	Среднее число вступлений в брак для когда-либо состоявших в браке
Австрия			
мужчины	1,00	6,2	1,07
женщины	0,98	10,8	1,10
Великобритания (Англия и Уэльс)			
мужчины	1,27	8,6	1,39
женщины	1,28	8,3	1,40
Венгрия			
мужчины	1,24	3,9	1,29
женщины	1,18	5,9	1,25
Греция			
мужчины	1,31	6,2*	1,40
женщины	0,97	7,1*	1,04
Чехословакия			
мужчины	1,15	4,8	1,21
женщины	1,11	5,2	1,17
Югославия			
мужчины	1,19	3,5	1,23
женщины	1,09	5,6	1,15
Япония			
мужчины	0,99	1,5	1,01
женщины	0,94	2,7	0,97

*45 — 54 года.

Источник. Народонаселение стран мира, с. 125, 138—139.

ли заметной роли в матримониальном поведении населения. В 1926 г., несмотря на дальнейшее снижение смертности, в европейской части СССР на повторные браки пришлось 19% общего числа браков у мужчин и 16% у женщин, причем среди женщин, повторно вступивших в брак в этом году, разведенные составили 43%, среди мужчин — половину⁹. В современных условиях, при низкой смертности и значительной частоте разводов, повторные браки не более распространены, чем столетие назад. Так, в 1971—1975 гг. повторно вступили в брак в среднем только 15% женившихся мужчин и 13% вышедших замуж женщин¹⁰.

Как известно, не все мужчины и женщины вступают в брак хотя бы раз в жизни, причем показатель окончательного безбрачия, который был упомянут в начале статьи, колеблется в достаточно широких пределах. Поэтому представляет существенный интерес нахождение среднего числа вступлений в брак для когда-либо состоявших в браке (E_m), без учета тех, кто никогда не состоял в браке. Если известна доля лиц данного поколения, никогда не вступавших в брак (n), то для получения такой оценки можно воспользоваться следующим соотношением:

$$E_m = \frac{E}{1-n}.$$

Естественно, что для реальных поколений этот показатель, в отличие от суммарного коэффициента брачности, всегда будет больше единицы. Для гипотетических поколений его величина, однако, может быть меньше единицы в случае изменения календаря брачности и (или) увеличения частоты окончательного безбрачия (см., например, данные для женщин Японии в табл. 3). Таким образом, этим показателем можно пользоваться в качестве индикатора перемен. Значения его в сравнении с величинами суммарных коэффициентов брачности для соответствующих гипотетических поколений приведены в табл. 3 для некоторых стран.

В Европейской России по данным переписи населения 1897 г. только 4% мужчин и 5% женщин никогда

⁹ См.: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 году. М., 1929, с. 30.

¹⁰ Вестник статистики, 1973, № 12, с. 88; 1974, № 12, с. 89; 1975, № 12, с. 89; 1976, № 11, с. 89.

не вступали в брак. С учетом этого получаем средние числа вступлений в брак для когда-либо состоявших в браке — 1,23 для мужчин и 1,04 для женщин. Эти числа показывают, насколько меньше были распространены повторные браки среди женщин, чем среди мужчин. Материалы переписи населения 1979 г., которая впервые в послевоенный период должна дать числа никогда не состоявших в браке, позволят вычислить эти обобщающие характеристики для современных условий.

Рассматривая динамику суммарных коэффициентов брачности, нельзя не отметить, что их увеличение было

большим у женщин, чем у мужчин. В 1969—1970 гг. суммарный коэффициент брачности женщин был выше, чем в 1896—1897 гг., на 33%, тогда как суммарный коэффициент брачности мужчин — только на 28%. Соответственно уменьшилась и разность значений суммарных коэффициентов между полами: если в 1896—1897 гг. суммарный коэффициент брачности мужчин превосходил соответствующий показатель для женщин на 20%, то в 1969—1970 гг. — лишь на 15%. За этим стоят значительные изменения в условиях формирования брачных пар, от которых, как мы видим, выиграла женская часть населения.

В конце XIX в. дифференциация смертности по полу вела к тому, что во всех бракоспособных возрастах число женщин превышало число мужчин (табл. 4). Причиной диспропорции численностей полов в то время не были военные потери, что хорошо показывает сравнение данных табл. 4 и 5. Различия между фактическим соотношением численностей полов (табл. 4) и соотношением

Таблица 4

Соотношение между численностью мужчин и женщин по возрастным группам по данным переписей населения (мужчин на 1000 женщин)

Возрастная группа	Европейская Россия, 1897 г.*		СССР, 1970 г.	
	сверстники	мужчины на 5 лет старше	сверстники	мужчины на 5 лет старше
15—19	929	794	1 042	801
20—24	922	835	1 018	804
25—29	915	784	979	1 496
30—34	940	870	969	758
35—39	951	783	963	1 036
40—44	990	842	855	463
45—49	988	802	631	457
50—54	948	813	607	757
55—59	963	790	552	...
60 и старше	931	—	477	—

* Данные, выравненные С. А. Новосельским.

Источники: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России, с. 110—111; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972, с. 12—13.

их, определяемым лишь смертностью (табл. 5), очень незначительны. При высокой смертности, которая была характерна для того периода, овдовения случались весьма часто¹¹. В этих условиях низкая доля девиц среди женщин старших возрастов могла достигаться только за счет значительного распространения браков вдовцов с девицами при незначительной частоте браков вдов. Так действовал компенсирующий механизм «последовательной полигамии», впервые описанный еще в XVIII в. И.-П. Зюссмильхом по материалам Западной Европы¹².

Как показывают данные табл. 5, сокращение более высокой, чем у женщин, смертности мужчин в молодых возрастах коренным образом изменило соотношение полов, что можно наблюдать на материалах переписи на-

Таблица 5

Соотношение между численностью мужчин и женщин по возрастным группам в стационарном населении таблиц смертности (мужчин на 1000 женщин)

Возрастная группа	Европейская Россия, 1896—1897 гг.		СССР, 1968—1971 гг.	
	сверстники	мужчины на 5 лет старше	сверстники	мужчины на 5 лет старше
15—19	984	951	1 038	1 027
20—24	984	951	1 031	1 016
25—29	989	947	1 019	1 001
30—34	989	948	1 010	985
35—39	995	938	992	961
40—44	992	925	970	932
45—49	990	902	948	895
50—54	986	871	916	846
55—59	959	813	877	781
60 и старше	969	—	677	—

Примечание. При расчете соотношение мальчиков и девочек среди родившихся принято равным 1050 к 1000.

Источники: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России, с. 122—126; Вестник статистики, 1974, № 2, с. 95.

¹¹ См.: Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР.

¹² Hajnal J. European marriage patterns in perspective. — In: Population in history. L., 1965, p. 125—130.

селения 1970 г., приведенных в табл. 4. Необходимо отметить, что общему росту частоты брачности женщин не помешала большая диспропорция полов, которая сложилась в старших возрастах в результате военных потерь. Изменение возрастно-половой структуры способствовало значительному повышению частоты повторных браков среди женщин. Если у мужчин доля повторных браков в сравнении с концом XIX в. почти не изменилась, то у женщин она сильно выросла и соотношение этого показателя между полами составило 100:87 (против 100:57 в конце прошлого века) в пользу мужчин. Однако, как показывают данные табл. 5, в старших возрастах разрыв в смертности мужчин и женщин увеличился, что не могло не повлиять отрицательно на брачность женщин в этих возрастах, усугубляя ситуацию, возникшую в результате войны. Если бы соотношение полов целиком определялось уровнем смертности 1968—1971 гг., то в возрастной группе 55—59 лет на 1000 женщин пришлось бы лишь 877 ровесников-мужчин, тогда как таблицы смертности для Европейской России за 1896—1897 гг. дают существенно более высокое число—959.

Значительный интерес в качестве обобщающей характеристики брачности представляет средний возраст вступления в брак. В случае, когда этот показатель вычисляется по данным распределения по возрасту вступивших в брак в течение года, он испытывает влияние особенностей возрастной структуры и поэтому не пригоден для сравнений. Общие же таблицы брачности, построенные исходя из предположения, что в каждом возрасте находится равное число лиц, дают возможность исчислить средний возраст вступления в брак ($\bar{x}_b$), пригодный для сопоставлений. Зная возрастные коэффициенты брачности общей таблицы (b_x), получаем:

$$\bar{x}_b = \frac{\sum x \cdot b_x}{\sum b_x} + 0,5.$$

По данным общих таблиц средний возраст вступления в брак составлял в 1896—1897 гг. 28,0 года для мужчин и 23,4 года для женщин. В 1969—1970 гг. он повысился до 30,9 года у мужчин и 26,3 года у женщин. Таким образом, несмотря на все изменения, разрыв в возрасте вступления в брак между мужчинами и женщинами остался прежним.

Полученным по общей таблице средним возрастом вступления в брак можно также воспользоваться для оценки длительности пребывания в браке, если известен средний возраст при прекращении брака.

Вычисляя средний возраст, в котором прекратился брак, необходимо учесть влияние всех трех возможных причин его прекращения—смерти лица того пола, для которого вычисляется показатель, смерти его супруга и, конечно, развода. Отсюда общее число браков, прекратившихся в возрасте x лет, составит:

$$R_x = W_x + M_x + D_x,$$

где W_x —число овдовений в возрасте x лет;

M_x —число смертей в возрасте x лет лиц, состоящих в браке;

D_x —число разводов в возрасте x лет.

Зная величины R_x , можно построить общую таблицу прекращения брака, аналогичную общей таблице брачности, для чего следует найти возрастные коэффициенты прекращения браков:

$$r_x = \frac{R_x}{S_x}.$$

На основе данных такой таблицы средний возраст при прекращении брака может быть получен по формуле

$$\bar{x}_r = \frac{\sum x \cdot r_x}{\sum r_x} + 0,5.$$

И наконец, может быть определена средняя длительность пребывания в браке. Она находится как разность значений среднего возраста при прекращении брака и среднего возраста вступления в брак:

$$T = \bar{x}_r - \bar{x}_b.$$

Однако наша статистика пока не содержит всех необходимых для этого данных, поскольку брачное состояние умерших стало учитываться лишь с 1979 г., а возраст пережившего супруга при регистрации смерти не учитывается.

На основе принципа повторности событий можно было бы построить и другие демографические таблицы, характеризующие процесс формирования семей, например общую таблицу переходов из одной семьи в другую. Однако необходимых для этого данных пока нет.

Таблица 6

Краткие общие таблицы разводимости для мужчин и женщин СССР за 1969—1970 гг.

Возрастная группа	Средний годичный коэффициент разводимости для группы	Величина возрастного интервала	Частота разводов в возрастном интервале	Кумулятивный коэффициент разводимости
<i>Мужчины</i>				
16—19	0,0001	4	0,0004	0,0004
20—24	0,0066	5	0,0330	0,0334
25—29	0,0181	5	0,0905	0,1239
30—34	0,0173	5	0,0865	0,2104
35—39	0,0120	5	0,0600	0,2704
40—49	0,0085	10	0,0850	0,3554
50—59	0,0044	10	0,0440	0,3994
60—69	0,0026	10	0,0260	0,4254
<i>Женщины</i>				
16—19	0,0010	4	0,0040	0,0040
20—24	0,0131	5	0,0655	0,0695
25—29	0,0179	5	0,0895	0,1590
30—34	0,0149	5	0,0745	0,2335
35—39	0,0096	5	0,0480	0,2815
40—49	0,0059	10	0,0590	0,3405
50—59	0,0019	10	0,0190	0,3595
60—69	0,0006	10	0,0060	0,3655

Источники: Вестник статистики, 1971, № 2, с. 96; № 12, с. 90; Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР, с. 18.

В настоящее время мы располагаем по СССР материалами только для построения кратких общих таблиц разводимости (табл. 6) в дополнение к рассмотренным кратким общим таблицам брачности. Исходными показателями общих таблиц разводимости служат возрастные коэффициенты разводимости вида

$$d_x = \frac{D_x}{S_x}.$$

На их основании можно получить, подобные суммарным коэффициентам брачности, суммарные коэффициенты разводимости

$$C = \sum d_x,$$

которые также будут стандартизованы по единому возрастному составу, так как они вычисляются исходя из предположения, что в каждом возрасте находится оди-

наковое число лиц. Суммарный коэффициент разводимости, элиминируя влияние возрастной структуры, показывает, каким будет в поколении (реальном или гипотетическом), для которого он получен, среднее число разводов на протяжении жизни одного лица. По данным табл. 6, которая построена аналогично кратким общим таблицам брачности, в СССР в 1969—1970 гг. суммарные коэффициенты разводимости были равны 0,43 для мужчин и 0,37 для женщин. Это свидетельствует о том, что в целом частота разводов у мужчин не намного превосходит частоту разводов у женщин. В двух младших возрастных группах приведенных общих таблиц разводимости коэффициенты для мужчин значительно ниже коэффициентов для женщин, настолько, что кумулятивные коэффициенты для женщин остаются больше, чем для мужчин, до 40 лет. Лишь в старших возрастах коэффициенты разводимости женщин существенно меньше.

Такой обобщающий показатель, как средняя длительность пребывания в браке, может быть получен и другими способами; наиболее просто вычислить ее по данным переписи населения. Для этого надо доли состоящих в браке в каждом возрасте умножить на величины возрастных интервалов, к которым относятся эти доли, и полученные произведения суммировать. Исчисление, конечно, может вестись для любого числа интервалов возраста. По существу, рассматриваемый показатель стандартизует по единому возрастному составу данные о состоянии в браке, которые он обобщает. Его явное преимущество — возможность использования для разнообразных сопоставлений¹³.

В нашей стране по данным переписей динамика численной таким образом средней длительности пребывания в браке (в возрасте до 60 лет) была такой:

	Мужчины	Женщины
1897 г.*	32,9	31,6
1926 г.	33,7	29,9
1939 г.	33,1	28,3
1959 г.	34,0	24,7
1970 г.	33,5	28,9

* Европейская Россия.

¹³ Urban-rural differences in the marital status composition of the population. ESA/P/WP. 51. N. Y., 1973; Up-dated study of urban-rural differences in the marital status composition of population. ESA/P/WP. 59. N. Y., 1976.

Приведенные данные показывают, что наибольшей средняя длительность пребывания в браке была для мужчин в 1959 г., когда она вместе с тем наиболее значительно превышала аналогичный показатель для женщин (на 9,3 года). Это естественно, так как значительный дефицит мужчин в старших и средних возрастах привел к очень высокой доле состоящих в браке среди них. В 1970 г. средняя длительность пребывания в браке в сравнении с 1959 г. для женщин существенно выросла, тогда как для мужчин несколько уменьшилась. Однако средняя длительность пребывания в браке для женщин, хотя и превысила уровень довоенного 1939 г., не достигла максимальной величины, отмеченной в 1897 г., когда она в наименьшей степени отличалась от показателя для мужчин. Следует особо отметить, что и в 1970 г. средняя длительность пребывания в браке для мужчин была на 0,6 года выше, чем в 1897 г., что свидетельствует о чрезвычайно высокой брачности мужчин, вызванной большим перевесом численности женщин в средних и старших возрастах.

Для анализа воспроизводства населения важно знать продолжительность брачной жизни с учетом уровня смертности. Такую оценку можно получить по таблицам смертности и данным переписи населения. В отличие от обычного показателя средней продолжительности предстоящей жизни здесь учитывается лишь часть жизни, проживаемая в браке. Назовем этот показатель ожидаемой продолжительностью жизни в браке. Для возраста x лет он вычисляется по формуле

$$e_x^b = \frac{\sum_x^{\omega-1} j_x L_x}{l_x},$$

где l_x — число доживающих до возраста x лет по таблице смертности;

L_x — число лет, прожитых в возрасте от x до $x+1$, по той же таблице смертности;

j_x — доля состоящих в браке в возрасте x лет по переписи населения;

ω — предельный возраст.

Ожидаемая продолжительность жизни

Возраст	1896 — 1897 гг.*		1926 — 1927 гг.		1938 — 1939 гг.		1958 — 1959 гг.		1968 — 1971 гг.	
	в браке	вне брака	в браке	вне брака	в браке	вне брака	в браке	вне брака	в браке	вне брака
Мужчины										
0	15,9	15,4	22,5	19,4	24,0	...	38,2	26,2	37,8	26,8
5	28,6	21,8	32,3	22,4	33,0	...	40,7	22,8	39,3	22,7
10	30,5	18,2	33,5	18,2	33,9	...	40,9	18,0	39,4	17,9
15	31,3	13,7	34,0	13,3	34,4	...	41,1	13,0	39,6	12,9
20	32,0	9,1	34,4	8,8	34,8	...	41,4	8,1	39,8	8,0
25	...	...	33,7	5,8	34,2	...	40,5	4,6	38,8	4,5
30	28,3	5,6	30,6	5,1	31,1	...	37,0	3,7	35,5	3,5
35	...	...	27,1	4,7	27,6	...	33,0	3,4	31,8	3,0
40	21,6	5,0	23,4	4,6	24,0	...	29,0	3,2	28,0	2,7
45	...	...	19,8	4,6	20,4	...	24,9	3,1	24,2	2,5
50	15,0	5,0	16,4	4,6	17,0	...	21,0	3,1	20,5	2,4
55	...	...	13,3	4,6	13,9	...	17,4	3,0	16,9	2,4
60	9,3	4,9	10,3	4,6	10,8	...	14,0	3,0	13,6	2,4
70	...	...	5,4	4,3	...	...	8,3	3,0	8,0	2,3
Женщины										
0	15,4	18,0	20,7	26,1	21,2	...	26,6	45,1	31,6	41,9
5	26,0	24,5	28,4	30,4	28,2	...	28,0	42,6	32,6	38,2
10	27,7	21,0	29,4	26,3	28,9	...	28,2	37,7	32,7	33,3
15	28,5	16,5	29,8	21,7	29,3	...	28,3	32,8	32,8	28,3
20	28,7	12,5	29,6	17,8	29,2	...	28,0	28,4	32,5	23,8
25	...	...	26,9	16,6	26,7	...	25,6	26,1	29,8	21,7
30	23,1	11,0	23,4	16,4	23,3	...	22,0	25,1	25,8	20,9
35	...	...	19,9	16,1	19,8	...	18,3	24,2	21,7	20,3
40	16,3	10,8	16,4	15,7	16,3	...	14,9	23,0	17,7	19,7
45	...	...	13,1	15,2	12,9	...	11,9	21,5	13,9	18,9
50	10,0	10,2	10,1	14,3	9,9	...	9,4	19,6	10,6	17,8
55	...	...	7,5	13,2	7,4	...	7,2	17,5	7,8	16,4
60	5,1	9,1	5,3	11,8	5,3	...	5,3	15,3	5,6	14,4
70	...	...	2,2	8,8	...	...	2,3	11,1	2,5	10,1

* Европейская Россия.

Источники: Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России, с. 122—126; Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. Спб., 1905, с. 80—81; Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности. М.—Л., 1930, с. 2—3; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. II. М.—Л., 1931, с. 2—3; Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР, с. 35; Население СССР. 1973. Статистический сборник. М., 1975, с. 139, 141; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М., 1962, с. 264—267; Вестник статистики, 1974, № 2, с. 95; Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР, с. 17—19.

Ожидаемая продолжительность жизни в браке — это среднее число лет, которое при данном порядке вымирания и уровне брачности, характеризуемом возрастными долями состоящих в браке, предстоит прожить в браке любому лицу, достигшему возраста, для которого вычисляется показатель. Нетрудно также получить ожидаемую продолжительность жизни вне брака, которая включает время, проведенное до брака, во вдовом и разведенном состоянии. Она равна разности между полной ожидаемой продолжительностью жизни (e_x^0) и ожидаемой продолжительностью жизни в браке¹⁴.

Ожидаемая продолжительность жизни в браке для мужчин и женщин, как видно из данных табл. 7, изменяется следующим образом: в младших возрастах происходит рост (значительный в условиях высокой смертности 1896—1897 гг. и намного более умеренный при низкой смертности 1958—1959 и 1968—1971 гг.), который прекращается к 20 годам у мужчин и 15 годам у женщин, после чего наблюдается снижение. Исключение составляет изменение ожидаемой продолжительности жизни в браке для женщин за 1896—1897 гг., когда повышение происходило до 20 лет, что было вызвано особенностями смертности этого периода. Вообще чем ниже смертность, тем менее значительно ее влияние на ожидаемую продолжительность жизни в браке и тем больше вклад брачности в динамику этой величины. Если происшедшее между переписями населения 1897 и 1926 гг. падение уровня брачности женщин могло быть перекрыто ростом общей ожидаемой продолжительности жизни, то снижение уровня брачности мужчин между переписями 1959 и 1970 гг. привело к уменьшению ожидаемой продолжительности жизни в браке для новорожденного, несмотря на некоторый рост общей ожидаемой продолжительности жизни.

Ожидаемая продолжительность жизни в браке у мужчин выше, чем у женщин, причем с повышением возраста этот разрыв увеличивается, что отражает влияние более высокой доли состоящих в браке мужчин, которая всегда перекрывала влияние более высокой общей продолжительности жизни женщин.

Напротив, ожидаемая продолжительность жизни вне брака у мужчин ниже, чем у женщин, причем у муж-

чин ожидаемая продолжительность жизни в браке во всех возрастах превышает ожидаемую продолжительность жизни вне брака. У женщин в 1958—1959 гг. во всех возрастах ожидаемая продолжительность жизни вне брака была выше, чем в браке (сказалось влияние Великой Отечественной войны). В довоенный период и вновь в 1968—1971 гг. в некоторых младших и средних возрастах наблюдалось превышение ожидаемой продолжительности жизни в браке над величиной ожидаемой продолжительности жизни вне брака, которое в старших возрастах по мере роста числа овдовений быстро сходило на нет. Рост общей ожидаемой продолжительности жизни привел к тому, что и у мужчин, и у женщин ожидаемая продолжительность жизни в браке в 1968—1971 гг. во всех возрастах была выше, чем в 1896—1897 гг. Однако если у женщин ожидаемая продолжительность жизни вне брака во всех возрастах увеличилась, то у мужчин в большинстве возрастов она упала, что еще раз указывает на чрезвычайно высокую брачность мужчин.

При изучении рождаемости особенно важно знать среднее число лет жизни в браке женщин в плодovитом возрасте (15—49 лет) с учетом уровня смертности ($e_{15/50}^b$). Этот показатель также можно получить по таблице смертности и данным переписи населения:

$$e_{15/50}^b = \frac{\sum_{x=15}^{49} j_x L_x}{l_{15}}.$$

Как видно из данных, приведенных в табл. 8, общая ожидаемая продолжительность жизни в плодovитом возрасте увеличилась с 1896—1897 гг. по 1968—1971 гг. на 3,8 года, тогда как число лет жизни в браке возросло только на 1,4 года, поскольку пребывание женщин плодovитого возраста в браке сократилось. Несмотря на то что при отсутствии смертности длительность брачной жизни в 1968—1971 гг. (расчет по переписи 1970 г.) была бы на 1,6 года ниже показателя для 1896—1897 гг. (расчет по переписи 1897 г.), число лет жизни в браке с учетом смертности в 1968—1971 гг. увеличилось и достигло максимальной величины. При этом доля времени, прожитого в браке, в общем числе лет жизни в плодovитом возрасте снизилась с 70% в 1896—1897 гг. до 66%

¹⁴ См.: Фильрозе Э. Очерк потенциальной демографии. М., 1975, с. 191.

Таблица 8

Ожидаемое число лет жизни в плодovitом возрасте одной женщины, достигшей 15 лет

Годы	При смертности и брачной структуре соответствующего периода			При отсутствии смертности и при брачной структуре соответствующего периода		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		в браке	вне брака		в браке	вне брака
1896—1897 *	30,5	21,4	9,1	35,0	25,0	10,0
1926—1927	31,9	21,7	10,2	35,0	24,0	11,0
1938—1939	32,5	21,0	11,5	35,0	22,9	12,1
1958—1959	34,1	19,5	14,6	35,0	20,1	14,9
1968—1971	34,3	22,8	11,5	35,0	23,4	11,6

*Европейская Россия.

Источник. См. источники к табл. 7.

в 1968—1971 гг. Как следствие войны число лет жизни в плодovitом возрасте вне брака было самым высоким в 1958—1959 гг., когда значения длительности брачной жизни, исчисленные как с учетом смертности, так и без нее, были наименьшими. В 1958—1959 гг. доля времени, прожитого вне брака, в общем числе лет жизни в плодovitом возрасте поднялась до 43% в сравнении с 35% в предвоенные 1938—1939 гг., которые не отличались высокой брачностью. В настоящее время, как показали приведенные данные, характеристики смертности и брачной структуры наиболее благоприятны для воспроизводства населения по сравнению с другими рассмотренными периодами.

А. Г. ВОЛКОВ

ОБ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ БРАКА И ЕЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ

В демографии стало уже привычным раздельное рассмотрение компонентов процесса воспроизводства населения. Более глубокий демографический анализ неизбежно приводит к дальнейшей специализации даже в этой, казалось бы, узкой, области: все чаще анализируются вероятности рождения не детей вообще, а первого, второго, третьего ребенка, не смертность вообще, а смертность от отдельных причин смерти и т. д. По тому же пути следует и демографический анализ брачности и разводов. Между тем все более настоятельна необходимость синтетического, взаимосвязанного исследования всех компонентов воспроизводства населения как единого процесса формирования и развития семьи.

С методической стороны особенность такого взаимосвязанного изучения состоит в том, что приходится иметь дело с демографическими событиями, происходящими одновременно в жизни нескольких лиц, находящихся в разных демографических состояниях. «Классическая» демография оперирует вероятностями демографических событий в жизни совокупности людей, зависящими главным образом от возраста (или от продолжительности пребывания в некотором состоянии), и учитывает различия в возрастных особенностях этих событий в разных группах населения (по полу, брачному состоянию и др.). Применяя аналогичный подход для группы лиц (в частности, для брачной пары или семьи) или для нескольких событий, нужно принять во внимание не только различия в возрастных характеристиках аналогичных событий в разных группах населения, но и зависимость между ними. Такая зависимость существует как между отдельными событиями в жизни каждого лица (вступление в брак и смерть), так и между одноимен-

ными событиями в жизни разных лиц (смерть мужа и жены). В условиях, когда не только не исследованы эти зависимости, но и не найдено аналитического выражения для основных демографических функций, совместный анализ их «классическими» средствами становится довольно сложным. Но и в рамках «классической» демографии возможности такого анализа далеко не исчерпаны.

В последние годы, в связи с развертыванием социологических исследований, интерес к проблемам прочности брака и причинам развода вырос. Однако недостаток материала приводит к тому, что изучаются в основном характеристики разводящихся и мотивы разводов по материалам анкетных опросов. Как правило, эти опросы проводятся на малочисленных, более или менее произвольно отобранных совокупностях и не дают представления об общих тенденциях в изменении интенсивности процесса распада брака, а часто приводят и к неверным заключениям, как во всех случаях применения «экстенсивных» показателей. Распадение брака вследствие развода и овдовения в демографическом аспекте и сравнительное воздействие этих двух факторов на семью почти не изучены. Между тем это — необходимый шаг на пути к исследованию формирования и разделения семей как единого процесса.

В этой работе предпринята попытка показать, при некоторых упрощающих предположениях, возможности применения традиционных средств демографического анализа для получения некоторых демографических характеристик брака. *в частности такой как*

Речь пойдет о построении демографической таблицы прекращения брака для гипотетического поколения, учитывающей в качестве возможных причин прекращения брака смерть мужа, смерть жены и развод.

Будут обсуждены исходные предпосылки расчета и принятые допущения, представлена построенная таблица прекращения брака и намечены некоторые пути дальнейшего исследования.

1. Таблица прекращения брака

Брак может распасться вследствие трех демографических событий: смерти мужа, смерти жены и развода. Применительно к изменению состава семьи распадение брака может привести к образованию двух одиноких (если распадается супружеская пара без детей), оди-

ногого и неполной семьи или же двух неполных семей (если распадается супружеская пара с детьми), или просто неполной семьи (если умирает один из супругов).

Важно исследовать прежде всего сравнительную значимость овдовения и разводимости в общем процессе распада брака¹.

Обозначим вероятности распада брака на протяжении года супружеской жизни от y до $y+1$ вследствие смерти жены через q_y^f , вследствие смерти мужа — через q_y^m и вследствие развода — через q_y^d . Брак может распасться, если произойдет любое из этих событий. Если считать указанные вероятности независимыми, то общая вероятность того, что брак не распадется в течение года его существования ни вследствие смерти жены, ни вследствие смерти мужа, ни вследствие развода, будет равна: $P_y = (1 - q_y^f) (1 - q_y^m) (1 - q_y^d)$. Вероятность того, что брак распадается под совместным влиянием всех этих причин, составит тогда $Q_y = 1 - P_y$.

Если обозначить через U_y исходное число браков, сохраняющихся к началу очередного года брака y , то число браков, распавшихся за год вследствие всех трех указанных событий, будет равно: $R_y = U_y Q_y$.

Тогда, начав с некоторого исходного круглого числа 100 000 браков, можно, как это обычно делается при построении таблиц смертности, определить числа браков, сохраняющихся к началу каждого года супружеской жизни:

$$U_{y+1} = U_y - R_y,$$

и числа браков, ежегодно распадающихся:

$$R_{y+1} = U_{y+1} Q_{y+1} \text{ и т. д.}$$

Для построения таблицы нужно располагать величинами Q_y для всех значений продолжительности брака.

Для того чтобы определить роль смерти мужа, смерти жены и развода в общем процессе распада браков, число прекратившихся за год браков R_y необходимо распределить между тремя указанными событиями.

¹ Мы следуем здесь методике, предложенной в свое время П.-С. Лапласом (Laplace P.-C. Théorie analytique des probabilités. P. 1812, p. 415, 416) и вновь обоснованной, уже с позиций современной демографической теории, в работе: Maisson D. Ruptures d'union par décès ou divorce. — Population, 1974, N. 2, p. 249—261.

Французский демограф Д. Мезон предложила распределять прекратившиеся браки по трем причинам пропорционально вероятностям их прекращения для бесконечно малых промежутков продолжительности брака². Для практических расчетов, как она показала, удовлетворительное приближение дает распределение их пропорционально доле годичной вероятности прекращения брака от каждой из этих причин в сумме вероятностей прекращения брака от всех причин вместе, т. е. пропорционально

$$\frac{q^f}{q^f + q^m + q^d}; \frac{q^m}{q^f + q^m + q^d}; \frac{q^d}{q^f + q^m + q^d}.$$

Для того чтобы произвести расчеты в соответствии с этими предположениями, необходимо определить возраст вступающих в брак, а также располагать данными о смертности состоящих в браке мужчин и женщин и об интенсивности разводов по возрасту вступления в брак и по продолжительности брака. К сожалению, таких данных в полном объеме и в одногодичных группировках нет в статистике, пожалуй, ни одной страны, поэтому приходится прибегать к допущениям. Рассмотрим их отдельно.

1.1. Возраст вступления в брак

Интенсивность прекращения браков, конечно, различается в зависимости от возраста вступления в брак. От этого признака зависят как смертность, так и разводимость. Хотя смертность в возрастах от 20 до 30 лет, когда заключается основная масса браков, и невелика, она повышается от начала до конца этого периода: чем в более раннем возрасте вступают в брак, тем больше, при прочих равных условиях, вероятность дожития обоих вступивших в брак в течение первых лет его существования. От возраста вступления в брак зависит, по-видимому, и вероятность его прекращения вследствие развода, хотя здесь можно предположить несколько иную зависимость: вероятно, менее устойчивы браки, заключенные в молодых возрастах, когда вступающие в брак еще не достигли социальной зрелости, а также

заключенные в позднем возрасте, когда характер вступающих в брак уже сформировался и согласие в процессе супружеской жизни достигается с большим трудом. Оптимальный с точки зрения устойчивости брака возраст вступления в брак лежит, по видимому, где-то между 20 и 30 годами. По тем же причинам можно ожидать, что менее устойчивы браки с большим разрывом в возрастах супругов.

Однако основная масса браков заключается в молодых возрастах³, причем браки с большой разницей в возрасте супругов относительно редки (примерно в 90% случаев эта разница не превышает 10 лет). Поэтому в качестве начала отсчета продолжительности

Таблица 1

Динамика среднего возраста вступления в брак в СССР

Год	Медианный* возраст вступления в брак			
	женыхов		невест	
	всех	вступивших в брак впервые	всех	вступивших в брак впервые
1950	26,5	—	24,5	—
1959	25,0	—	23,6	—
1963	26,1	—	24,2	—
1966	26,9	26,7	23,9	23,7
1967	27,3	26,4	24,2	23,3
1968	26,5	25,3	23,5	22,6
1969	24,9	24,1	22,9	22,3
1970	24,0	23,7	22,3	22,1
1971	24,0	23,5	22,5	22,0
1972	24,0	23,5	22,5	21,9
1973	24,0	23,4	22,5	21,9
1974	24,0	23,4	22,4	21,8
1975	24,0	23,4	22,4	21,8
1976	24,0	23,4	22,5	21,8
1977	24,0	23,4	22,4	21,7

* Медиана вычислена на основании распределения вступающих в брак по пятилетним возрастным группам.

Источники: Вестник статистики, 1967, № 11, с. 94; 1969, № 2, с. 93; 1970, № 6, с. 95, 96; 1971, № 2, с. 95; 1971, № 12, с. 89; 1973, № 12, с. 88; 1974, № 12, с. 89; 1975, № 12, с. 89; 1976, № 11, с. 88; 1977, № 12, с. 78; 1978, № 11, с. 84.

³ В 1977 г. в СССР мужчины и женщины, вступившие в брак до 30 лет, составляли соответственно 81 и 85% всех вступивших в брак.

² Отметим сходство этого подхода с разложением силы смертности по причинам смерти при построении таблиц смертности по причинам смерти.

брака в гипотетической когорте можно условно принять средний возраст вступления в брак для жениха и соответственно для невесты.

Применение среднего возраста вступления в брак для характеристики брачности поколения вызвало справедливые нарекания демографов. Однако в данном случае речь идет не о характеристике брачности самой по себе, а о выборе отправной точки для расчета вероятностей распада брака. Выбор единого возраста вступления в брак, разумеется, лишь грубое приближение.

Для вычисления ожидаемой продолжительности брака точнее было бы, конечно, принять средние из вероятностей дожития для всех сочетаний возрастов вступивших в брак. Современная вычислительная техника делает решение этой задачи вполне посильным. Однако при проверке оказалось, что полученная таким образом средняя взвешенная довольно близка к совокупной вероятности дожития для супругов, возрасты которых близки к медианному возрастам вступающих в брак в том же году. Так, при уровне смертности 1968—1971 гг. совокупная вероятность прожить еще год для мужчины, женившегося в 24 года, и женщины, вышедшей замуж в 22 года (обе медианы), равна 0,99645, а средняя из аналогичных показателей для всех сочетаний возрастов, взвешенная по доле браков с данным сочетанием возраста супругов среди всех браков, заключенных в 1970 г., оказалась равной 0,99639. В следующих возрастах расхождения, конечно, будут больше, поскольку распределение вступающих в брак по возрастам неравномерно⁴.

Данные табл. 1 показывают, что в последние годы медианный возраст вступающих в брак как для мужчин, так и для женщин меняется сравнительно мало и разница в среднем возрасте вступления в брак для мужчин и женщин сравнительно устойчива. Поэтому во всех дальнейших расчетах за начало отсчета продолжительности брака был принят для простоты возраст 24 года для мужчин и возраст 22 года для женщин.

⁴ При осреднении брались возрасты, браки в которых составляли не менее 1% всех браков данного года, в общей сложности 84,3% браков. Практически в расчет средней взвешенной вошли все браки мужчин до 40 лет с женщинами до 35 лет, за исключением мужчин 35—39 лет, женившихся на женщинах до 30 лет, мужчин до 20 лет, женившихся на женщинах 25—34 лет, и мужчин 20—24 лет, женившихся на женщинах 30—34 лет.

Если для «единовременного» расчета допущение о неизменности возраста вступления в брак в какой-то мере оправдано, то для динамических сравнений изменением среднего возраста вступления в брак пренебречь нельзя. Влияние изменений в распределении вступающих в брак по возрасту на характеристики сохранности брака требует специального исследования.

1.2. Смертность супругов

Второе допущение касается смертности.

Известно, что смертность различается в зависимости от брачного состояния. Несмотря на очевидный интерес, который представляет изучение причин дифференциации смертности под влиянием социальных факторов, в частности такого фактора, как брачное состояние, в нашей, да, пожалуй, и в мировой демографической литературе чрезвычайно мало работ на эту тему.

Это связано с отсутствием не столько интереса к этой проблеме, сколько материалов для ее исследования. Нужно иметь в виду, конечно, и методические сложности такого изучения, а также трудности в истолковании полученных результатов.

Исчисления смертности по брачному состоянию предпринимал еще Э.-Э. Дювийяр. Первое известное нам исследование смертности в связи с брачным состоянием в нашей стране принадлежит С. А. Новосельскому и опубликовано им еще до первой мировой войны, в 1912 г. в журнале «Вестник общественной гигиены». В этой работе исследуется дифференциация смертности по брачному состоянию в Петербурге за 4 года (1899—1902 гг.), примыкающих к переписи населения 1900 г. В результате обстоятельного анализа, включая и анализ причин смерти лиц разного брачного состояния, С. А. Новосельский установил, что смертность холостых во всех возрастах почти в два раза выше смертности женатых, а смертность вдовцов выше смертности женатых, но ниже смертности холостых. На продолжительность жизни женщин в то время брачное состояние оказывало гораздо меньшее влияние, причем в возрастах до 30 лет смертность замужних была выше смертности девиц и вдов. Подытоживая результаты своего исследования, С. А. Новосельский приходит к выводу, что «причинами, обуславливающими различия

смертности по отдельным категориям семейного состояния, являются более благоприятные условия для здоровья и жизни, создаваемые браком в связи с более правильным образом жизни и отсутствием эксцессов, а также отбор более здоровых элементов среди женатых»⁵.

В 30-х годах нашего века различия в смертности лиц разного брачного состояния в Ленинграде и на Украине исследовал Л. С. Каминский. Обнаруженные им соотношения в смертности были близки к установленным С. А. Новосельским, хотя различия и оказались гораздо меньшими. Объясняя их причины, Л. С. Каминский отрицает роль отбора и приписывает различия в смертности влиянию материальной обеспеченности — более высокой у состоящих в браке, а также зависимости вступления в брак от уровня благосостояния⁶.

Весьма определенно высказывался по этому поводу Ю. А. Корчак-Чепурковский в статье «О методах изучения воспроизводства населения». «Конкретные статистические наблюдения показали, — писал он, — что смертность девушек после того возраста, когда они вступают в период интенсивной брачности, быстро растет и на протяжении длительного периода остается большей, чем у замужних женщин того же возраста. Это, безусловно, свидетельствует о том, что в брак вступают преимущественно более здоровые женщины или те, которые живут в условиях, благоприятствующих сравнительно низкому уровню смертности; поэтому средние шансы умереть для замужних меньше средних шансов умереть для девушек. И, наоборот, умершие девушками, по-видимому, имели в среднем меньше шансов выйти замуж по сравнению с теми, кто остался жить»⁷.

Недавно демографы ООН опубликовали данные о смертности в зависимости от брачного состояния по це-

лому ряду стран⁸, подтверждающие эту закономерность. Различия в смертности между разными категориями брачного состояния существуют почти во всех странах, причем они довольно устойчивы. В частности, почти во всех странах (были проанализированы данные по 12 наиболее крупным европейским странам с достаточно многочисленным населением и примерно одинаковым характером брачности) смертность никогда не состоявших в браке более чем вдвое превышает смертность женатых и замужних, и это соотношение, хотя и разное в разных возрастах, сохраняется как для мужчин, так и для женщин.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение вопроса о причинах этого явления, отметим все же, что различия в смертности по брачному состоянию вызваны скорее всего обратной связью между состоянием здоровья и состоянием в браке. Состояние здоровья мы рассматриваем здесь как социальное явление, определяемое всем комплексом условий жизни. Более высокая смертность никогда не состоявших в браке обусловлена, вероятно, тем, что люди, обладающие худшим здоровьем и, значит, подверженные более высокой смертности (хронические заболевания, уродства, инвалидность и т. д.), могут иметь более низкую вероятность вступить в брак или во всяком случае вступают в брак позже.

Если это предположение верно, то, при прочих равных условиях, чем выше доля состоящих в браке в определенном возрасте, тем больше должен быть разрыв в уровне смертности между состоящими в браке и никогда не состоявшими в браке, поскольку при высокой брачности здоровье и условия жизни остающихся вне брака хуже. Приблизненное сопоставление по данным тех же 12 европейских стран в общем подтвердило такую обратную зависимость. Для выяснения формы и характера связи нужны, однако, более основательные исследования.

Какого бы рода зависимость ни существовала, отмеченные факты свидетельствуют о том, что с подобными различиями необходимо считаться при демографических расчетах и они требуют специального изучения. Изучению должно подвергнуться влияние как брачного состояния на смертность, так и состояния здоровья на брачность и на сохранность брака.

⁸ Demographic Yearbook 1975. U. N., N. Y., 1976, p. 1078—1092.

⁵ Смертность и семейное состояние населения. — В кн.: Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики (Избранные произведения)/Под ред. проф. А. М. Меркова. М., 1958, с. 93.

⁶ См.: Смертность и семейное состояние населения. — В кн.: Каминский Л. С. Медицинская и демографическая статистика (Избранные произведения)/Под ред. проф. Л. Е. Полякова. М., 1974, с. 161—168.

⁷ Корчак-Чепурковский Ю. А. Избранные демографические исследования. М., 1970, с. 88.

Для нашей страны оценить такие расхождения невозможно ввиду отсутствия пока необходимых данных: брачное состояние умерших в СССР учитывается лишь начиная с 1979 г., а данные о численности отдельных категорий брачного состояния будут получены по материалам переписи населения 1979 г.

Не располагая данными о смертности по брачному состоянию, мы приняли в расчетах для женатых и замужних возрастные показатели смертности всех лиц соответствующего пола, независимо от состояния в браке, по данным таблиц смертности 1968—1971 гг.⁹

1.3. Интенсивность разводов

Интенсивность разводов по продолжительности брака, нужную для расчетов, непосредственно определить невозможно, так как данные о распределении браков по их продолжительности имеются только в отношении расторгнутых, а не существующих браков.

Можно лишь приближенно оценить интенсивность расторжения брака по пятилетним возрастным группам, сопоставив числа разводящихся по возрастам с соответствующими числами женатых и замужних по переписи. Результаты такого сопоставления для 1969—1970 гг. представлены в табл. 2.

Следует помнить, что при переписи учитывался фактический брак, расторгались же только зарегистрированные браки. Таким образом, в числителе коэффициентов, представленных в таблице, не учтена часть фактически распавшихся браков, в отношении которых развод не был оформлен в загсе, а в знаменателе, напротив, учтена часть фактически существующих, но не зарегистрированных браков, а также, вероятно, часть еще не расторгнутых, но фактически уже распавшихся браков (если иметь в виду, что при переписи некоторые женщины могли считать себя состоящими в браке, хотя фактически их брак уже распался). Можно полагать, однако, что искажения, вызванные всем этим, не были

⁹ Методика построения этих таблиц изложена в статье: Андреев Е., Кардаш А., Шабуров К., Павлов Г. Алгоритм расчета показателей таблиц смертности и средней продолжительности предстоящей жизни. — Вестник статистики, 1975, № 3, с. 28—35. Показатели таблиц, на основе которых были сделаны вышеприведенные расчеты, см.: Вестник статистики, 1974, № 2, с. 94, 95.

Таблица 2

Возрастные коэффициенты разводимости в СССР,
1969—1970 гг.

Возрастные группы	Число разводов на 1000	
	замужних женщин	женатых мужчин
16—19	9,7	5,0
20—24	23,5	22,9
25—29	21,6	23,5
30—34	17,5	19,5
35—39	11,5	12,9
40—49	7,8	9,0
50—59	3,5	4,6
60 и более	1,4	1,9
В среднем, 16 и более лет	11,5	11,8

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972, с. 12, 13, 263; см. также источники к табл. 1.

столь значительными, чтобы изменить порядок приведенных в таблице величин. К 1970 г. уже в течение четырех лет действовал облегченный порядок расторжения брака, что должно было сблизить числа фактических и зарегистрированных браков.

Таким образом, среднегодовой коэффициент разводимости в расчете на 1000 существующих браков был равен в 1969—1970 гг. в среднем около 12‰.

Отметим, что интенсивность разводов, характеризующая показателями табл. 2, была в 1969—1970 гг. намного меньше, чем это иногда представляют, сопоставляя число расторгнутых браков с числом браков, заключенных в том же году.

Делая такие сопоставления, не учитывают обычно, что браки не распадаются сразу же, а существуют определенное время. В том же 1970 г. медианная длительность расторгнутых браков была приблизительно 8,1 года, а доля браков, распавшихся, не просуществовав и года, — всего 4,2%, в 1977 г. — соответственно 7,6 года и 3,9%. Таким образом, если даже на каждые 3 заключенных брака приходится в среднем около 1 развода, нельзя представлять дело так, что третья часть браков тотчас же расторгается.

Коэффициенты табл. 2 характеризуют годовую интенсивность разводов. При сохранении такой интенсив-

ности разводов третья часть браков расторгается примерно через 35 лет. Это дало основание в дальнейших расчетах принять, что общая частота разводов на протяжении *всей* супружеской жизни составляет приблизительно 30%.

В 1969—1970 гг. в СССР на 1000 заключенных браков 271 брак был расторгнут. Сумма годовых коэффициентов разводимости по продолжительности брака — «приведенных чисел разводов» (о которых будет сказано далее) — составляла для того же периода 288‰. При условии, что процесс разводимости стационарен, эти показатели дают близкую к принятой нами общую частоту разводов в гипотетической когорте.

Следует заметить, что ввиду отсутствия данных о расторжении браков в зависимости от их очередности и о числе состоящих в первом браке коэффициенты разводимости и соответственно частота разводов были вычислены для всех браков вместе, как первых, так и повторных. Если считать, что с возрастом повторные браки становятся все чаще, но что они менее устойчивы, чем первые, то можно предположить, что в последних возрастных группах коэффициенты разводимости несколько преувеличены.

Помимо возраста разводящихся частота разводов зависит по крайней мере от трех демографических факторов: возраста вступления в брак, продолжительности брака и очередности брака. К сожалению, исследований, посвященных этому вопросу, чрезвычайно мало. Статистика большинства стран если и группирует разводы по продолжительности брака и по возрасту разводящихся, то обычно лишь в пятилетних группах или же без сочетания этих признаков.

Французские демографы П. Фести и Ф. Приу¹⁰ указывают на меньшую стабильность браков женщин, вышедших замуж до 20 лет, в Англии и Уэльсе, Франции, Финляндии и Чехословакии. В трех последних странах частота разводов, достигнув минимума, повышается с дальнейшим увеличением возраста женщин при замужестве. Отмечается также, что частота разводов наименьшая при тех возрастах вступления в брак, где вероятность заключения брака наибольшая.

По-видимому, одним из факторов развода служит также разница в возрасте супругов. В Англии и Уэльсе, например, частота разводов была наименьшей в тех случаях, когда при вступлении в брак оба супруга находились в одной и той же возрастной группе.

Отмечена также меньшая стабильность повторных браков по сравнению с первыми, что упомянутые авторы объясняют не столько опытом первого брака, сколько различиями в возрасте вступления в брак при заключении первого и повторного брака. Увеличение частоты разводов по мере увеличения возраста вступления в брак может отчасти объясняться и тем, что среди поздно вступивших в брак относительно больше вдов и разведенных.

Браки, распавшиеся в данном году из-за развода, были заключены в разные годы в прошлом. Их число и распределение по возрасту разводящихся зависят от того, сколько браков было заключено соответствующее число лет назад и сколько из них прекратилось за это время. Именно поэтому распределение разводов данного года по длительности расторгнутого брака само по себе мало что говорит об интенсивности разводов.

Частоту разводов по продолжительности брака можно оценить, сопоставляя числа разводов с данной продолжительностью брака и числа браков, заключенных соответствующее число лет назад, т. е. вычисляя так называемые *приведенные числа разводов*. Этот прием широко практикуют французские демографы. Мы проделали такой расчет для разводов 1969—1970 гг. Поскольку продолжительность брака в разработках дана по группам до 1 года, 1—2 года, 3—4 года, 5—9 лет, 10—19 лет, 20 и более лет, знаменателем для вычисления коэффициентов были взяты для первых пяти групп соответствующие суммы чисел заключенных браков. В частности, разводы 1969—1970 гг. с продолжительностью брака 3—4 года были сопоставлены с суммой чисел браков, заключенных в 1965—1966 гг. и 1966—1967 гг., и т. д. Годичные коэффициенты были получены путем графической интерполяции, а коэффициенты для продолжительности брака 20 лет и более — путем экстраполяции к возрасту 35 лет.

Затем коэффициенты разводимости были пересчитаны в вероятности развода по продолжительности брака, причем как обычно предполагалось, что в годичном интер-

¹⁰ Festy P., Prioux F. Le divorce en Europe depuis 1950. Population, 1975, N. 6, p. 975—1016.

вале продолжительности брака частота развода меняется равномерно.

Показатели интенсивности разводов по продолжительности брака, полученные описанным способом, приведены в табл. 3. Они относятся ко всем, а не только к первым бракам, что преувеличивает частоту развода на первых годах брака, если допустить, что повторные бра-

Таблица 3

Оценка интенсивности разводов по продолжительности брака, 1969—1970 гг. (интерполяция приведенных чисел разводов)

Продолжительность брака y	Вероятность развода в интервале $y, y+1$ $q_y^d \cdot 10^4$	Продолжительность брака y	Вероятность развода в интервале $y, y+1$ $q_y^d \cdot 10^4$	Продолжительность брака y	Вероятность развода в интервале $y, y+1$ $q_y^d \cdot 10^4$
0	104	12	100	24	28
1	195	13	93	25	24
2	209	14	85	26	20
3	211	15	77	27	16
4	211	16	72	28	13
5	203	17	65	29	10
6	183	18	60	30	6
7	163	19	54	31	4
8	139	20	48	32	3
9	125	21	43	33	2
10	114	22	38	34	1
11	107	23	33	35	0

Источник. См. в табл. 1.

ки распадаются в среднем раньше. Они преуменьшены для больших значений продолжительности брака, так как лежащие в их основе коэффициенты вычислялись по отношению к заключенным бракам, тогда как чем больше продолжительность брака, тем меньше браков сохранилось и тем выше будет коэффициент разводимости.

Нужно иметь в виду также, что данные о расторгнутых браках характеризуют их «юридическую» продолжительность, тогда как фактически они могли распасться раньше. Однако этот разрыв скорее всего сократился после 1965 г. с упрощением процедуры развода. Полу-

ченная кривая интенсивности разводов представлена на рис. 1.

Интересно отметить, что примерно такой же результат дало вычисление, основанное на простой средней из распределений расторгнутых браков по их продолжи-

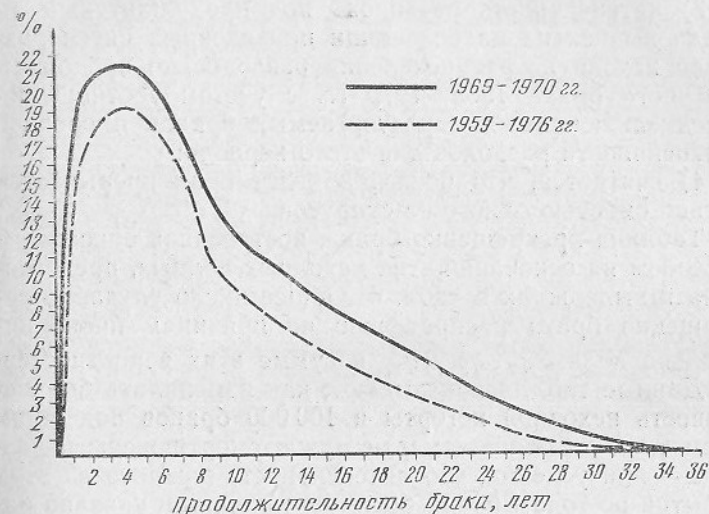

Рис. 1. Коэффициенты разводимости по длительности брака

тельности за достаточно длительный период — 1959—1976 гг. (с поправкой, учитывающей разницу в основании распределения). На рис. 1 это среднее распределение показано пунктиром.

1.4. Таблица прекращения брака

На основании всех указанных допущений мы получили компоненты, необходимые для построения таблицы прекращения брака — показатели смертности мужей и жен и условные показатели интенсивности разводов в зависимости от продолжительности брака.

Напомним сделанные допущения:

1) возраст вступления в брак принят на уровне ме-

дианного возраста вступления в брак мужчин и женщин в 1969—1970 гг. соответственно 24 и 22 года;

2) в качестве возрастных показателей смертности супругов взяты возрастные показатели смертности мужчин и женщин (для всех категорий брачного состояния вместе) по таблице смертности 1968—1971 гг.;

3) интенсивность разводов по продолжительности брака вычислена на основании приведенных чисел разводов исходя из распределения разводов по продолжительности брака 1969—1970 гг. с учетом соотношения чисел заключаемых и расторгаемых браков и средней интенсивности разводов для этого периода;

4) считается, что после 35 лет брак прерывается только смертью одного из супругов.

Таблица прекращения брака, построенная описанным способом на основании этих исходных данных, представлена в выдержках в табл. 4. Общее число случаев прекращения брака распределено по причинам пропорционально долям q_y^m , q_y^f и q_y^d в сумме этих вероятностей.

Данные табл. 4 показывают, как изменялась бы численность исходной когорты в 100 000 браков под влиянием трех событий — смерти мужа, смерти жены и развода — при условии, что интенсивность каждого из этих событий по годам брака была бы такой, как указано ранее.

Все расчеты сделаны для гипотетического поколения и поэтому характеризуют лишь сравнительную интенсивность трех процессов на уровне около 1970 г. и роль каждого из них в сохранности брака. Иными словами, они имеют не прогностическое, а лишь аналитическое значение. Динамический подход потребовал бы либо сравнения данных для реальных брачных когорт, либо сравнения ряда гипотетических поколений, что нельзя было сделать из-за отсутствия нужных данных. Напомним также, что показатели таблицы характеризуют процесс прекращения только *первых* браков.

Столбец 3 табл. 4 показывает, что распределение распадающихся браков по продолжительности бимодально: первая мода приходится на первые пять лет брака и обязана своим существованием почти целиком разводам, частота которых в этот период особенно велика. Вторая мода приходится на период после 45 лет брака и здесь основную роль играет уже смерть мужа.

Как видно из столбца 2 табл. 4, до серебряной свадь-

Таблица 4
Таблица прекращения брака для вышедших замуж в 22 года и женившихся в 24 года, 1968—1971 гг.

Продолжительность- ность брака	Число браков										Ожидаемая про- должительность брака	Продолжить- ность брака
	сохраняющийся к данному году брака	распадающихся в течение предстоящего года (5 лет) брака			в том числе из-за			в том числе из-за				
		всего	смерти мужа	смерти жены	развода	всего	смерти мужа	смерти жены	развода			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
0	100 000	1 381	271	80	1 030	1,4	0,3	0,1	1,0	32,30	0	
1	98 619	2 285	286	82	1 917	3,7	0,6	0,2	2,9	31,75	1	
2	96 334	2 386	297	83	2 006	6,1	0,9	0,2	5,0	31,49	2	
3	93 948	2 367	307	85	1 975	8,4	1,2	0,3	6,9	31,27	3	
4	91 581	2 329	317	87	1 925	10,7	1,5	0,4	8,8	31,07	4	
5	89 252	2 221	328	89	1 804	13,0	1,8	0,5	10,7	30,87	5	
6	87 031	2 016	337	92	1 587	15,0	2,1	0,6	12,3	30,64	6	
7	85 015	1 821	346	95	1 380	16,8	2,5	0,7	13,6	30,36	7	
8	83 194	1 606	356	99	1 151	18,4	2,8	0,8	14,8	30,01	8	
9	81 588	1 483	365	103	1 015	19,9	3,2	0,9	15,8	29,59	9	
10	80 105	1 366	374	106	885	21,6	3,6	1,0	16,6	29,13	10	
15	73 659	5 474	2 398	737	2 339	26,3	5,2	2,2	19,0	26,47	15	
20	68 185	5 177	2 934	987	2 566	31,8	7,6	3,2	22,0	23,39	20	
25	63 008	5 550	3 696	1 349	5 055	37,0	10,6	4,6	23,7	20,11	25	
30	57 458	6 581	4 762	1 732	87	42,5	14,2	6,3	23,8	16,81	30	
35	50 877	8 158	6 004	2 154	—	49,1	19,0	8,5	23,8	13,65	35	
40	42 719	10 059	7 128	2 931	—	57,3	25,0	11,4	23,8	10,76	40	
45	32 660	10 738	7 352	3 386	—	67,3	32,1	14,8	23,8	8,28	45	
50	21 922	10 455	6 704	3 751	—	78,1	39,5	18,5	23,8	6,11	50	
55	11 467	7 282	4 407	2 875	—	88,5	46,2	21,4	23,8	4,46	55	
60	4 185	3 244	1 895	1 349	—	95,8	50,6	22,7	23,8	3,27	60	
65	941	832	477	355	—	99,9	53,0	23,1	23,8	2,41	65	
70	109	109	62	47	—	100,0	53,0	23,2	23,8	1,76	70	
75	0	0	0	0	—	—	—	—	—	—	75	
Сумма	0	100 000	53 020	23 148	23 832	—	—	—	—	—	—	

Источники: Табл. 3 и источники, указанные в сноске 9.

бы могут дожить 63%, до золотой — 22% и до бриллиантовой (60 лет брака) — 4% супругов.

К 75 годам супружеской жизни при наших предположениях распадаются все браки. В целом, как видно из последних трех столбцов табл. 4, при сделанных допущениях в конечном счете 23% браков распадаются из-за смерти жены, 24% — из-за развода и более половины (53%) — из-за смерти мужа.

С точки зрения анализа воспроизводства населения представляет интерес изучение не только сравнительной частоты разводов и смертей в браке, но и возраста, в котором прерывается брак, числа лет, проживаемых в браке до его прекращения, наконец, возможности вступления в повторный брак и влияние этого «использования брачного времени» на численность потомства. Овдовение имеет разное демографическое значение в разных возрастах; в некоторых из них повторное вступление в брак вдовы легче, чем разведенной, или по крайней мере не отличается сильно, в других — оно более сложно; по своим демографическим последствиям возраст прекращения брака тоже важен — прекращается ли брак в том возрасте (или периоде), когда дети уже родились, или до этого. Если в конечном счете прекращается, скажем, половина браков в каждом поколении, то безразлично, к какому году жизни это произошло — к концу детородного периода или в его начале.

Поэтому представляет интерес расчет показателя ожидаемой продолжительности всех браков, аналогичного обычному показателю ожидаемой продолжительности жизни таблиц смертности, а также показателя ожидаемой продолжительности брака, оканчивающегося разводом или смертью одного из супругов.

Ожидаемая продолжительность всех браков вычисляется по формуле

$$e_0^u = \left[0,5 \sum_{y=0}^{\omega-1} R_y + \sum_{y=0}^{\omega-1} R_y \cdot y \right] : \sum_{y=0}^{\omega-1} R_y,$$

где ω — возраст, к которому распадаются все браки, а ΣR_y — исходное число 100 000 браков. Аналогично вычисляется ожидаемая продолжительность брака, прекратившегося из-за смерти мужа:

$$e_0^m = \left[0,5 \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^m + \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^m \cdot y \right] : \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^m,$$

из-за смерти жены:

$$e_0^f = \left[0,5 \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^f + \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^f \cdot y \right] : \sum_{y=0}^{\omega-1} W_y^f$$

и из-за развода:

$$e_0^d = \left[0,5 \sum_{y=0}^{\omega-1} D_y + \sum_{y=0}^{\omega-1} D_y \cdot y \right] : \sum_{y=0}^{\omega-1} D_y,$$

где W_y^m , W_y^f и D_y — числа браков, прекращающихся на y -м году брака соответственно смертью мужа, смертью жены и разводом.

В последнем случае, как было принято, $\omega = 35$.

Ожидаемая продолжительность всех браков по нашей таблице составляет 32,30 года. Ожидаемая продолжительность брака: прекратившегося из-за смерти мужа — 38,54 года, из-за смерти жены — 42,36 года, из-за развода — 8,65 года. Эти показатели несколько преуменьшены, поскольку общая смертность, принятая в расчетах, выше смертности состоящих в браке¹¹.

Таблица дает возможность оценить сравнительное влияние овдовения и развода на продолжительность брака в репродуктивном периоде жизни женщины. Принимая за такой период первые 25 лет брака (возраст женщин от 22 до 47 лет), получаем, что при наших допущениях в течение этого периода гипотетическая когорта проживает в браке 78,5% из максимально возможного числа 25 000 000 человеко-лет.

За это время распадается 37,0% браков, в том числе 10,6% приходится на овдовение жены, 3,2% — на овдовение мужа и 23,2% — на развод. К первым 10 годам репродуктивного периода прекращается около 20% всех браков. Из этого числа случаев прекращения брака около 80% приходится на разводы. Таким образом, в течение репродуктивного периода развод — основная причина прекращения брака, и лишь в дальнейшем, примерно к 40-му году супружеской жизни когорты, он уступает место овдовению женщин.

¹¹ Расчет средней продолжительности брака в современных условиях проделал А. Б. Синельников. См.: Синельников А. Б. Продолжительность существования современных браков. — В кн.: Возобновление поколений нашей страны. М., 1978, с. 102—111 (Народонаселение, вып. 23). К сожалению, ввиду различий в методике расчета его результаты непосредственно не сопоставимы с нашими.

2. Ожидаемая продолжительность брака в России и в СССР

О том, как менялась сравнительная роль смертности и разводов в общем процессе прекращения брака, высказывались различные предположения. «В настоящее время,— писал Л. Е. Дарский,— при низкой смертности разводы становятся ведущей причиной распада брака, поэтому интерес к их анализу возрастает»¹². Как мы видели, это предположение, насколько можно судить по нашей таблице, подтвердилось не полностью: в конечном счете ведущая причина прекращения брака — смерть мужа. Роль разводов велика в основном на первых годах супружеской жизни.

В отношении средней продолжительности брака высказывались иные гипотезы. «Столетиями длительность совместной жизни супругов не менялась. Потом в результате снижения смертности длительность совместной жизни сильно выросла... Сейчас существенные сдвиги в уровне смертности прекратились, возраст вступления в брак несколько снизился, а рост числа разводов продолжается. В результате всех этих сдвигов средняя длительность совместной жизни супругов сейчас примерно такая же, как и 100—150 лет назад»¹³.

В связи с этим интересно сравнить интенсивность прекращения брака в настоящее время с интенсивностью прекращения брака в прошлом, когда разводы в нашей стране были редкими, а прекращение брака обуславливалось почти исключительно смертью одного из супругов. Изложенный метод дает возможность это сделать.

В дореволюционной России разводы практически отсутствовали. Брак мог быть расторгнут только консисторией — церковным судом епархии по просьбе одного из супругов «...1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга или неспособности его к брачному сожитию, 2) в случае, когда другой супруг приговорен к

наказанию с лишением всех прав состояния или к ссылке на житье в Сибирь... и 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга»¹⁴. Решение консистории подлежало обязательному утверждению Синодом.

Бракоразводный процесс был поэтому сложным и длительным, тянулся в среднем полтора-два года и был сопряжен с гласным разбирательством интимных сторон жизни супругов. Неудивительно, что разводы были крайне немногочисленны. В 1897 г. по всей Российской империи среди православных, составлявших около 70% лиц 20 лет и старше, было зарегистрировано лишь 1132 развода¹⁵. Увеличение числа разводов в течение предыдущих лет, весьма, впрочем, небольшое, объяснялось расширением круга отчитывающихся епархий. Кроме того, очень небольшое число браков признавалось недействительным вследствие близкого родства вступивших в брак или вступления в другой брак при жизни супруга.

Сравнительная редкость развода в то время подтверждается и данными о распределении населения по брачному состоянию по переписи 1897 г., согласно которым на 10 000 женатых приходилось 14 разведенных мужчин, а на то же число замужних — 21 разведенная женщина¹⁶.

Конечно, при столь строгих правилах официальному оформлению подвергались далеко не все случаи фактического прекращения брака. В последней трети XIX в. основной причиной развода было безвестное отсутствие одного из супругов. За период 1867—1886 гг. на эту причину приходилось почти две трети всех разводов¹⁷. При этом для оформления развода по причине безвестного отсутствия требовалось, чтобы это отсутствие длилось не

¹⁴ Мордвинов В. Н. Сборник законов, распоряжений и разъяснений о браке и разводе. СПб., 1896, с. 83.

¹⁵ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного вероисповедания за 1896 и 1897 гг. СПб., 1899. Приложения, с. 48, 49.

¹⁶ См.: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905, с. 78, 79.

¹⁷ См.: Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867—1886 гг. (по епархиям Европейской России). Разработал младший редактор П. Бечаснов. СПб., 1893, с. 5, 17; Временник Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних дел, 1893, № 26.

¹² Курс демографии/Под ред. А. Я. Боярского. М., 1974, с. 87—88.

¹³ Дарский Л. Е. Мотивы и механизмы демографического поведения. Социально-философские проблемы демографии. (Круглый стол «Вопросов философии»).— Вопросы философии, 1974, № 9, с. 96.

меньше 5 лет. Судя по этим данным, уход супруга из дома был в то время сравнительно распространенной формой фактического прекращения брачных отношений. Исследователи отмечают, что наряду с разводами, санкционированными церковью, были и фактические разводы в виде выдачи (женам) отдельного вида на жительство. Однако «никакому систематическому учету эти выдачи не подлежат, так что определить даже приблизительно величину их прямо невозможно...»¹⁸.

Право на раздельное жительство было предоставлено женщинам в России лишь в 1914 г., так что фактически «разножитие» супругов, как оно тогда называлось, вряд ли было в конце XIX в. массовым явлением. Все это дает основание считать, что развод в России в то время не играл существенной роли в прекращении брака, который расторгался, как это и было сурово указано в законе, лишь «смертью одного из супругов».

Какой же была тогда ожидаемая продолжительность брака?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, были рассчитаны таблицы прекращения брака для 1896—1897 гг., причем принимались во внимание только две причины прекращения брака — смерть мужа и смерть жены. За исходные для расчета были взяты данные таблиц смертности 1896—1897 гг., построенных С. А. Новосельским и В. В. Паевским¹⁹. Ожидаемая продолжительность брака вычислялась описанным ранее способом. Хотя в 1900 г. медианный возраст вступления в брак составлял для мужчин 23,6 года, а для женщин — 19,5 года, для сопоставимости были приняты те же начальные возрасты, что и при вычислении таблицы 1968—1971 гг. — 24 года для мужчин и 22 года для женщин.

Сводные результаты расчетов представлены в табл. 5. Для браков мужчин, женившихся в 24 года на женщинах 22 лет, при сохранении на протяжении всей их жизни уровней возрастной смертности, существовавших во время вступления в брак, ожидаемая при замужестве продолжительность брака за период с 1896—1897 до 1968—1971 гг. увеличилась на 3,75 года. При этом сни-

¹⁸ Статистические данные о разводах и недействительных браках..., с. 1, 2 (П. Бечаснов. Введение.)

¹⁹ См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927 гг. Таблицы смертности. М.—Л., 1930, с. 122, 123.

жение смертности в возрастах старше 24 (для женщин — 22) лет увеличило ее на 11,63 года, зато разводы сократили в среднем примерно на 8,65 года. Точного баланса не получается из-за того, что некоторые не доживают до развода, а некоторые браки оканчиваются разводом прежде, чем умирает один из супругов.

Для сравнения была определена ожидаемая продолжительность брака в 1968—1971 гг. при условии, что разводы отсутствуют и брак, как и в конце прошлого века, оканчивается только смертью одного из супругов. Результаты приведены во 2-м и 4-м столбцах табл. 5. Привлекает внимание тот факт, что при отсутствии разводов ожидаемая продолжительность брака, оканчивающегося как смертью жены, так и смертью мужа, была бы примерно такой же, как и с учетом разводов. Это—

Таблица 5

Некоторые обобщающие характеристики продолжительности брака, заключенного мужчиной 24 лет и женщиной 22 лет

Показатель	1896—1897 гг.	1968—1971 гг.		Прирост с 1896—1897 по 1968—1971 гг.	
		без разводов	с разводами	без разводов	с разводами
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах):					
мужчин 24 лет	37,89	44,23		+6,34	
женщин 22 лет	39,66	54,34		+14,68	
Доля браков (в %) в гипотетической когорте, оканчивающихся:					
смертью мужа	52,9	69,5	53,0	+16,6	+0,1
смертью жены	47,1	30,5	23,2	—16,6	—23,9
разводом	—	—	23,8	—	+23,8
Ожидаемая продолжительность брака (в годах), оканчивающегося:					
смертью мужа	28,93	39,05	38,54	+10,12	+9,61
смертью жены	28,11	42,75	42,36	+14,64	+14,25
разводом	—	—	8,65	—	+8,65
Ожидаемая продолжительность всех браков (в годах)	28,55	40,18	32,30	+11,63	+3,75

Источники: Данные табл. 4 и источник в сноске 19.

следствие особенностей действия причин прекращения брака: разводы наиболее часты в тех возрастах, где смертность супругов относительно низка (что хорошо видно на рис. 2).

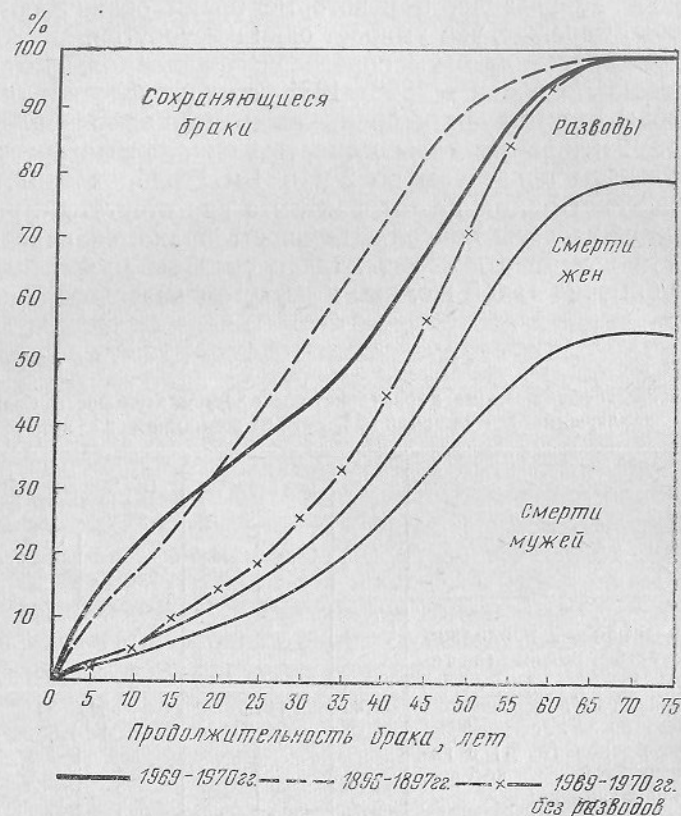

Рис. 2. Изменение структуры гипотетической когорты браков по годам брака

Если принять во внимание, что в конце XIX в. в России женщины вступали в брак раньше в среднем примерно на 2 года (когда смертность ниже) и что снижение возраста вступления в брак дает прибавку к ожидаемой длительности брака, то окажется, что ожидаемая продолжительность брака в России была бы больше примерно на 2 года, т. е. около 31 года. Иными словами,

предположение о неизменности средней длительности брака в общем подтверждается. За три четверти века ожидаемая продолжительность брака изменилась очень незначительно, выигрыш в снижении смертности уравновешен проигрышем в увеличении разводимости.

Что же касается «исходов» брака, то снижение смертности мужчин (прирост e_{24} на 6,34 года) на общую частоту овдовения женщин почти не повлияло: смертью мужа как раньше, так и теперь оканчивается около 53% браков нашей гипотетической когорты²⁰. Снижение смертности женщин (прирост e_{22} на 14,68 года) повлияло на судьбу браков сильнее: если в конце XIX в. смертью жены оканчивалось 47% браков, то теперь эта доля почти поровну распределяется между смертью жены и разводом. Нужно оговориться, что эти данные, конечно, не дают возможности судить о реальных числах вдов и разведенных в населении; такие числа зависят не только от существующей интенсивности прекращения брака, но и от ряда других факторов, в частности от предшествующей истории брачности, смертности и динамики разводов в реальном населении.

3. Заключение

Построенная таблица прекращения брака дает, на наш взгляд, некоторые возможности для демографического анализа развития семьи. Современная вычислительная техника позволяет сравнительно легко проделать все описанные расчеты. Варьируя нужные для построения таблицы параметры, можно выяснить, как влияет каждый из них или та или иная их группа на длительность брачной жизни и на судьбу гипотетической брачной когорты. Интересно, в частности, сравнить ожидаемую продолжительность брака в зависимости от

²⁰ Интересно отметить, что эти результаты почти совпадают с данными таблицы овдовения женщин, построенной Л. Е. Дарским. Согласно его расчетам для женщин, вступивших в брак в 21 год, при уровне брачности 1897 г. и уровне смертности 1896—1897 гг. ожидаемая продолжительность жизни в этом возрасте была 40, 45 года, а ожидаемая длительность жизни в браке — 29,4 года.

См.: Толъц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 141—143.

различных сочетаний возрастов супругов, от изменения интенсивности разводов и смертности каждого из супругов, от той или иной общей частоты разводов в когорте.

В принципе такой подход может быть распространен на прекращение брака с учетом того, по чьей инициативе он расторгнут, есть ли у супругов дети и с кем они остаются после развода и т. д.

Располагая нужными данными, можно вычислить вероятности вступления вдовых и разведенных в повторный брак и оценить общую потенциальную продолжительность жизни в браке.

Представленные в таблице показатели характеризуют некоторую стационарную совокупность браков, убывающую со временем под влиянием постоянной интенсивности прекращения браков. В этом отношении она вполне аналогична стационарному населению таблиц смертности. Естественно распространить аналогию и на модель стабильного населения и попытаться определить некоторую *стабильную совокупность браков*, отвечающую принятым предположениям. «Смертность» в этой стабильной совокупности браков соответствовала бы интенсивности прекращения брака в зависимости от его продолжительности. Что касается «рождаемости», то в отличие от обычного стабильного населения, репродуцирующего себя посредством некоторого числа рождений, превышающего число смертей, стабильная совокупность браков репродуцирует новые браки не непосредственно, а через *рождения в браке* с соответствующим лагом. Таким образом, для получения характеристик «рождаемости» в стабильной совокупности браков можно воспользоваться интенсивностью рождаемости по продолжительности брака, учтя при этом дожитие родившихся до возраста своих родителей в момент вступления их в брак, безбрачие некоторой части родившихся, а также тот факт, что при заданном соотношении полов брачную пару образуют два человека. Большим преимуществом такой модели стабильной совокупности браков служит то, что она «однополая». По ней может быть определена доля повторных браков, необходимая для нормального возобновления семей.

Л. Е. ДАРСКИЙ

РОЖДАЕМОСТЬ И РЕПРОДУКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЕМЬИ

1. Постановка вопроса

Рождение детей и тем самым обеспечение воспроизводства населения — это одна из основных функций семьи, но при изучении семьи ей до последнего времени уделялось мало внимания. Рождаемость по традиции изучается только в рамках демографии, но в демографических исследованиях деторождение как бы оторвано от семьи и других ее функций.

Демография рассматривает рождаемость как процесс, происходящий в населении, и, достигнув на этом макроуровне значительных успехов в изучении ее количественных закономерностей, она стремится познать закономерности качественные, т. е. те причинно-следственные связи, которые определяют социальную детерминацию процесса. Что рождаемость — процесс социально-детерминируемый, сейчас никто не оспаривает, но туманность объяснений, как именно социальные процессы и структуры определяют рождаемость, приводит к тому, что некоторые демографы в том или ином виде даже склонны признать биологическую необходимость деторождения. Такое положение в области изучения рождаемости связано с тем, что те причинно-следственные зависимости, которые необходимо изучить и понять, действуют не на макроуровне, т. е. на уровне населения, а на микроуровне, т. е. на уровне семьи.

Слабость традиционного демографического подхода к изучению факторов рождаемости путем непосредственного сопоставления числа детей с условиями жизни семьи связана с тем, что личность человека понималась в нем как пассивное начало. Все попытки рассмотреть влияние тех или иных социальных факторов на

рождаемость в явном или неявном виде исходили из того, что фактор влияет на рождаемость непосредственно, а личность человека при этом не имеет значения. Даже возникшее сравнительно недавно представление, что тот или иной фактор действует на рождаемость не прямо, а опосредуясь через сознание, и что личность человека при этом имеет значение, по существу, мало проясняет механизм этого процесса. Одностороннее понимание сознания и личности, которые, сформировавшись под влиянием социальной действительности, лишь реагируют на те или иные условия жизни, недостаточно. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹. И условия жизни семьи, хотя и объективны по отношению к человеку, в то же время есть результат его жизнедеятельности.

Личность не пассивна в социально-демографическом механизме, а его активное начало, и демографическая, репродуктивная активность протекает в семье. Семья есть та микроячейка, где деторождаемость социально детерминируется и где то, что мы в демографии называем рождаемостью, выступает как репродуктивная функция семьи, как одна из ее важнейших функций, тесно связанная с другими функциями семьи и со всеми социальными закономерностями ее существования. Поэтому именно в области изучения семьи необходимо искать объяснения тем явлениям и процессам, которые на уровне населения мы наблюдаем как рождаемость. Отсюда необходимость тесного взаимодействия демографии и социологии семьи.

То, что демография должна взаимодействовать в этой области с социологией, ничуть не ставит под сомнение ее право на существование как самостоятельной науки. Демографические закономерности находят свое объяснение лишь при раскрытии структуры и функций семьи, подобно тому как химические закономерности объясняются исходя из структуры и законов функционирования атома.

Семья не имеет своих, отдельных от социальных, чисто демографических функций. Выделение репродуктивной функции семьи возможно лишь как абстракция, необходимая при исследовании, но отнюдь недостаточная для объяснения. Семья — это единая система, и

выделение какой-либо ее функции ведет к разрыву системообразующих связей и невозможности понять эту функцию в отрыве от целого. Именно этим обусловлено вторжение демографов в социологию, заметное в современной демографической литературе. Это процесс закономерный, хотя и чреватый опасностями. Пути преодоления этих опасностей хорошо известны: демографы должны изучать социологию, а социологи должны им в этом помочь и, заинтересовавшись проблемой, работать вместе с ними. Сотрудничество демографов и социологов тем более необходимо, что, как уже было сказано, воспроизводство потомства — эта важнейшая сторона жизни семьи — очень мало исследовано.

Сейчас большинство специалистов единодушны в том, что снижение рождаемости, наблюдающееся в нашей стране в последние пятьдесят лет, отражает не просто количественное изменение, а некий фундаментальный качественный сдвиг, связанный с переходом от одного типа рождаемости к другому. Но если в описании количественной стороны этого сдвига каждая последующая работа уточняет предыдущие, то в описании и объяснении качественных изменений единства взглядов нет. По нашему мнению, понять причины перехода от одного типа рождаемости к другому можно только после того, как будет понята сама система социального детерминирования и регулирования рождаемости, а также те изменения, которые эта система претерпевает с развитием общества.

Тип рождаемости, получивший название традиционного, начал разрушаться с развитием капитализма, и поэтому анализ можно начать с уяснения механизма социального регулирования рождаемости в докапиталистических формациях, в условиях господства аграрной экономики. Только поняв, как функционировал механизм, обеспечивающий в докапиталистическом обществе согласованность репродуктивного поведения семьи и воспроизводства населения, можно надеяться понять, как и из-за чего он постепенно разрушался и заменялся другими механизмами регулирования репродуктивного поведения.

Кардинальные вопросы, на которые должна ответить демография с помощью социологии семьи, можно сформулировать примерно так: зачем семье дети? Почему люди их рожают и почему именно столько? Какие со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

циальные изменения и каким образом воздействуют на поведение семьи в отношении деторождения? Все эти вопросы далеко не сразу были поставлены наукой достаточно четко. Сначала демографы пытались ответить на вопрос, почему люди стали рожать меньше детей. В конкретных обследованиях они переадресовали его семье, точнее, замужней женщине, и в разных вариантах спрашивали: почему вы не рождаете или не хотите еще детей? Только анализ результатов этих обследований показал, что мы не сможем понять, почему в семье рождается меньше детей, чем раньше, и другие аналогичные явления прежде, чем не поймем, почему люди рожают детей вообще.

Попытки ответить на этот второй вопрос привели к появлению нового понятия — потребность в детях. К сожалению, в современной научной литературе слово «потребность» имеет так много разных значений, что само по себе, без четкого определения оно слишком неопределенно.

Потребность — одно из самых сложных понятий, распространенных в современной демографической литературе, с его помощью строятся различные объяснения и детерминации рождаемости, и ее динамики. Обсуждение этой проблемы (письменное и устное) показало, что, оперируя одними и теми же словами, разные специалисты имеют в виду разные понятия и потому часто спорят между собой, не понимая друг друга. Поэтому нам придется подробно остановиться на понятии потребности и на его месте в объяснении механизма социальной детерминации рождаемости.

2. Понятие потребности и его место в объяснении социальной детерминации репродуктивного поведения

Прежде чем изложить свою точку зрения на эту проблему, мы считаем необходимым уточнить содержание термина «потребность», как мы его здесь понимаем. Любое иное истолкование этого термина применительно к сказанному ниже приведет к искажению нашей точки зрения.

Из многочисленных пониманий термина «потребность» мы считаем наиболее четким и ясным то, которое содержится в психологической литературе, в част-

ности развивается в книгах П. Я. Гальперина и П. В. Симонова².

В самом общем виде потребность можно определить как неоптимальное состояние системы «человек—среда», которое не может быть оптимизировано существующими в организме системами автоматического регулирования, действующими независимо от сознания. При этом среда здесь понимается в самом широком смысле и прежде всего как среда социальная. Нам представляется, что только такое содержание понятия «потребность» строго согласуется с утверждением о том, что всякая жизнедеятельность человека направлена на удовлетворение его потребностей. «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности»³. Потребности, понимаемые таким образом, присущи человеку как виду, и в принципе набор потребностей одинаков у всех людей, т. е. в них нет расовых, национальных, социальных и других различий. Близкая точка зрения высказана И. А. Джидарьяном, который считает, что человеку как виду присущ ряд общих потребностей, равно необходимых для его нормальной жизнедеятельности и не сводимых одна к другой⁴.

Удовлетворение потребностей есть деятельность — процесс потребления. Динамизм, заложенный в самой системе «человек — среда», связанный как с жизнедеятельностью человека, так и с изменчивостью среды, предопределяет постоянное возобновление потребностей и постоянную деятельность, направленную на удовлетворение их. Нельзя себе представить человека, все потребности которого удовлетворены и потому он бездействует. Чтобы постоянно возобновляющиеся потребности постоянно удовлетворялись, нужна постоянная деятельность, направленная на их удовлетворение. Фантастическая страна Л. Керолла, где, для того чтобы остаться на месте, надо было постоянно бежать, как нельзя более реалистична.

² См.: Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1976; Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 245.

⁴ См.: Джидарьян И. А. О биологическом и социальном в связи с классификацией человеческих потребностей. — В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975.

Удовлетворение потребности есть процесс потребления, однако потреблять (использовать для удовлетворения потребности) можно не только материальные объекты внешнего мира. Можно потреблять, например, информацию (мы потребляем не книгу, а информацию, в ней заключенную, книга — только носитель информации) или энергию, можно использовать для удовлетворения потребностей (и это для нас важно) отношения с людьми. При этом один и тот же объект потребления может удовлетворять разные потребности. «Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития»⁵. Не всякий объект, в принципе пригодный для удовлетворения потребности, сразу может быть использован. Во многих случаях требуется обучение, подготовка для того, чтобы уметь пользоваться этим объектом. Но потом, после обучения, он часто оказывается предпочтительнее других, более привычных. Примерами могут служить произведения искусства, удовлетворяющие эстетическую потребность, книги, удовлетворяющие потребность в информации, и т. п. К процессу потребления объектов необходимо приспособить, и «...человек преобразует внешний мир, относясь к его предметам как к средству удовлетворения своих потребностей»⁶.

Экономический и социальный прогресс приводит к тому, что разнообразие объектов, способных удовлетворять человеческие потребности, стремительно возрастает. При этом увеличивается возможность выбора, в результате чего одни объекты часто вытесняют другие. Так меняются средства передвижения, носители информации, продукты питания, предметы одежды и т. п. Совокупность объектов, удовлетворяющего потребность, и характера деятельности, направленной на удовлетворение потребности, мы называем способом удовлетворения потребности.

Способы удовлетворения потребностей меняются во времени, они социально детерминированы и социально

нормированы, они зависят от уровня социального и экономического развития общества и тесно связаны с его культурой, а главное — они зависят от социального строя.

Сами потребности еще очень слабо исследованы, и, по-видимому, ни один из многочисленных их перечней не может считаться достаточно удовлетворительным для решения поставленных нами задач⁷. Не предлагая еще одного перечня, укажем лишь, что, по нашему мнению, для анализа социальной детерминации репродуктивного поведения за основу можно принять самую общую классификацию, по которой все потребности принадлежат к трем группам: 1) потребности материально-энергетические; 2) потребности информационно-исследовательские и 3) потребности социального взаимодействия. Две последние группы необходимо особенно подчеркнуть, так как многие, рассуждая о потребностях, имеют в виду только первую группу, т. е. материальные потребности. Часто забывают о том, что потребности социального взаимодействия столь же важны, как и другие: подобно другим потребностям они обладают тем свойством, что абсолютная невозможность их удовлетворения приводит к гибели человеческой личности. Именно поэтому биологически полноценный ребенок не может стать нормальным человеком вне человеческого общества.

Потребности, понимаемые таким образом, обладают тремя свойствами: они фундаментальны, т. е. не сводимы к другим потребностям; они универсальны, т. е. свойственны каждому человеку без исключения; они необходимы, т. е. систематическая и абсолютная невозможность удовлетворения потребности губительна для личности. При таком понимании выражение типа «человек покупает сыр потому, что у него есть потребность в сыре» неверно. Нет потребности в сыре, такая «потребность» не фундаментальна, не универсальна и не необходима. Сыр — лишь объект, способный удовлетворить потребность в пище в полном согласии с существующими культурными нормами; то, что сыр покупается, а не вырабатывается в собственном хозяйстве, — это образ действия, предопределяемый социально-экономической системой; таким образом, покупка сыра — это один из социально и культурно допустимых способов удовлетворения потребности в питании.

⁷ См.: Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969; Симонов П. В. Указ. соч.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 43.

⁶ Кикнадзе Д. А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1978.

Утверждение «человек рождает детей потому, что у него есть потребность в детях», в сущности, ничем не отличается от приведенного выше примера и ничего не объясняет. По приведенным (формальным) критериям «потребность в детях» или «потребность в деторождении» не может быть признана ни универсальной, ни необходимой⁸. Этот вопрос, хотя и не в таких терминах, обсуждался на заседании круглого стола в журнале «Вопросы философии»⁹ в 1974 г., и биологи были единодушны в том, что никакой биологической необходимости для организма в деторождении нет. Отсутствие такой потребности подтверждается тем, что существуют женщины, никогда не рожавшие, и их здоровье — физическое и психическое — от этого не страдает. У человека нет такой потребности в том смысле, в котором в данном контексте употребляется слово «потребность».

Однако если такой потребности нет, то почему же все-таки рождаются дети? Иногда их появление рассматривается как побочный продукт сексуальной активности, т. е. как следствие удовлетворения половой потребности. Так обстоит дело у животных, и так, по-видимому, было у человека на ранних ступенях антропогенеза. После того как человек осознал причинно-следственную связь между половым актом и последующей беременностью и появились примитивные способы предотвращения зачатия, такое объяснение стало непригодным. Особенно ясна его непригодность сегодня, когда удовлетворение половой потребности без последствий в виде деторождения стало не исключением, а правилом и сексуальное поведение стало независимым от репродуктивного. Но если нет фундаментальной потребности в деторождении, если оно не является простым следствием удовлетворения половой потребности, то почему же люди рожают детей? *Ответ на этот вопрос надо искать не в сфере потребностей, а в сфере способов их удовлетворения.*

Потребности только стимулируют деятельность, вызывают конечную цель, но не определяют способов деятельности — пути достижения цели. «Потребность

⁸ При этом не имеет значения, какими словами такая потребность обозначается: генеративная, прокреационная, в продолжении рода и т. п.

⁹ См.: Социально-философские проблемы демографии. — Вопросы философии, 1974, № 11, с. 82.

диктует только побуждение, влечение к цели, но выбор пути, определение конкретного содержания действия или приспособление действия к наличным обстоятельствам становятся в этих условиях отдельной задачей, задачей особой, ориентировочно-исследовательской деятельности»¹⁰. Способы удовлетворения потребности (одной и той же потребности) очень разнообразны и не все равноценны как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения общества. Общество может поощрять одни способы, допускать другие и запрещать третьи. В этих границах каждый индивидум должен сделать выбор. Этот выбор на самом деле делается (хотя не всегда осознанно), но человек не может в каждый момент своего существования принимать рациональные решения — обычно ему нужны готовые образцы решений (без них ему пришлось бы перерабатывать гигантские объемы информации за краткие промежутки времени), и поэтому чаще всего тот или иной способ удовлетворения потребностей — это не результат рационального выбора, а следование образцам, выработанным культурой. Именно выработанные культурой системы ценностей, или культурные нормы, выступают ли они в виде традиции или обычаев, моды или других готовых стереотипов поведения, снимают с человека «страшное бремя выбора» (Ф. Достоевский). Но способы удовлетворения потребностей социально детерминированы и меняются вместе с развитием общества. Поэтому рассмотрение этого вопроса, анализ той роли, которую дети играют в жизни семьи при разных способах удовлетворения потребностей, должны быть историческими.

Таким образом, по нашему мнению, деторождение детерминируется не какой-то особой потребностью в детях, а тем, что является необходимым звеном в общей системе поведения, направленного на удовлетворение потребностей. Дети выступают как объект, способный удовлетворять потребности родителей, а репродуктивное поведение зависит непосредственно от существующих социально-детерминированных способов удовлетворения потребностей. Репродуктивная функция семьи направлена на удовлетворение целой гаммы разнообразных потребностей ее членов, она тесно связана со всей совокупностью социально и культурно санкциони-

¹⁰ Гальперин П. Я. Указ. соч., с. 62.

рованных способов удовлетворения потребностей и детерминируется социально-экономической системой. Нам представляется, что такое понимание социальной детерминации репродуктивного поведения соответствует указанию В. И. Ленина о том, что «условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...»¹¹.

Вопрос этот исследован явно недостаточно. Не претендуя на полноту и систематичность, мы постараемся изложить некоторые соображения по этому поводу.

3. Способы удовлетворения потребностей и функции семьи в докапиталистических обществах

Репродуктивная функция появилась у семьи со времени ее происхождения, т. е. в период разложения родового строя. До этого дети были общими для всего рода и деторождение было одновременно правом и обязанностью каждой женщины, а при этом — естественным следствием удовлетворения половой потребности.

В первобытном обществе аборт и детоубийство, а реже — и меры предотвращения зачатия были известны многим племенам, но жесткость традиционного регулирования поведения отдельного человека не предполагала самостоятельных решений, да они были и не нужны — результат культурного отбора гарантировал соответствие норм интересам всей популяции. Все эти меры применялись только в соответствии с ее интересами, хотя этого никто и не осознавал. Популяции, в которых устанавливались обычаи, не способствовавшие расширенному воспроизводству, попросту вымирали. Но при этом объективная полезность, функциональность норм поведения получали в сознании неадекватное мифологическое отражение.

Каждый род был самостоятельным хозяйственным коллективом, внутри которого брачные отношения категорически запрещались. Брак был дислокальным, т. е. муж и жена входили в состав различных хозяйственных коллективов. Только с появлением семьи и парного брака дети стали общими не для всего рода, а только для мужа и жены. В условиях, когда дети уже

не принадлежат всем, парный брак — единственный способ обеспечить положение, когда дети принадлежали бы не только женщине, но и мужчине. Биологическое отцовство вообще не дает никаких прав и не создает отношений родства. Их создает только социальное отцовство, т. е. социальное отношение, признанное обществом, которое вообще не зависит от биологии. Следует отличать родство как социальное отношение от родства биологического¹². «Приватизация» детей, которая произошла в период формирования классового общества, имела под собой серьезные социальные причины, дети играли большую роль в семье, ставшей самостоятельным хозяйственным организмом.

Этот огромный важности качественный переворот не всегда принимается во внимание, когда говорят о первой демографической революции. Вообще изучение первой демографической революции во всех ее аспектах очень важно для понимания сущности второй демографической революции, которую мы сейчас переживаем, так как во многом она является диалектическим отрицанием первой¹³. В частности, еще плохо анализируется и осознается исследователями процесс «деприватизации» детей, происходящий на наших глазах.

В условиях родового строя узкая база присваивающей экономики создавала предпосылки для того, чтобы в процессе культурного группового отбора вместе с нормами, поощряющими рождаемость, вырабатывались и нормы, препятствующие слишком быстрому росту населения. Сведения о широкой распространенности различного рода практики регулирования роста населения существуют относительно большинства изученных народов, находившихся на стадии родового строя¹⁴. Сочетание норм, поощряющих и ограничивающих рождаемость, обеспечивало гомеостатическое равновесие в роде или племени в целом, безотносительно к судьбе каждой женщины в отдельности.

¹² Доказательства этого положения, которые представляются нам убедительными, см.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. Другая позиция отстаивается в кн.: Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР.

¹³ См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

¹⁴ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969; Carr-Saunders A. M. World population. Past growth and present trends. Oxford, 1936.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

Переход репродуктивной функции к семье поставил задачу регулирования роста населения по-новому, а расширившиеся экономические возможности создали новые условия. «Переход к производству пищи, сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаковых, и приручению, разведению и отбору животных явился экономической революцией, величайшей в истории человечества после того, как человек овладел искусством добывать огонь. Она открыла людям возможность прибегать к более богатому и надежному источнику пищи, который находился под собственным контролем человека, представляя ему почти беспредельные возможности и требуя от него взамен лишь приложения сил»¹⁵.

Особенно важным было получение возможности использовать молоко животных, что позволило сократить период кормления детей грудью и обеспечить им полноценный прикорм без риска для их жизни. Сокращение сроков лактации привело к повышению плодовитости вследствие сокращения сроков послеродовой аменореи. Ослабили запреты на сожителство в период кормления, так как возникновение новой беременности уже не грозило смертью ребенку. Еще и сейчас в некоторых африканских странах плодовитость женщин сильно зависит от питания, причем эта зависимость отражается на здоровье матери и ребенка¹⁶. Среди населения Заира, не занимающегося скотоводством, кормление длится долго, а запреты на половые сношения в этот период строгие; среди занятых скотоводством жителей саванны и степей, наоборот, кормление длится меньше, а запретов нет¹⁷.

В процессе первой демографической революции большинство норм, прямо направленных на снижение числа детей, постепенно отмирало. Так, исчезли детоубийство и аборты, забылись противозачаточные снадобья и навыки, снизилось значение временных запретов на половые сношения и т. п. Все законоположения ранних земледельческих и скотоводческих обществ содержат попу-

ляционистские нормы. Законы и религиозные предписания, возникшие в период после неолитической революции, носят выраженный популяционистский характер¹⁸.

Тип социального регулирования поведения личности на протяжении истории менялся. С момента возникновения классового общества и до начала капитализма господствовал так называемый традиционный тип социального регулирования¹⁹. Для всех классовых докпиталистических обществ: и рабовладельческих, и феодальных — характерно господство традиций²⁰ как в процессах социализации индивида, так и в процессах трансляции из поколения в поколение культурных норм. Отсюда такие обобщенные названия, как «традиционная культура», «традиционное общество». Последнее выражение удачно перенес из историко-этнографической литературы в специальную демографическую литературу при исследовании исторических закономерностей демографических процессов и развития семьи А. Г. Вишневский²¹, вслед за которым мы и используем это словосочетание.

Семья в традиционном обществе играла совершенно исключительную роль. Практически все способы удовлетворения всех потребностей были связаны с семьей. Именно поэтому жизнь человека вне семьи была почти невозможной: изгнание (или уход) из семьи было равносильно гибели. Это была большая патриархальная семья, в состав которой могли входить не только родственники, но и рабы, ученики, слуги, приживалки и т. п. Для человека она часто была единственной социальной реальностью, лишившись опоры которой, он оказывался для всех чужим и лишним до тех пор, пока не входил тем или иным путем в другую семью. Здесь и далее, говоря о семье, мы имеем в виду семьи трудящихся классов, которые во всех социально-экономических формациях составляли большинство и чье репродуктивное поведение определяло воспроизводство населения.

¹⁸ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов; Рубин Я. И. Проблема народонаселения как объект идейно-политической борьбы. Минск, 1976; Фиалковский В. Биологический ритм плодовитости и регуляции рождаемости. Варшава, 1976.

¹⁹ См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 185.

²⁰ См.: Итс Р. Ф. Введение в этнографию, 1974, с. 48; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 72.

²¹ См.: Вишневский А. Г. Указ. соч., с. 37.

¹⁵ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 55.

¹⁶ Henry L. et al. The health of mother and child in rural Central Africa.— *Studies in family planning*, 1975, vol. 6, N. 12.

¹⁷ Romaniuk A. La fécondité des populations congolaises. P., 1967.

Глава семьи, имевший в семье авторитарные права, отвечал перед обществом за семью как целое и за каждого из ее членов. Никто из других членов семьи никаких прав и обязанностей перед обществом не имел. Все их права и обязанности были замкнуты внутри семьи; обществом, его законами и обычаями семья рассматривалась как целое, налоги и повинности распределялись по семьям. Внутри семьи наследовались не только имущество, но и разного рода права и привилегии. Семья была довольно замкнутым организмом, общество практически не вмешивалось в ее внутренние дела.

Деятельность семьи носила универсальный характер, ее функции были многообразны. Семья была производственной ячейкой, ячейкой потребления, она была институтом социализации детей, обеспечивала своих членов средствами существования. Принадлежность к семье определяла положение человека в социальной иерархии. Семья обеспечивала досуг своих членов и удовлетворяла потребности в духовном общении, самовыражении и самоутверждении, она контролировала поведение своих членов, прививала им культурные нормы, вкусы, взгляды и ценностные ориентации и т. д. Мы не беремся дать полный перечень функций семьи в традиционном обществе, но уже приведенные примеры дают представление о той роли, которую семья играла в судьбе человека, вся жизнь которого практически протекала в семье. И все это вовсе не в далеком прошлом; еще во второй половине XIX в. в России такое положение было реальностью и воспринималось как естественное очень многими. «Для огромного большинства людей семья, признанная и огражденная законом, составляет единственный центр и стимул деятельности. В семье раскрываются гуманнейшие стороны человеческого духа. Ей передаются из поколения в поколение результаты экономической и духовной деятельности лица. В ней хранятся традиции, и в ней воспитываются новые поколения»²².

Во всех функциях семьи ясно просматривается их целенаправленность — удовлетворение потребностей своих членов, потребностей самых разнообразных, принадлежащих выделенным группам. Все устоявшиеся,

традиционные способы удовлетворения потребностей воспроизводились в семье из поколения в поколение, воспроизводство культурной традиции тоже в значительной мере протекало в семье, все сферы деятельности которой жестко регламентировались традицией. Такое воспроизводство социальных отношений в рамках системы, развивающейся очень медленно, вполне соответствовало экономике (которая базировалась на сельском хозяйстве с чрезвычайно низкой производительностью труда), соответствовало медленному развитию производительных сил и производственным отношениям докапиталистических формаций.

Все внутрисемейные отношения были очень устойчивы и соответствовали функциям семьи. При этом в процессе функционирования семьи они регулировались социокультурными нормами и личные индивидуальные особенности не принимались во внимание. Личность не принималась во внимание ни при каких обстоятельствах функционирования семьи как института, важна была позиция человека в семье, комплекс его семейных ролей. Именно поэтому большинство браков заключалось без всякого учета индивидуальностей вступающих в брак. Система подбора брачных партнеров была построена на том, что будущая жена (муж) подбирались исходя из требований наилучшего исполнения традиционных ролей. Выбор при этом был ограничен рамками замкнутых территориальных и социальных групп, а правила экзогамии часто суживали этот круг еще больше. Индивидуальная любовь не только не была основой отношений между членами семьи (включая брачные отношения), но и вообще не была обязательным их элементом, от нее не зависела ни прочность этих отношений, ни их функциональность.

Дети в традиционной семье были ее необходимым интегрированным элементом, они были необходимы семье не меньше, чем семья была необходима им. В отличие от племенных обществ с их присваивающей экономикой, где функции воспроизводства и социализации потомства были общими, в обществах, основанных на производящей экономике с развитым земледелием и скотоводством, вся ответственность за производство и социализацию потомства лежала на семье.

Каждая семья стремилась обеспечить себя детьми.

²² Соловьев М. О вечном безбрачии виновного супруга. — Юридический вестник, 1886, № 2, с. 266.

Такое стремление семьи, а также объяснение этого необходимости нормального функционирования семьи не противоречит представлению о нормативности регулирования поведения человека в традиционном обществе.

Да, большая часть поступков людей в традиционном обществе не была результатом сознательного выбора из некоего набора возможностей, а определялась предписаниями обычаев и традиций. Из этого, конечно, не следует, что деятельность человека была неосмысленной. Во-первых, традиции этих обществ тем и отличаются от табу и обычаев первобытных племен, что они объяснялись и преследовали определенную цель (реальную или мнимую). Человек стремился в своей деятельности, в своем поведении подчиняться этим предписаниям не бессмысленно, а для того, чтобы быть удобным богу, чтобы поддержать свою репутацию, свой престиж и положение, заслужить одобрение референтной группы (которая также задавалась традицией), сохранить и приумножить собственность. Древность традиции была синонимом ее мудрости и полезности. Поэтому, стремясь во всем следовать традиции, человек был уверен, убежден, что поступает правильно, мудро, как должно.

Таким образом, семья, возникшая одновременно с возникновением классового общества, была многофункциональным институтом. Вся жизнедеятельность человека из трудящихся классов была тесно связана с семьей, и предписанные культурной и социальной традицией способы удовлетворения потребностей были непосредственно связаны с функционированием семьи.

4. Роль детей в традиционной семье и репродуктивное поведение

Родители стремились иметь много детей, но вовсе не потому, что всегда четко сознавали полезность детей, а потому, что были убеждены в мудрости и полезности самой традиции стремиться к многодетности. И сама традиция не была просто данностью, не имевшей под собой реальных оснований. Она выработалась в процессе культурного отбора именно потому, что была объективно полезна. В аграрном обществе, в эпоху, когда эти традиции вырабатывались и продолжали су-

ществовать, семья объективно функционировала тем лучше, чем больше детей у нее было. Традиция потому и становилась традицией, что она регулярно получала подтверждение своей правоты и мудрости и люди могли эту полезность замечать. Дети были не просто желанны, они были объективно полезны и потому желанны, хотя эта полезность и не была универсальной и не всегда осознавалась.

О роли детей, особенно сыновей, в выполнении экономических функций семьи, призванных удовлетворить материально-энергетические потребности своих членов, много говорить не приходится. Дети были участниками производства: сначала помощниками, потом основной производительной силой. Когда родители достигали возраста пониженной или утраченной трудоспособности, единственными работниками, продолжавшими процесс производства, и единственными людьми на свете, обязанными обеспечивать родителей средствами существования, были их дети. Непрерывность существования семьи должна была обеспечить непрерывность процесса производства. Дети вступали в процесс производства в очень раннем возрасте и на практике под руководством родителей проходили обучение трудовым процессам. Этому способствовало существовавшее разделение труда, связанное с полом и возрастом. При этом с чисто экономической стороны число детей не было безразлично. Развитие хозяйства земледельца, скотовода или ремесленника могло быть только экстенсивным, и практически единственным источником рабочей силы были дети.

Глава семьи стремился иметь больше детей, аналогично тому, как любой представитель господствующего класса—больше подданных, крепостных или иных зависимых работников. Ведь принуждение к труду было внеэкономическим, и других путей получения рабочей силы в семье крестьянина или ремесленника не существовало²³. При этом следует иметь в виду, что никаких прав на продукты своего труда дети не имели; ведь присвоение осуществлялось по принципу собственности на средства производства. Если глава семьи был собственником и хозяином, все продукты принадлежали толь-

²³ Отношения с воспитанниками, примаками, учениками и т. п., которые замещали детей, строились по образцу отношений с детьми.

ко ему: в его обязанности входила забота о членах семьи, но никаких других прав дети не имели.

Часто высказывается мнение, что если число детей случайно было большим, то это влекло за собой дробление земли и обеднение семьи. Такое положение действительно имело место, но только тогда, когда плотность населения и освоенность территории была большой. На протяжении большей части истории традиционных обществ это было не так. Достаточно ознакомиться с существующими оценками плотности²⁴. Были, конечно, исключения, например долина Нила, но население росло очень медленно, и всегда были выморочные земли или земли тех семей, которые по своей малочисленности не способны были их обрабатывать²⁵. В некоторых странах общинный порядок землепользования сохранялся долго, но в период становления аграрных обществ он был распространен почти повсеместно, и это снимало проблему дробления надела. Для больших семей той эпохи характерны совместное производство и совместное владение средствами производства, особенно землей и угодьями, а также большое значение межсемейных родственных связей.

Экономическая полезность детей, по нашему мнению, вполне доказана: сыновья были работниками, а дочери, кроме того, приносили выкуп (калым).

Но дети были нужны традиционной семье не только экономически, они были полезны социально. Многие способы удовлетворения потребностей в социальном взаимодействии также были связаны с функциями семьи и числом детей. Многодетная семья функционировала успешнее не только в экономическом, но и в социальном отношении. Престиж многодетного главы семьи был высок: чем больше детей было в семье, тем большим уважением пользовался человек, тем большей властью он обладал. Брачные связи детей укрепляли положение семьи в общине; они увеличивали количест-

во родственников, а родственные связи были важной формой социальных связей в рамках соседской общины. Чтобы закрепить связь, надо было породниться. После того как отмерли различного рода магические обряды породнения и род исчез, породниться можно было только через брак. Мы хорошо знаем важность этого фактора из истории королевских и феодальных семей. Его роль в жизни крестьянской семьи известна меньше, но из этого отнюдь не вытекает, что там он не играл роли.

Наконец, сыновья были единственными соратниками отца в защите дома и семьи, что было немаловажно в условиях, когда государство не всегда могло или хотело обеспечить надежную защиту своих подданных. Важная роль сыновей подчеркивается и религиями, прежде всего там, где на сына возлагается особая роль в похоронном обряде — индуизм, конфуцианство, иудаизм.

Особое значение отношение «отец — дети» имело внутри семьи, обеспечивая отцу (и детям) удовлетворение целой гаммы потребностей в социальном взаимодействии. В семье существовала твердая иерархия, и это удовлетворяло потребность каждого человека находиться в системе, а не просто в сообществе себе подобных. Система власти и подчинения в семье была нужна не только как организационная основа ее функционирования, одновременно она служила для удовлетворения важной потребности членов семьи. Функция социализации детей, лежавшая на родителях и старших детях, была нужна им взаимно. Образование, обучение и воспитание детей были одновременно и удовлетворением потребности в социальном взаимодействии, самоутверждением через сознание выполняемого долга — ведь никто не сомневался в справедливости и действительности распространенных средств воспитания.

Вообще отношение «отец — дети» в традиционном обществе имело совершенно исключительное значение. Можно без преувеличения сказать, что оно было основным эталонным типом отношений. Осуществляясь в семье, оно из нее переносилось во вне и служило образцом для общественных отношений, пронизывая всю идеологию традиционного общества. Отношения людей к богу, прихожан к священнику, подданных к государст-

²⁴ См.: Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

²⁵ См.: Александров В. А. Сельская община в России. М., 1976; Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. — В кн.: Первобытное общество. М., 1975; Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I и II. Л., 1924, 1926; Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963 и др.

ву, вассалов к сеньору, солдат к офицеру, крестьян к помещику и другие уподоблялись отношению детей к отцу. В сословном обществе, почти не знавшем социальной мобильности, стать отцом или матерью семейства было единственным актом социального возвышения.

Именно всесторонняя полезность детей и лежит в основе того, что дети как высшая ценность и как высшая радость воспеваются религиями и литературами многих народов. Вот, например, типичный текст: «Но нет выше радости у людей той, что отец обретает в сыне»²⁶.

Таким образом, каждый мужчина и каждая женщина стремились к многодетности, они хотели иметь много детей, много сыновей. Как же их поведение соответствовало этой цели? Оно было вполне адекватным, если принять во внимание существовавшее положение вещей. Браки были ранними и практически всеобщими. Люди молились о ниспослании потомства, обращались к знахарям, если не наступала беременность. Бесплодие жены было основанием для развода или в некоторых обществах для того, чтобы взять другую жену или наложницу. Еще и сейчас подобное отношение к бесплодию встречается довольно часто. Например, при обследовании в Верхней Вольте в 1970 г. 98,6% опрошенных женщин считали, что в случае бесплодия муж вправе взять вторую жену, при этом только 60,1% опрошенных состояли в полигамных союзах.

Никаких мер плодизгнания или предотвращения зачатия в традиционном обществе не применялось, и сама идея ограничить деторождение была не просто чужда, она была абсурдна, так как дети были благом, наградой бога, а бесплодие — несчастьем и наказанием.

Браки были недолговечными из-за высокой смертности, но овдовевшие почти сразу же вступали в новые браки. Как среди мужчин, так и среди женщин не состоящих в браке было мало. Это приводило к тому, что почти каждая женщина и почти каждый мужчина весь плодотворный период своей жизни состояли в браке. О том, как часто овдовение приводило к повторным бракам, косвенное представление могут дать сведения по некоторым африканским странам с высоким уровнем

²⁶ Из «Брахман». — В кн.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 404 (Библиотека Всемирной литературы).

смертности, собранные в разных обследованиях в 50-е и 60-е годы.

По данным этих обследований среднее число браков, в которых состояла женщина к моменту обследования, составляло от 1,2 до 1,5.

Такое поведение приводило к тому, что рождение ребенка целиком зависело от физиологических возможностей организма. В этих условиях будет неверным говорить о естественной, или физиологической, плодовитости; плодовитость среднего здорового организма намного выше, чем существовавшая в традиционном обществе. Отсутствие гигиенических навыков, считающихся сейчас нормальными, тяжелый физический труд, частые болезни, плохое родовспоможение — все это способствовало снижению плодовитости и раннему бесплодию. Таким образом, большинство женщин имело меньше возможных 10—12 рождений, в среднем каждая женщина рожала 3—6 детей. Очень интересно распределение по числу рождений. К сожалению, мы не располагаем такими распределениями для традиционных обществ старого времени, но некоторое представление о них могут дать, по-видимому, показатели по африканским странам. Следует учесть, что современные развивающиеся страны Африки, несмотря на их экономическую отсталость, нельзя приравнивать к традиционным обществам прошлого. Демографические процессы там сохраняют лишь некоторые черты, свойственные традиционному обществу. Из 15 обследований, проведенных в 60-е годы в Африке, ни в одном доля женщин, желавших иметь четверых или более детей, не была ниже 90%, а в семи из них была выше 99%²⁷. В 8 обследованиях из 15 доля женщин 45—49 лет, не родивших ни одного ребенка, была выше 15%²⁸.

Таким образом, женщины, регулярно рожавшие детей, были относительно редки (по-видимому, меньше 40% среди состоявших в браке). Они сами и их мужья считали себя счастливыми людьми, которым бог регулярно посылает детей.

Однако частые роды вовсе не означали многодетности. В условиях высокого уровня смертности меньше

²⁷ Caldwell J. C. The control of family size in Tropical Africa. — Demography, 1968, vol. 5, N. 2.

²⁸ Brass W. et al. The demography of Tropical Africa. Princeton, 1968.

половины детей доживало до взрослого состояния. При характерной для традиционного общества средней продолжительности жизни, равной 25—35 годам, 40—50% детей доживали до 5 лет²⁹. Нам сейчас трудно представить себе такой ужасающе высокий уровень смертности, но ведь еще сто лет назад именно таким он был в России, а во многих странах мира он сохранялся таким и в первой половине нашего столетия. По таблице смертности В. Н. Борткевича для 1874—1883 гг. в европейских губерниях России до 15 лет доживало только 45% мальчиков и 50% девочек³⁰.

Дети умирали часто, и это было столь привычно, что воспринималось совсем иначе, чем в наши дни. В традиционном обществе вообще было распространено фаталистическое отношение к жизни. Жизнь и смерть человека были в руках божьих, родившимся радовались — «бог дал», умерших оплакивали — «бог взял», никакая индивидуальная активность, направленная на сохранение жизни детей, не могла оказать существенного влияния на их выживание. Традиционные методы ухода и привычные средства народной медицины не могли противостоять условиям жизни. С антисанитарией, эпидемиями и другими подобными явлениями бороться было невозможно, да никто и не боролся. Конечно, это не значит, что люди вели себя пассивно. Нет, они действовали: молились, постились, призывали чистую и нечистую силу, но оставались бессильны. Это бессилие сознавалось и на каждом шагу подтверждало фатализм, проповедуемый религией. Иметь много детей желали, об этом молились, но добиться этого путем сознательных действий было невозможно. Это не позволяло ни объективное положение вещей, ни субъективный внутренний мир человека традиционного общества, ни существовавшие культурные нормы.

Число детей в семье определялось плодовитостью и смертностью, которые были неподвластны человеку и выступали по отношению к нему как внешне объективные силы, причем для каждой отдельной семьи они выступали как силы случайные. Репродуктивное поведение

было направлено на достижение многодетности, но в силу конкретных обстоятельств социальной действительности оно ограничивалось максимально возможным числом рождений. Остальное от человека не зависело. Истинно многодетная семья могла возникнуть только в результате счастливого стечения обстоятельств; такие семьи были редки, они вызывали зависть, и, как правило, их положение в обществе было действительно лучше других.

Описанное выше репродуктивное поведение помогает понять разницу между двумя-тремя детьми на семью в традиционном обществе и двумя-тремя детьми в средней современной семье. Сходство ситуаций ограничивается сходством этих абстрактных для семьи средних величин. За их близостью кроется коренное различие не только в типе поведения и его регулирования, но и в самом результате; желаемого числа детей достигали лишь немногие, в то время как сейчас его достигают почти все.

Именно это коренное различие и проявляется в виде демографического взрыва, происходящего тогда, когда смертность снижается при сохранении социальной и экономической структуры традиционного общества. Многодетность в крестьянских семьях современных развивающихся стран с низкой смертностью (Мексика и др.) рассматривается семьей как исполнение желаний. В условиях развивающегося капитализма часто встречается ситуация, блестяще описанная Ч. Диккенсом, когда из-за консерватизма культурных норм репродуктивное поведение еще соответствует традициям, а отношение к детям уже иное, так как в силу социальных и экономических сдвигов их полезность упала и многодетность из преимуществ превратилась в недостаток. Это противоречие между неограниченной рождаемостью и пренебрежением к детям, вызывающее удивление исследователей и приводящее иногда к повышению детской смертности, — один из первых симптомов начинающейся смены типа репродуктивного поведения.

Описанная ситуация, свойственная традиционному обществу, должна быть тем исходным пунктом, от которого надо отталкиваться при анализе причин и факторов изменения структуры самой семьи и ее репродуктивной функции. Только комплексный анализ позволит понять, как социальные изменения определили и изменения семьи, и изменения ее репродуктивной функции. Исход-

²⁹ Acsádi Gy., Nemeskéri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970; Coale A., Demeny P. Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966.

³⁰ См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926—1927 гг. М.—Л., 1930, с. 124.

ным пунктом нашего анализа было утверждение, что не сами потребности человека определяют репродуктивное поведение, а лишь способы их удовлетворения. В соответствии с этим надо посмотреть, как изменились способы удовлетворения потребностей и как это сказало на функциях семьи вообще и на ее репродуктивной функции в частности.

5. Изменение способов удовлетворения потребностей и функций семьи

5.1. Материально-энергетические потребности

Развитие капитализма подорвало и разрушило не только докапиталистические способы производства, но и тип социального регулирования. При этом его роль в отношении семьи и ее функций была почти исключительно деструктивной. «...Крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения»³¹. Поэтому естественно, говоря об изменении функций семьи, противопоставлять традиционному обществу общество капиталистическое. Но многие процессы при капитализме развиваются очень слабо, так как, хотя объективно они и закономерны, противоречат интересам господствующего класса. Такие явления, как распространение женского равноправия, социального обеспечения, охрана прав детей, делают при капитализме лишь первые шаги. Полного развития они достигают только при социализме. Поэтому во многих случаях традиционному обществу приходится противопоставлять не капиталистическое, а социалистическое. Контрасты такого противопоставления оказываются наиболее яркими.

Рассмотрим изменение способов удовлетворения всего комплекса материально-энергетических потребностей человека. Способы удовлетворения материально-энергетических потребностей, связанные с непосредственным присвоением и потреблением продуктов природы, стали редким исключением. В условиях капитализма почти все объекты, способные удовлетворять потребность, превратились в товар и их производство ушло из семьи. Производством стала заниматься уже в основ-

ном не семья, а специализированный производственный коллектив. Этот процесс, начавшийся при развитии капитализма, завершается в условиях социализма. Семья постепенно перестает быть производственной единицей. Следовательно, из семьи уходит одна из ее важнейших функций — производственная. Этот процесс происходит постепенно, сначала в нетрадиционных несельскохозяйственных отраслях, а потом в области сельского хозяйства.

Происходит отделение общественного производства от домашнего хозяйства; но граница между ними меняется постепенно. Сначала предметы потребления, поступающие в семью в виде товаров, нуждаются еще в дополнительной обработке перед потреблением, потом доля этой дополнительной обработки постепенно снижается. Из сферы деятельности семьи постепенно исключается производство продуктов питания, одежды и других предметов домашнего обихода, производство энергии и т. п. Появляется и развивается сфера услуг, которая шаг за шагом вытесняет из домашнего хозяйства многие процессы труда. Все это — объективные экономические процессы, связанные с повышением производительности общественного труда, с заменой одного способа производства другим. Они серьезнейшим образом сказываются на функционировании семьи, разделяя сферы труда, быта и досуга.

Первым следствием этих процессов в отношении функционирования семьи становится принципиальное изменение роли детей. Семья, переставшая быть производственной ячейкой, перестает требовать работников и помощников в труде. Трудовые ресурсы нужны теперь не семье, а производственному коллективу. Члены семьи для удовлетворения своих материально-энергетических потребностей должны участвовать в труде уже вне семьи, в составе специализированных производственных коллективов и уже не под руководством главы семьи. Этот труд становится регламентированным во времени и отделенным в пространстве от местожительства. За этот труд участвующий в нем получает вознаграждение, что имеет принципиальное значение, так как раньше, как мы говорили, труд внутри семьи материально не вознаграждался. При капитализме появляется экономическое принуждение к труду, которое при социализме постепенно замещается морально-этическим.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 500.

Первыми в этот процесс вовлекаются мужчины, переключаясь на женщин практически весь объем труда, оставшегося в домашнем хозяйстве. Это возможно благодаря тому, что в условиях традиционного общества большинство тех работ, которые остались в домашнем хозяйстве, считались женскими занятиями. Хотя это, конечно, не всегда так. Например, прядение и ткачество в традиционной семье всегда были женским занятием. Перейдя в промышленность, они превратились в мужские профессии и только сравнительно недавно снова стали женскими профессиями. Постепенно с уменьшением объема домашнего труда в общественное производство втягиваются женщины, но так как домашний труд не исчезает полностью, а только сокращается, вовлечение женщин в производство связано с большими противоречиями. С одной стороны, стимулы участия в труде действуют на них так же, как и на мужчин. С другой стороны, участие женщин в общественном производстве связано для них с большой перегрузкой. В этот же процесс втягиваются и дети — на ранних стадиях капитализма дети тоже участвуют в труде на фабриках и заводах и тоже получают вознаграждение, хотя и мизерное³². Такое положение приводит к тому, что семья теряет не только производственную функцию, но и одну из самых фундаментальных внутренних связей — глава семьи больше не иждивитель, а члены семьи — не иждивенцы.

Но если вовлечение женщин во внесемейное производство происходит, хотя и с противоречиями, медленно, но неуклонно, то вовлечение в этот процесс детей, напротив, сначала происходило быстро (это была дешевая рабочая сила), но постепенно дети все больше и больше исключались из процесса производства. Для семьи это имело существенные последствия. По мере усложнения технологии производства требования к подготовке рабочей силы все возрастали и возможности приложения детского труда сокращались. Ужасные условия труда, их вредность для детского организма и беспощадная эксплуатация детей вызвали борьбу рабочего класса за запрещение и ограничение применения детского труда. Все это постепенно привело к тому, что в развитых ка-

³² Мы здесь не останавливаемся на вопросах, хорошо изученных и изложенных в марксистской экономической литературе, нам важно выявить лишь их влияние на функции семьи.

питалистических странах применение детского труда сократилось очень сильно, а при социализме он вообще исключен. Дети снова стали иждивенцами семьи.

Требования к квалификации рабочей силы так повысились, что подготовка к трудовой деятельности была постепенно передана специализированным социальным институтам. Семья уже не могла дать детям необходимой подготовки, глава семьи больше не был одновременно руководителем трудового процесса и учителем, дети уже не наследовали занятия отца, а должны были приспособливаться к спросу на рабочую силу. Увеличение суммы знаний, необходимых каждому члену общества, также потребовало систематизации и институционализации процесса образования. Постепенно расширилась сеть специальных учреждений, в которых дети получали систематическое образование. Этот процесс ускорился в развитых капиталистических странах, а при социализме он полностью завершается, образование в специализированных учреждениях становится всеобщим и обязательным.

Капиталистическая система возлагает на семью (полностью или частично) расходы на образование детей. Таким образом, дети, перестав быть помощниками в трудовом процессе внутри семьи и отстраненные от процесса труда вне семьи, не только вновь стали иждивенцами семьи, но стоимость их содержания существенно увеличилась. В развитых капиталистических странах дети находятся на иждивении родителей до 16—17 лет, а при желании и возможности получить высшее образование — даже до 23—25 лет. При социализме бесплатность образования и система стипендий существенно снижают затраты родителей, но все же их доля в материальном содержании детей до включения последних в самостоятельную трудовую жизнь значительна.

После окончания обучения, получив специальность, дети включаются в общественное производство и сразу становятся экономически независимыми от семьи, что позволяет им отделиться от родителей и обзавестись собственной семьей. Это отделение детей от родителей может происходить в конкретных условиях несколько раньше окончания обучения или несколько позже, но оно происходит, как правило, если к тому времени сами родители не становятся иждивенцами детей.

Эта вторая сторона традиционной экономической

взаимозависимости поколений также не осталась неизменной. С развитием капитализма появляется и свойственная капиталистическим отношениям система обеспечения средствами существования в старости, которая исходит из принципа индивидуального накопления средств в период трудовой деятельности, покупки ренты и т. д. Эта система действительна только для господствующих классов и практически сливается с общей системой эксплуатации трудящихся. Поэтому уже в недрах капиталистического общества трудящиеся начинают борьбу за внедрение другого, в основе своей социалистического принципа пенсионного обеспечения из общественных фондов. Уже в развитых капиталистических странах трудящиеся добиваются создания системы пенсионного обеспечения, которая, несмотря на свое несовершенство, все же охватывает значительную долю трудящихся и делает их материально независимыми от своих детей. При социализме этот процесс находит свое полное завершение. Пенсионная система постепенно охватывает все население и практически устраняет традиционную материальную зависимость пожилых людей от своих детей. Так постепенно разрывались традиционные связи не только в сфере производства, но и в сфере распределения: взрослые дети и родители становились экономически независимыми. Осталась одна очень важная связь: дети до окончания обучения — иждивенцы родителей.

Вопрос о стоимости детей не раз поднимался в экономической и демографической литературе³³, но все же он разработан недостаточно даже с чисто экономической стороны. Во-первых, следует учесть, что питание, одежда и другие материальные предметы, необходимые для удовлетворения потребностей ребенка, составляют сейчас весьма значительную долю общих затрат на его воспитание: раньше эта доля была очень высока, но с развитием сферы услуг сильно снизилась. Это повлияло также и на динамику расходов на ребенка с изменением его возраста. Услуги здравоохранения, имеющие большое значение в младенческом возрасте, начиная с момента родов резко падают, по-видимому, напоминая возрастную кривую заболеваемости и смертности. В то же время начиная с некоторого (весьма раннего) возраста

появляются и растут затраты на воспитание и образование. Очень трудно учесть и оценить услуги взрослых членов семьи и прежде всего матери по уходу за ребенком. Но как бы мы ни подходили к этому вопросу, оценивая время, затраченное матерью, по часовым нормам ее профессиональной квалификации или по часовым нормам оплаты специалистов по уходу за детьми, эти расходы очень велики³⁴. В настоящее время стоимость этих затрат неизмеримо выросла. Обеспечение низкого уровня детской смертности, высокого уровня образования, воспитания и обучения детей стоит очень дорого, и это надо сознавать.

Развитие дошкольных детских учреждений при капитализме и при социализме имеет с экономической точки зрения противоположное значение. При капитализме детские учреждения развиты слабо, содержание в них ребенка дорого обходится родителям, поэтому в тех случаях, когда семья пользуется их услугами, это удорожает стоимость ребенка. При социализме, наоборот, затраты на детские учреждения покрываются в основном из общественных фондов, и при очень широком развитии детских учреждений различного типа расходы родителей на детей при пользовании детскими учреждениями существенно снижаются.

Таким образом, изменение способов удовлетворения материально-энергетических потребностей непосредственно связано с изменением функций семьи и прежде всего с передачей части их другим социальным институтам. Изменилось положение детей и комплекс их ролей в семье; это, в частности, привело к тому, что многодетность из фактора, способствовавшего экономическому процветанию семьи, превратилась в фактор, снижающий ее материальную обеспеченность.

5.2. Информационно-исследовательские потребности

Не менее радикальные изменения произошли и в способах удовлетворения информационно-исследовательских потребностей человека. Эти изменения также сказались на семье, ее функциях, включая репродуктивную. В традиционном обществе, когда жизнь каждого была зам-

³⁴ Мы здесь не касаемся эмоционально-психологических аспектов труда по уходу за детьми, ограничиваясь только экономической стороной дела.

³³ См., например: Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.

кнута внутри семьи, в основном в ней и происходил процесс социализации личности. Кругозор человека был ограничен пределами общины, и круг его представлений о мире был чрезвычайно узок. Только религия и связанные с ней понятия и общения выводили человека из узких рамок семейного круга. Коренное изменение социально-экономических отношений изменило и психологический мир человека. Он не только экономически и социально, но и психологически вышел за пределы семьи и общины. «Общественно-исторические сдвиги не только вносят в психологический мир человека новое содержание, а приводит к созданию новых форм сознательной деятельности, новых структур познавательных процессов, переводят сознание человека на новые уровни»³⁵.

В традиционном обществе грамотность была редкостью, а у тех народов, где она была распространена в силу религиозных традиций (мусульманство, иудаизм), служила лишь для чтения священных книг. Вне этой сферы грамотность служила практическим целям лишь в торговле и административно-судебных органах, но в этих сферах была занята ничтожная часть населения, остальным грамотность просто не требовалась в практической жизни.

Распространение грамотности и книгопечатания изменило положение вещей; восприятие информации перестало требовать личного контакта, каждый человек, обучившись грамоте, мог черпать информацию из гигантской «Галактики Гутенберга». Уже в развитых капиталистических странах грамотность становится широко распространенной, а при социализме — всеобщей. Развитие средств массовой информации доводит этот процесс до гигантских масштабов, в результате каждый человек оказывается включенным в огромную информационную систему таким образом, что получаемая им информация почти не зависит от информации, получаемой другими членами семьи. Дети оказываются тоже вполне самостоятельными включенными в этот процесс, их информационная зависимость от родителей резко падает, начиная с самого раннего детства.

Но канал информации — это не просто способ ее по-

³⁵ Лурья А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974, с. 165.

лучения. Он тесно связан с содержанием самой информации, а это значит, что социализация детей происходит уже не только под влиянием и контролем семьи. Создание системы внедомашнего воспитания, обучения и образования и развитие средств массовой информации в значительной степени изымают процесс социализации из-под контроля родителей. Свои знания, свой кругозор, свои представления о мире, свои ценностные ориентации, свое мировоззрение, свои мечты и предрассудки дети черпают не только из уст родителей и не всегда под их контролем. Это влечет за собой серьезные последствия. С одной стороны, дети не повторяют родителей в чем-то особенном, специфичном, тем самым они в чем-то больше похожи на своих сверстников и учителей, чем на родителей, что создает новые отношения между родителями и детьми. С другой стороны, родители, утратив полноту права и обязанности обучать своих детей и зачастую превратившись в беспомощных помощников профессионалов, в значительной мере потеряли и привычный способ удовлетворения целой гаммы потребностей — потребности обучать, воспитывать, передавать свой опыт, воспроизводить себя в детях, предостерегать от своих ошибок и воплощать в жизнь свои представления о добре и зле, об успехе и поражении.

Все социально-детерминированные способы удовлетворения этих потребностей перенесены во внесемейные сферы общения: в сферу производства, досуга, общественной деятельности. Человек учится жить и учит жить вне семьи. Дети в значительной степени вышли из-под влияния своих родителей. Им необходимо воспринимать не индивидуальный жизненный опыт родителей, не их знания, навыки и представления, а концентрированный и препарированный опыт прошлых поколений — именно это и обеспечивают дошкольные, школьные и внешкольные учреждения и средства массовой информации.

Эти процессы, вызванные к жизни развитием производительных сил и значительно ускоренные научно-технической революцией, имеют разный характер в разных социальных системах. В условиях капитализма уменьшение роли семьи в процессе социализации и передача ее в руки буржуазной школы и средств массовой информации приводят к множеству тяжелых последствий как для подрастающего поколения, так и для семьи. Но этот процесс имеет и существенные положительные стороны.

так как прогрессивные взгляды и организации могут оказывать на молодежь непосредственное влияние, мнимая семья. При социализме этот процесс происходит при содействии семьи, не вызывая в ней кризисных явлений, так как и семья, и внесемейные институты преследуют в процессе социализации единые цели; но некоторые трудности все же возникают из-за того, что усилия семьи и внесемейных институтов не всегда хорошо скоординированы.

Конечно, все написанное выше несколько утрировано. Семья и родители еще оказывают значительное влияние на детей, родители еще испытывают удовлетворение от общения с детьми в процессе их обучения и воспитания. Социалистическое общество на современном этапе стремится к взаимодействию и гармонии влияния семьи и внесемейных институтов на детей, а не к полной передаче процесса социализации внесемейным институтам. Однако тенденция к передаче всего процесса социализации от семьи к внесемейным специализированным институтам несомненна и объективно обусловлена. Нам даже не кажется поразительным тот факт, что при обследованиях бюджетов времени нам удастся выделить и отграничить то время, которое родители затрачивают на воспитание детей, и что это время оказывается не таким уже значительным (3—5 часов в неделю)³⁶. И школы, и дошкольные, и внешкольные учреждения появились не потому, что родителям (матерям) некогда учить и воспитывать детей, как это иногда пытаются представить. Они появились и развиваются потому, что процесс социализации очень усложнился и им должны руководить специалисты. Родители зачастую просто не могут этого сделать на должном уровне, сколько бы времени и желания у них не было. И если сегодня некоторые детские учреждения еще не выдерживают сравнения с хорошими родителями, то это вовсе не аргумент за возврат к домашнему воспитанию, это только аргумент за улучшение качества работы соответствующих учреждений, за меньшую нагрузку персонала, повышение его квалификации и т. п. Качество изделий и условия труда на первых фабриках были намного хуже, чем в традиционных мастерских, но будущее было за фабрикой.

Аналогичные процессы происходят и в сфере досуга. В традиционном обществе досуг родителей и детей существовал нераздельно, и если родители еще иногда проводили свободное время вне семьи, то досуг детей был ограничен только семьей. Он был органически вплетен в образ жизни семьи и являлся естественным продолжением всех других семейных дел и отношений. Расширение внесемейной сферы досуга коснулось всех членов семьи. Разнообразие способов проведения досуга, усложнение человеческой личности со множеством индивидуальных вкусов и предпочтений, отделение в пространстве и времени сфер труда, быта и досуга привели к тому, что семейные виды проведения досуга теряют прежние значения. Досуг детей также все чаще выносятся за рамки семьи и за родителями остается лишь функция его организации, но и ее все чаще берут на себя специализированные внесемейные институты. Дети и родители читают разные газеты и книги, смотрят разные спектакли и фильмы, занимаются разным спортом и болеют за разные команды, они врозь развлекаются и отдыхают и даже по одному телевизору ухитряются смотреть разные программы. Досуг не соединяет семью, а разъединяет ее. При этом сужаются информационные контакты между родителями и детьми, ограниченность этих контактов во времени затемняет для нас их содержательное обеднение и сужение круга тем информационного общения. Тенденция к уменьшению роли внутрисемейного общения в общем, все возрастающем объеме человеческого общения мало изучена, она затрагивается только косвенно при изучении бюджетов времени, где очень четко зафиксировано снижение доли общения с родственниками в общем времени, затрачиваемом на контакты (в тех случаях, когда эти затраты выделяются)³⁷.

Надо при этом иметь в виду, что самостоятельное рассмотрение информационных контактов между людьми вообще и между родственниками, родителями и детьми в особенности — это абстракция, допустимая только в известных пределах, так как эти контакты в еще большей степени, чем информационную нагрузку, несут нагрузку эмоциональную. Если их информацион-

³⁶ См.: Гордон Л. А., Клопов Э. Ф. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972.

³⁷ См., например: Бюджет времени городского населения/Под ред. Б. Т. Колпакова и В. Д. Патрушева. М., 1971, гл. VII.

ная роль снижается, то их эмоциональная роль возрастает по мере того, как в сфере внесемейного общения межличностные контакты все больше замещаются ролевыми.

Надо еще отметить тенденцию к ослаблению информационных контактов между детьми в семье. В традиционном обществе объем информации, усваиваемой детьми в процессе социализации, был невелик (по современным меркам) и скорость его усвоения также была невелика. Поэтому различия в усвоенном объеме информации между детьми разного возраста были невелики и их информационное общение было интенсивным. Значительную часть информации младшие усваивали от старших. С увеличением интенсивности потребления и усвоения информации разрыв между детьми разных возрастов увеличивается и информационные контакты между ними уменьшаются.

Повышение объема информации, скорости ее усвоения, систематизация и стандартизация процесса образования приводят к отчуждению детей в семье друг от друга. В настоящее время при двухдетной системе различия в возрасте детей, по-видимому, больше, чем раньше, хотя и ранее большие интервалы возникали как в результате смерти детей, так и по другим причинам. Поэтому в семье часто растут не двое детей, а «два единственных».

Тенденция к усложнению и модернизации школьных программ и к повышению уровня образования от поколения к поколению также приводит к увеличению информационного разрыва между родителями и детьми. Это способствует содержательному обеднению информационных связей между ними.

В результате всех процессов роль детей в удовлетворении информационно-исследовательских потребностей родителей сильно снижается. Появляются и развиваются другие способы их удовлетворения, уже не связанные с детьми и с внутрисемейными отношениями и контактами. Роль семьи в общей системе циркуляции и переработки информации снижается. Информация, проникающая в семью через средства массовой информации (газеты, радио, телевидение и т. п.), не вытесняет внутрисемейные информационные контакты, а заполняет образующийся вакуум.

Изменения в интенсивности информационных контактов и в системе образования и обучения влияют на систему воспитания детей, т. е. на систему усвоения социальных норм и нравственных представлений. В традиционном обществе родители, и прежде всего отец, были для детей абсолютным авторитетом. Этот авторитет был оправдан тем, что отец был руководителем в труде и отдыхе, он учил делать и понимать. Традиционные нормы поведения, моральные и нравственные основы воспринимались детьми практически из одного источника — от родителей. Все остальные возможные источники лишь подтверждали незыблемость и правильность того, чему учили родители. Почтение к родителям, повиновение родителям, абсолютная справедливость того, чему они учат, и необходимость им подражать пронизывали все мировоззрение традиционного общества; отец выступал как образец для подражания, в этом были убеждены родители, дети и все окружающие.

Сейчас дети не только не наследуют занятие отца и не обучаются у него приемам труда, но и не видят родителей в процессе труда. Часто они вообще слабо представляют себе, чем занимаются их родители. Это исчезновение из семейного взаимодействия процесса обучения и образования влечет за собой существенное снижение авторитета родителей и в других областях. Хотя нравственное воспитание все еще остается в основном обязанностью родителей, они делят его со многими другими людьми. Дети усваивают нормы морали не столько из нравов, сколько подражая тем, кто авторитетен в их глазах. Они учатся отличать добро от зла, усваивают нормы поведения от учителя и тренера, сверстников и киногероев, они воспитываются на тех образцах, которые им дают средства массовой информации. Даже в тех случаях, когда все эти учителя жизни и авторитеты не противоречат друг другу, роль родителей часто перестает быть главной, а это или ведет к снижению взаимопонимания, или требует от родителей принципиально нового подхода к детям — уважения их мнений и представлений даже в тех случаях, когда они противоречат их собственным. Такая ранняя автономизация детей часто создает у родителей определенную неудовлетворенность из-за невозможности узнать себя в своих детях, привить им собственное представление о жизни и тем

самоутвердиться, оправдать свой жизненный опыт, реализовать в моральном облике детей свои представления о хорошем и должном.

5.3. Потребности в социальном взаимодействии

Сильно изменилась роль детей также в удовлетворении потребностей родителей в социальном взаимодействии. Социальное положение все меньше зависит от семейных связей, и подобно тому, как внесемейные связи детей не есть следствие их принадлежности к семье своих родителей, внесемейные связи родителей перестали зависеть от связей детей, в частности брачные связи детей потеряли для родителей социальное значение. Социальная мобильность через брак все больше утрачивает свое значение не только для мужчин, но и для женщин. Женщина, которая представляется «я — инженер», «я — архитектор», «я — ткачиха» и т. п., — в наше время норма, женщина, которая представляется «я — жена инженера», «я — жена врача» и т. п., — исключение. Утрачено и само право и обязанность родителей подбирать брачных партнеров своим детям. Аналогичное положение и с выбором занятия детьми. Дети часто не только не наследуют занятия родителей, но и выбор занятия стал делом самих детей, а не родителей. При этом занятия детей, как правило, не отражаются на социальном положении родителей и уже тем более не определяют его. Это изменение, наряду с экономическим фактором, — одна из существенных причин исчезновения заинтересованности родителей в многодетности.

Заботы родителей о судьбе детей, об их образовании, воспитании, обучении, социальном положении, браке приобретают чисто альтруистический характер. Они превращаются в один из самых важных способов удовлетворения, быть может, важнейшей потребности социального взаимодействия — потребности в проявлении, в реализации собственного альтруизма, потребности ощущать и сознавать собственную полезность, нужность. Эта потребность сильно развита у человека³⁸. Она лежит в основе множества социально значимых поступков и действий. Мы говорим о ней, объясняя некоторые экстре-

мальные поступки, но забываем подчас будничные, обычные, наиболее распространенные способы ее удовлетворения. В некоторых перечнях и системах потребностей она забыта вообще, а иногда носит не вполне удачное название — «цель жизни». Эта потребность, по-видимому, фундаментальна и несводима к другим; ее удовлетворение связано с очень сложными социально-значимыми психологическими отношениями между людьми. Такие межличностные отношения, в отличие от ролевых, важны своим эмоционально-мотивационным, а не поведенческим компонентом. Поведение, связанное с удовлетворением этой потребности, может быть очень разнообразным, но ее удовлетворение не может быть многоступенчатым, опосредованным. Оно всегда непосредственно направлено на объект, а сам объект должен быть конкретен. Обычно это человек — личность, но иногда он может замещаться разными суррогатами, вплоть до домашних животных. Только имея объект любви и забот, человек ощущает собственную значимость, нужность. Однако такое отношение, будучи чисто альтруистическим, требует определенной взаимности. Заботы и любовь должны приниматься с пониманием, с благодарностью, с ответным чувством — только в этом случае удовлетворение потребности полное. Подробное исследование этих проблем входит в компетенцию психологии, мы отметим лишь, что отсутствие адекватного удовлетворения этой потребности воспринимается как одиночество, эмоциональный дискомфорт и является основой разных психологических отклонений.

Ребенок был тем объектом, взаимодействие с которым послужило основой выработки этой потребности еще в предыстории человека, так как подобная потребность была объективно необходима для выживания потомства. Ребенок и сейчас остается основным объектом, наиболее адекватно ее удовлетворяющим. В условиях традиционной семьи эта роль детей была второстепенной, но со снижением значения других важных функций она постепенно выходит на первый план. Семья, освобождаясь от многих своих функций, превращается в средоточие эмоциональных межличностных отношений. Значение ролевых отношений в семье падает, она превращается из многоцелевого института в специализированный, и этой «специальностью» становится создание зоны эмоционального комфорта. В результате сами внутрисемейные от-

³⁸ См.: Эфронимсон В. П. Родословная альтруизма. — Новый мир, 1971, № 10.

ношения, удовлетворяя эту потребность, приобретают самодовлеющую ценность и постепенно становятся единственным связующим звеном между членами семьи. Если эти отношения перестают адекватно удовлетворять потребности, то уже нет других сил, чтобы удержать семью от распада: дети уходят от родителей, супруги расходятся, взаимная необходимость исчезает.

Надо учесть и то, что было сказано выше о ранней автономизации детей. Дети наилучшим образом удовлетворяют потребность родителей в любви и заботе тогда, когда в этой заботе есть необходимость, когда она воспринимается и встречает понимание. Вырастая, дети все менее и менее способны и склонны удовлетворять эту потребность, им все меньше и меньше нужны забота и опека. Именно благодаря этой исключительной роли маленьких детей в современной семье можно говорить о ее «детоцентризме»³⁹. Но нет никаких оснований утверждать, что детоцентризм — это тот новый механизм, который призван обеспечить репродуктивное поведение, адекватное количественным характеристикам оптимального уровня рождаемости.

В каждый данный момент для удовлетворения своей потребности родителям нужен один ребенок, но когда он начинает выходить из возраста, наилучшим образом приспособленного к адекватному восприятию родительского попечения, вопрос о «втором единственном» становится актуальным. Родители редко сознают это достаточно четко, но иногда «притормаживают» социализацию своего единственного, что в случае успеха приводит к его инфантильности. С появлением внуков эти отношения часто переносятся на них. Иногда ребенок замещается другим членом семьи, склонным или вынужденным стать объектом опеки и забот, иногда появляются суррогаты. Исходя из этого ясно, почему ребенок, постоянно находящийся в детских учреждениях, не может быть объектом, удовлетворяющим потребности родителей, и почему расширение внесемейного воспитания не может не способствовать снижению рождаемости.

Рост роли детей как связующей силы, обеспечивающей прочность семьи, находится в противоречии с объективно обусловленным ростом значения общественных

форм социализации личности, и от того, как будет решаться это противоречие, в значительной мере будет зависеть репродуктивное поведение.

6. Заключение

Суммируя сказанное, отметим, что значительно расширился выбор объектов, способных удовлетворять потребности, большинство традиционных способов удовлетворения потребностей личности так трансформировались, что перестали быть связанными с семьей и ее функциями. Постепенно в семье остаются только те способы удовлетворения потребности, которые требуют эмоциональных межличностных контактов. Значение детей, ранее многоплановое, сузилось до объекта опеки и заботы. Конечно, это проявляется только как тенденция. Во многих случаях семья и сейчас еще полифункциональна; экономика, быт и социальное положение еще играют заметную роль в формировании и функционировании семьи, но развитие все же идет в указанном направлении, и трансформация репродуктивной функции семьи связана именно с этой тенденцией развития. При традиционных способах удовлетворения потребностей число детей в семье имело очень большое значение. Сейчас дети нужны для удовлетворения одной, хотя и очень важной, потребности — потребности иметь объект альтруистической заботы и опеки, потребности в ощущении собственной необходимости и полезности для объекта любви и заботы. Для наиболее адекватного удовлетворения этой потребности нужен в каждый момент *один* ребенок. Так, постепенное изменение способов удовлетворения потребностей исподволь подрывает тот механизм, который с момента возникновения семьи обеспечивал возобновление населения.

Репродуктивная функция семьи, обеспечивая интересы семьи, обеспечивала и интересы общества. Возникшие в процессе культурного отбора традиционные нормы репродуктивного поведения существовали не сами по себе, а были тесно связаны со всем образом жизни, т. е. со всей совокупностью способов удовлетворения потребностей. Эти нормы были утилитарны в том смысле, что, следуя им, люди наилучшим образом удовлетворяли

³⁹ См.: Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью. — Вопросы философии, 1978, № 6.

свои потребности. Именно стремление удовлетворить потребности и вызывало к жизни поведение, необходимое для воспроизводства населения.

Объективные закономерности репродуктивного поведения действуют независимо от того, осознаны они или нет, поняты они субъектом правильно или ложно. Если признать, что репродуктивное поведение детерминируется и регулируется объективными социальными закономерностями, то тем самым надо признать, что оно и может и должно быть рационально объяснено. Конечно, нельзя требовать такого объяснения от самого субъекта и с помощью удачно сформулированных вопросов пытаться переложить вопросы, возникающие перед наукой, на респондентов обследований. Последних можно спрашивать и о цели их поведения, и о причинах, побудивших их выбрать тот или иной путь к цели, но результаты подобных обследований — это только сырье для разработки ответа, а не сам ответ. Субъективные мотивы репродуктивного поведения и его подлинные детерминанты и факторы — разные вещи.

Изменение всей структуры общества, всего образа жизни привело к тому, что семья получила свободу репродуктивного поведения, но цепь, связывавшая необходимость воспроизводства населения с необходимостью удовлетворения потребностей индивида, оказалась разрушенной: для обеспечения простого воспроизводства населения средняя семья должна иметь двоих-троих детей. Для удовлетворения рассмотренных выше потребностей родителей, по-видимому, часто достаточно одного-двоих детей. Репродуктивная функция семьи, как и прежде, хорошо служит удовлетворению потребностей членов семьи, но она перестала автоматически обеспечивать расширенное воспроизводство населения.

Чтобы обеспечить даже простое воспроизводство населения, оставив репродуктивную функцию всецело в семье, недостаточно отдельных, хотя и важных, мероприятий. Необходимо такое изменение социально санкционированных способов удовлетворения потребностей человека, которое бы обеспечило наилучшее удовлетворение потребностей при наличии у него двоих-троих детей. Два-три ребенка будут в семье лишь тогда, когда они будут объективно необходимы родителям.

Изложенные выше соображения о социальной детерминации репродуктивного поведения, конечно, не могут

претендовать на полноту. Анализ изменений репродуктивного поведения на разных этапах социального развития общества, в разных его классах и группах требует детальной разработки. Эта проблема, относительно хорошо изученная с чисто демографической стороны, мало исследована с точки зрения социальной детерминации. Изменения репродуктивного поведения в классовом обществе происходили в разных классах не только в разное время, но и по-разному. Все это требует дальнейшего систематического исследования.

А. Г. ВИШНЕВСКИЙ

О МОТИВАЦИОННОЙ ОСНОВЕ РОЖДАЕМОСТИ

Рождение детей, или прокреация¹, — неотъемлемая функция человека. Если бы выполнение этой функции в человеческом обществе серьезно нарушилось, самосуществование его было бы поставлено под угрозу.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в наше время в прокреационном поведении людей происходят очень серьезные изменения.

Эти изменения можно толковать просто как «поломку» механизма социального управления рождаемостью, безотказно действовавшего тысячелетиями, а теперь начавшего давать сбои. Но можно рассматривать их и как органическую перестройку механизма, управляющего поведением одной из подсистем социального целого в эпоху, когда само это целое охвачено глубокими переменами, как «болезнь роста». При первой трактовке с новыми тенденциями связывается опасность полного нарушения воспроизводственного процесса, при второй — в них можно видеть лишь модификации этого процесса, обеспечивающие решение тех же, что и прежде, принци-

¹ От лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет. В настоящей статье термин «прокреационный» употребляется вместо термина «репродуктивный», который попал к нам из англоязычной демографической литературы (*reproduction, reproductive period, reproductive behaviour*). Использование этого термина для обозначения явлений, связанных с рождаемостью, создает трудности, когда их нужно отличать от явлений, связанных с воспроизводством (репродукцией) населения в целом. Избавиться вообще от иноязычного термина пока не удалось из-за неудобства образования прилагательных от слов «рождение», «рождаемость». Поэтому мы пытаемся преодолеть указанную выше трудность с помощью термина «прокреация» и производных от него, как это принято во французской литературе (*procréation, période de procréation, comportement procréateur*).

пиальных задач, но способом, соответствующим более высокому этапу общественного развития.

Ни то, ни другое толкование происходящих изменений не исключает негативной оценки некоторых явлений современной демографической действительности, равно как и целесообразности активной демографической политики, направленной на преодоление нежелательных явлений. Но при первой трактовке эти нежелательные явления рассматриваются как прямое следствие отхода от старых проверенных методов социального управления прокреационным поведением, а демографическая политика явно или неявно ориентируется на то, чтобы затормозить этот отход и по возможности обеспечить возврат к прошлому или чему-то, на него похожему. При второй же трактовке в отрицательных моментах современного демографического развития можно видеть следствие недостаточного развития новых форм управления прокреационным поведением, стало быть, и недостаточного преодоления его старых форм, и тогда демографическая политика должна ориентироваться на ускоренное изживание прошлого, на облегчение объективно назревшего перехода от старого к новому, на поиски методов управления прокреационным поведением, быть может, принципиально отличных от тех, которые существовали прежде.

1. Прокреационная и репродуктивная потребности

Под прокреационной мотивацией будем понимать совокупность побуждений, приводящих человека к рождению ребенка. Такие побуждения могут быть различными, могут толкать на какой-либо шаг либо удерживать от какого-либо шага. При анализе прокреационной мотивации одинаково важно увидеть побуждения как той, так и другой группы, как то, например, что побуждает женщину родить, так и то, что не позволяет ей воспрепятствовать рождению.

Объективную основу прокреационной мотивации попытаемся понять, отталкиваясь от категории «потребность», которая в марксистской литературе признается «узловым фактором, исходным пунктом решений человека как относительно внешнего мира, других людей,

так и относительно самого себя»². Потребности вытекают из жизнедеятельности человека, существующего в той или иной природной или общественной среде, задаются ему биологически или социально.

Стало быть, чтобы понять объективную обусловленность интересующего нас прокреационного поведения, надо прежде всего разобраться в содержании и природе той потребности, которая дает исходный импульс этому поведению, побуждает людей вести себя в сфере прокреации так, а не иначе.

В советской демографической литературе последних лет получили выражение различные взгляды на потребность как фактор детерминации прокреационного поведения. Одно из главных различий заключается в том, что некоторые авторы (Л. Е. Дарский, В. А. Белова) вообще отрицают существование специфической потребности, служащей исходным пунктом детерминации такого поведения, тогда как другие (А. И. Антонов, В. А. Борисов) говорят именно о специфической потребности, которую называют «потребностью в родительстве», «в отцовстве», «в материнстве», чаще же всего — «потребностью в детях».

Согласно А. Антонову «потребность в детях является социально-психологическим свойством индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего числа их индивид испытывает затруднения как личность»³. Содержание потребности в детях раскрывается, однако, не этим чисто функциональным определением, а анализом структуры мотивов рождения детей, которые характеризуют «смысл появления ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей»⁴. Среди важнейших А. Антонов и солидаризирующийся с ним В. Борисов называют мотивы, связанные с тем, что дети «рассматриваются как участники семейного хозяйства, как дополнительная рабочая сила, защитники и наследники хозяйства, кормильцы и опора родителей в старости», позволяют удо-

влетворить потребности родителей в заботе о других, в передаче своего жизненного опыта и т. д.⁵ Для правильного понимания смысла, вкладываемого авторами в понятие «потребность в детях», важно то, что они допускают ослабление этой потребности вследствие исторических перемен, затрагивающих общество и семью, причем именно с ослаблением этой потребности связывается современное снижение рождаемости.

Признавая вслед за А. Антоновым, В. Борисовым и рядом других авторов существование специфической потребности, лежащей в основе прокреационного поведения людей, мы, однако, во многом расходимся с ними в отношении трактовки содержания этой потребности и характера ее мотивационного действия.

Идет ли речь о семье или об обществе, следует четко разграничивать два демографических процесса: прокреацию, т. е. производство потомства, и воспроизводство, или репродукцию, — процесс, объединяющий в себе прокреацию с неизбежным рано или поздно исчезновением рожденных людей, рождаемость со смертностью, и характеризующийся итоговым результатом взаимодействия того и другого. Соответственно можно говорить и о двух видах потребности — *прокреационной*⁶, т. е. потребности в определенном числе рождений, определенном уровне рождаемости, и *репродуктивной*, связанной с необходимостью непрерывного возобновления поколений, замены уходящих членов общества или семьи новыми.

Прокреационная потребность — производная от репродуктивной, но она не тождественна ей. Завися от репродуктивной потребности, она зависит также и от уровня смертности, что придает ее динамике относительно независимый (от динамики репродуктивной потребности) характер. Возможно, например, что репродуктивная потребность не изменяется, в то время как соответствующая ей прокреационная потребность в результате снижения смертности непрерывно сокращается. Ведь один и тот же темп роста населения или неттокоэффициент его воспроизводства, равно как один и

² Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977, с. 218.

³ Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семей. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974, с. 115.

⁴ Антонов А. И. Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей. Ереван, 1975, с. 90.

⁵ См.: Антонов А. И. Потребность семьи в детях, с. 90—91; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 181—182.

⁶ Термин «прокреационная потребность», правда, в ином толковании, предложен Р. И. Сифман.

тот же размер семьи, при разной смертности требует и разной рождаемости.

Термин «потребность в детях» в описанном выше понимании игнорирует различие между двумя указанными потребностями. Говоря о потребности в детях, обычно имеют в виду детей, не просто родившихся, а выживших, достигших возраста зрелости, ставших способными к выполнению экономических, социальных, демографических и прочих функций. То же следует сказать и об употребляющемся иногда применительно ко всему обществу выражении «потребность в людях»⁷. Потребность в детях связывается, скажем, с заинтересованностью в детях как в работниках, кормильцах в старости и т. п. Речь следовательно, идет об итоговой репродуктивной потребности с учетом тех потерь, которые приносит смертность детей до достижения ими возраста, когда соответствующие функции могут выполняться.

Но, с другой стороны, с динамикой потребности в детях связывают реальные изменения рождаемости, объясняя ее снижение ослаблением этой потребности. «Сокращение рождаемости происходит вследствие уменьшения самой потребности в детях», — пишет В. Борисов⁸.

Снижение рождаемости действительно можно рассматривать как свидетельство сокращения *прокреационной* потребности (да и то такая трактовка — не единственно возможная). Но непосредственной связи между динамикой рождаемости и динамикой репродуктивной потребности нет. При снижении смертности рождаемость может падать, даже если потребность в детях, понимаемая как репродуктивная, совершенно не изменяется. Стало быть, когда динамика рождаемости прямо связывается с динамикой потребности в детях, то последняя толкуется как *прокреационная*, как потребность в определенном числе рождений.

Термин «потребность в детях» («в людях» и т. п.) оказывается двусмысленным, и мы предпочитаем им не пользоваться, полагая, что выделение двух разных потребностей — репродуктивной и *прокреационной* — более точно отражает специфику двух разных явлений

⁷ См., например: Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 184—185.

⁸ Борисов В. А. Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 122.

действительности. Разграничение этих двух потребностей полезно еще и потому, что они реализуются (по крайней мере отчасти) в разных видах поведения. С репродуктивной потребностью, например, связана не только прокреация, но и отношение к жизни родившихся детей, процессы адаптации (усыновления и удочерения) и т. п.

И репродуктивную, и *прокреационную* потребности мы понимаем как социальные, т. е. такие, которые нельзя найти у изолированного индивида, но которые свойственны общественному человеку. При таком понимании анализ детерминации индивидуального поведения требует обращения к категории *общественной потребности*⁹.

Функционирование общества как целостной системы порождает потребности, не сводимые к потребностям индивидов, рассматриваемых порознь, но вытекающие из их постоянного взаимодействия между собой в масштабах всего общества. Если эти общественные потребности не удовлетворяются, само существование общества, а значит, и отдельных людей оказывается невозможным. Нужно ли лишний раз повторять, что существование общества решающим образом зависит от непрерывности продолжения рода? Нам кажется, что среди всех общественных потребностей, нередко трудно разграничиваемых, специфические потребности в воспроизводстве населения и соответственно в необходимом числе рождений — репродуктивная и *прокреационная* — принадлежат к числу наиболее легко вычленяемых и очевидных.

Что же касается этих потребностей на индивидуальном уровне, то они, в нашем понимании, порождаются обществом как целым, социальным взаимодействием

⁹ Важность анализа категории общественной потребности применительно к интересующей нас проблематике подчеркивается А. Г. Харчевым и М. С. Мацковским (см.: Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 31—32 и далее). На связь индивидуальной и общественной репродуктивной потребности указывает и А. И. Антонов, который пишет: «Общественная потребность в воспроизводстве населения и конкретнее — социальная потребность в детях... отражается в общественном сознании... образуя индивидуальную потребность в детях» (Антонов А. И. Проблемы измерения репродуктивной мотивации. — В кн.: Развитие населения (Народонаселение). М., 1974, с. 32). Нам кажется, однако, что этот верный тезис не получил в работах А. И. Антонова последовательного развития.

людей в качестве их общей коллективной потребности и только потому становятся их индивидуальной потребностью.

Общественная и индивидуальная потребности (как репродуктивная, так и прокреационная) генетически связаны между собой, не существуют одна без другой, испытывают постоянное взаимное влияние. Каждая из двух потребностей существует одновременно и как общественная, и как индивидуальная. Но внутреннее единство общественного и индивидуального не означает отсутствия конфликта между ними.

Непрерывное продолжение рода как одна из основных потребностей общества существует наряду с множеством других его потребностей, без удовлетворения которых оно тоже не могло бы существовать. Укажем хотя бы на экономическое воспроизводство — основу существования социальной жизни.

Общество всегда объективно вынуждено распределять свои усилия и ресурсы таким образом, чтобы ни одна из жизненно важных потребностей не осталась неудовлетворенной. Само такое распределение несет в себе зерно противоречия, конфликта, который воспроизводится и на индивидуальном уровне. Каждый человек даже на ранних этапах истории имеет разнообразные потребности и, рассуждая абстрактно, может отдать предпочтение удовлетворению одних в ущерб другим. В массе подобные предпочтения могут сделать невозможным сбалансированное удовлетворение общественных потребностей, что приведет к хаосу и дезорганизации социальной системы. Абстрактная возможность такой дезорганизации всегда существует, ибо, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, с момента возникновения общества «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом»¹⁰.

Но подобно тому, как неверно было бы абсолютизировать единство общественной и индивидуальной потребностей и не видеть между ними никакой разницы, неверно впадать и в другую крайность и абсолютизировать конфликт между ними, забывая об имманентно присущих обществу силах, ведущих к преодолению этого

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 31.

конфликта. В большинстве случаев он решается таким образом, что частные интересы подчиняются общим, и массовое поведение людей, движимых их собственными «особыми» интересами, все же не выходит за рамки, допустимые с точки зрения социального целого.

Так, мы полагаем, обстоит дело с соотношением общественной и индивидуальной потребностей и в демографической сфере. Конфликт между индивидуальными (семейными) и общественными прокреационными интересами — это не какое-то уникальное явление, характерное только для последнего времени (и то лишь в возможности), как утверждают некоторые демографы, а совершенно обычное состояние, свойственное любой эпохе и любому обществу.

К сожалению, авторы, которые склонны подчеркивать существование этого конфликта на современном этапе, не замечают ни самого конфликта, ни варварских форм его преодоления, когда речь идет о прошлом. В литературе всячески подчеркивается всесторонняя заинтересованность человека прошлого в многочисленном потомстве, всеобщее единодушие в отношении целесообразности высокой рождаемости. В этом отношении характерно утверждение В. И. Козлова о том, что прежде «дети считались бесценным благом жизни, что приводило, по существу, к неограниченной потребности в них», тогда как теперь «дети уже не считаются высшим благом, а соизмеряются с другими ценностями»¹¹.

Нам же кажется, что природа всеобщего «консенсуса» в отношении деторождения в прошлые эпохи заслуживает более критического анализа. В его достижении всегда огромная роль принадлежала насилию, он зиждился на несправии отдельного человека, его подчиненности отчужденной социальной силе, выступающей в облике государства и его институтов, религии и т. п. Достаточно напомнить о приниженном положении женщины, которое тысячелетиями лишало ее возможности какого-либо волеизъявления, выбора во всех сферах жизни, в том числе и в семейной сфере. Круг доступных женщине социальных ролей был сужен до предела, материнство было едва ли не единственной из них. Естественно, что бездетность замужней женщины означала

¹¹ Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977, с. 118, 124.

для нее трагедию. Дети для нее действительно были бесценным благом жизни, но жизни, которая в силу своей социальной организации была лишена всех других благ, насильно низведена до узкофункционального существования в замкнутой семейной сфере. Социальные механизмы делали свое дело и обеспечивали непрерывность прокреации, но никакой гармонии общественных и индивидуальных прокреационных интересов, никакого «золотого века» рождаемости в прошлом не было.

Противоречие индивидуальной прокреационной потребности общественной существовало в прошлом, существует в настоящем и, вероятно, сохранится и в будущем. Поскольку речь идет о противоречиях внутренних, имманентных самому явлению, развитие, как известно, «не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения»¹². Следовательно, если мы действительно хотим понять то новое в детерминации прокреационного поведения, что несет с собой историческое развитие, мы должны разобраться в исторически конкретных формах, в которых разрешается противоречие и обеспечивается единство индивидуального и общественного в сфере прокреации.

2. Внешнее и внутреннее в детерминации прокреационного поведения

Согласование индивидуального прокреационного поведения с интересами и потребностями целого обеспечивается процессами социального управления¹³. Смысл всякого управления заключается в установлении между компонентами системы дополнительных, «излишних» с точки зрения отдельного компонента связей, благодаря чему и обеспечивается оптимизация функционирования всей системы. Человек, находящийся в сфере социального управления, делает то, что ему (если бы его можно было представить существующим изолированно) «не нужно», и не делает того, что ему «нужно». Иными словами, именно социальное управление делает нужным каждому то, что нужно обществу в целом, формирует

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 113.

¹³ Более подробно о содержании социального управления применительно к рождаемости см.: Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью. — Вопросы философии, 1978, № 6.

индивидуальные потребности, соответствующие общественной потребности. В результате преодолеваются энтропийные тенденции, порождаемые существованием множества особых индивидуальных интересов, и индивидуальное поведение (в том числе, конечно, и демографическое) оказывается определенным образом упорядоченным.

Такое упорядочение достигается различными способами, каналы, по которым управляющая информация поступает к индивиду, многообразны. В социологической литературе их часто объединяют в две группы, выделяя внешнюю и внутреннюю детерминацию поведения. Характер детерминации поведения отражается и в структуре его мотивации, в которой также всегда присутствуют внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) компоненты.

Соотношение внешних и внутренних компонентов детерминации поведения не есть что-то раз и навсегда данное. Наоборот, на разных этапах истории относительное значение каждого из них не одинаково. Как писал К. Маркс, «существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют»¹⁴. В мотивации поведения «варвара» преобладают как раз экзогенные компоненты, он ведет себя, повинаясь внешним силам и исходящим от них импульсам. Историческая тенденция заключается в преодолении «варварства», в вытеснении экзогенных компонентов мотивации эндогенными, в возрастающем преобладании внутренних побуждений к действию, индивидуальных желаний, стремлений, целей. Нас особенно интересует тот этап этих изменений, который начался с наступлением нового времени и привел, среди прочего, к формированию типа прокреационного поведения, преобладающего сейчас во всех странах с низкой рождаемостью.

На этом этапе, быть может, впервые в истории, внутренние компоненты детерминации поведения, его эндогенная мотивация стали доминирующими, что было связано с широкими изменениями всей мотивационной сферы, в том числе, конечно, и потребностей как «энергетического источника» мотивации. Так как потребность «синтезирует в себе внешнюю объективную детермина-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 731.

цию и детерминацию субъективную, внутреннюю и в этом своем синтезе является главным побудительным фактором поведения»¹⁵, изменение соотношения внешних и внутренних компонентов детерминации поведения не могло не означать трансформации и самих потребностей, их развития, усложнения их внутренней структуры, механизма их реализации в поведении.

Прежде существовал как бы некий нерасчлененный универсум потребностей. Число их было относительно невелико, каждая была интегральной частью слабо дифференцированного целого, неразвитой и нераспознанной. Столь же нерасчлененным было и само поведение людей: производство и потребление, удовлетворение физиологических потребностей и поддержание социального порядка, воспитание детей и прокреация — все это не было разделено ни в физическом, ни в социальном пространстве — времени, представляло собой хотя и разные, но слабо различимые стороны слитного потока человеческой жизни. Нерасчлененной деятельностью соответствовал и нерасчлененный результат, так что связь между конкретным действием и его результатом обычно не осознавалась или осознавалась неполно.

В этих условиях мотивационная сила индивидуальной потребности (когда речь шла о социально необходимых видах поведения) была невелика, и мотивационный заряд исходил непосредственно от общественной потребности, т. е. с точки зрения индивида извне. Отсюда вынужденная неиндивидуализированность, обезличенность предписаний и запретов, формирующих поведение человека, и соответственно неразвитость его личности.

Растущая дифференциация деятельности, обогащение, усложнение взаимодействия людей с природой и друг с другом имели своим следствием умножение и обособление потребностей, осознание логической цепочки потребность — деятельность — результат. Акт поведения, который прежде сам по себе был целью, поставленной кем-то, казалось бы, стоящим над человеком, за его спиной (в действительности — его собственной социальной силой), превратился в средство достижения цели, кото-

рую он ставит себе сам. Но чтобы ставить цели, он должен осознавать свои потребности, общественные потребности должны быть им освоены, восприняты как его собственные, как эндогенный источник мотивации. Если такое развитие индивидуальных потребностей протекает успешно, то мотивационный заряд социального поведения человека перемещается извне вовнутрь, в него самого, мотивационная сфера личности как бы снабжается автономным источником питания, место громоздких приводных ремней занимают миниатюрные датчики, «вживленные» в каждого человека. Очевидны огромные преимущества такой детерминации поведения — она необязательно расширяет круг ситуаций, в которых вообще может существовать и действовать социальный человек.

Описанные изменения можно проследить и на примере прокреационного поведения.

На ранних этапах истории прокреационная потребность индивида существует в неразвитом виде, она слита с другими потребностями, не обнаруживает себя в явном виде, не осознается. Подобная неразвитость потребностей соответствует неразвитости самого человека, недифференцированности его деятельности и мышления. Если, скажем, само прокреационное поведение не обособлено, а слито с половым поведением, имеющим очевидную физиологическую мотивацию, то необходимости в развернутой самостоятельной цепочке опосредующих звеньев от потребности к мотиву прокреации, а через него к действию не возникает. Индивидуальная прокреационная, а тем более репродуктивная потребности как ипостаси соответствующих общественных потребностей неразвиты, их мотивационный потенциал не раскрыт.

Исторические изменения ведут к развитию этих потребностей на индивидуальном уровне — развитию не количественному (увеличение или уменьшение потребностей), а качественному — их обособлению, осознанию, индивидуализации, активизации в качестве фактора прокреационной мотивации.

Особое значение имеет развитие репродуктивной потребности, проявляющееся в осознании детей как самостоятельной ценности, в появлении внутренних стимулов прокреационной (но не только прокреационной) активности.

¹⁵ Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом, с. 218.

Хотя тенденция к нарастанию значения внутренней детерминации прокреационного поведения, к развитию и усложнению прокреационной мотивации существовала, вероятно, всегда, особенно заметной она стала в новое время, которое принесло огромное скачкообразное увеличение вклада внутренней детерминации. Бурное развитие этой тенденции привело к полной перестройке структуры прокреационной мотивации. Эту перестройку следует рассматривать как одну из составных частей общих перемен в сфере воспроизводства населения, объединяемых понятием «демографическая революция». В соответствии с принятой нами ранее терминологией¹⁶ можно говорить о двух исторических типах прокреационной мотивации: традиционном и рациональном (современном). Демографическая революция приводит к замене первого вторым.

Различие между двумя типами мотивации ясно уже из сказанного. Прокреационная мотивация традиционного типа отражает преобладание внешней детерминации поведения, неразвитость потребностей, необязательность трансформации их в рационально осмысленный мотив и осознания субъектом поведения связи между действием и результатом. Прокреационная мотивация современного типа, напротив, порождена преобладанием внутренней детерминации поведения, развитыми дифференцированными потребностями, необходимостью их освоения через осознание целей деятельности и их превращение в мотивы поведения.

Мы полагаем, что указанные различия имеют фундаментальное значение для объяснения происходящих в наше время изменений в прокреационном поведении. Недооценка, а тем более полное игнорирование этих различий сами по себе способны привести к неверным взглядам на социальную детерминацию рождаемости. Пытаться понять разницу в прокреационном поведении прежде и теперь, исходя из представлений об однотипности прокреационной мотивации в прошлом и настоящем, все равно, что пытаться открыть одним ключом два разных замка.

¹⁶ См.: Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

3. Два типа прокреационной мотивации

В чем видят обычно непосредственную причину исторических перемен в прокреационном поведении родителей? В нашей демографической литературе последних лет чаще всего в качестве такой причины называют уменьшение полезности детей, т. е. их способности удовлетворять те или иные потребности родителей. Как правило, называют три главных элемента такой полезности: экономический, социальный и психологический (правда, границы между этими элементами разные авторы проводят по-разному).

Наибольшее значение придается экономической и социальной полезности детей. Полагают, что в прошлом она была весьма велика. «Благосостояние семьи и обеспечение старости ... зачастую зависели от многодетности»¹⁷. Дети «были помощниками в производстве и кормильцами в старости, верными соратниками в защите и нападении, предметом гордости и элементом престижа. Их брачные связи создавали твердую опору в соседской общине. Вообще, с какой стороны мы бы ни рассматривали большую патриархальную семью, много детей и прежде всего сыновей были гарантией прочности ее социальных позиций»¹⁸.

В современную же эпоху, как полагают, произошли исторические сдвиги, которые коренным образом изменили, понизили полезность детей для родителей. Дети «утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи», стали ненужными как страховка в старости, потеряли свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилий¹⁹. «Увеличение экономических затрат на детей сопровождалось уменьшением экономической потребности в них»²⁰. «Социально-экономические изменения привели к тому, что дети или утратили свои способности удовлетворять некоторые потребности, или же удовлетворяют их хуже,

¹⁷ Борисов В. А. Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семьи.— В кн.: Демографическое поведение семей, с. 120.

¹⁸ Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения.— В кн.: Демографическое поведение семей, с. 5.

¹⁹ См.: Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 183—184.

²⁰ Козлов В. И. Этническая демография, с. 123.

чем другие, новые объекты»²¹. Снижение экономической и социальной полезности детей автоматически ведет к уменьшению рождаемости, изменением способности детей удовлетворять потребности родителей «следует объяснить, по-видимому, то, что современные родители считают желанным иметь одного-двух детей»²¹.

Помимо экономической и социальной выделяют еще и психологическую полезность. Согласно Л. Дарскому «кроме экономических потребностей... дети традиционно удовлетворяли комплекс социально-психологических потребностей», таких, как «потребность иметь объект забот и ухода, объект доминирования и воспитания»²². О том же пишет и А. Антонов, говоря о психологических мотивах рождения ребенка, которые «заключаются в удовлетворении потребностей личности в общении, в уважении и любви к себе и в проявлении этой любви и заботы по отношению к другим, в укреплении уз брака, в актуализации своих способностей, в смысле жизни и т. п.»²³.

С «психологической полезностью» происходит примерно то же, что с экономической и социальной. Она также падает или (немного иной вариант) вообще недостаточно сильна, чтобы на ней могла держаться рождаемость. «Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями, — пишет Л. Дарский. — То ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими — возможно и то и другое вместе»²⁴. А. Антонов более определенно подчеркивает принципиальную слабость «психологических мотивов», которые «обуславливают только установки малодетности и даже одноклетности, поскольку для реализации их вполне достаточно одного ребенка»²⁵, и полагает, что ослабление потребности семьи в детях произошло, «так как ведущими мотивами рождения детей перестали быть эконо-

мические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам»²⁶.

Анализируя приведенные выше объяснения обусловленности изменений в прокреационном поведении, не трудно заметить, что в них преобладает чисто количественный момент: полезность детей падает, их способность удовлетворять потребности родителей уменьшается, «потребность в детях» ослабевает и т. д. Сам же *тип поведения* остается неизменным: на большую полезность детей люди реагируют высокой рождаемостью, на малую — низкой. Помимо всего прочего у рождаемости, при таком объяснении происходящих перемен, не оказывается будущего. Старые стимулы к прокреации ослабевают, а новые не возникают. Не удивительно, что некоторые авторы, стоящие на позиции этого объяснения, не находят в объективном развитии никаких внутренних тенденций к укреплению слабеющей прокреационной мотивации и возлагают все надежды на «искусственные» меры. Необходимая, с точки зрения общества, среднедетная семья, утверждает В. Борисов, «может быть создана и поддерживаться искусственно, с помощью мероприятий демографической политики»²⁷. Изложенное выше понимание происходящих изменений подсказывает и направление этой политики. «Только усиление экономических и социальных побуждений к рождению детей (не происходящее автоматически по мере социально-экономического прогресса) в рамках демографической политики способно остановить наблюдающееся сокращение рождаемости»²⁸.

Опираясь на развитое в предыдущем разделе этой статьи представление о двух типах прокреационной мотивации, мы попытаемся теперь дать иное объяснение происходящих изменений, которое приводит и к иным выводам.

Мы полагаем, что для прокреационной мотивации традиционного типа характерно прежде всего *отсутствие* связи между побуждениями к деторождению и полезностью его для родителей. При этом мы отнюдь не

²¹ Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы..., с. 7, 8.

²² Дарский Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976, с. 20.

²³ Антонов А. И. Потребность семьи в детях, с. 90.

²⁴ Дарский Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения), с. 20—21.

²⁵ Антонов А. И. Потребность семьи в детях, с. 90.

²⁶ Антонов А. И. Потребность семьи в детях, с. 90.

²⁷ Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 186.

²⁸ Антонов А. И. Изменения структуры и жизнедеятельности семьи. — В кн.: Молодая семья (Народонаселение, вып. 18). М., 1977, с. 17.

оспариваем того, что дети могли быть полезны родителям, не отрицаем самого существования в прошлом индивидуальной репродуктивной потребности или, если угодно, «потребности в детях». Можно допустить даже и некоторый вклад ее в мотивацию прокреационного поведения. Но *решающая* роль в этой мотивации, по нашему убеждению, не могла принадлежать репродуктивной потребности по крайней мере по двум причинам: 1) потому что объективно весьма ненадежной была связь между числом рожденных и выживающих детей; 2) потому что столь же ненадежной была связь между числом детей и экономическим и социальным положением родителей. Большое число детей в одних случаях могло быть благом для семьи, в других — злом, в третьих — безразличным обстоятельством, на уровень рождаемости оставался неизменно высоким.

Попытки связать стремление к возможно большему числу рождений с тем, что семья с большим числом детей не только субъективно считалась желанной, но и объективно имела преимущества с экономической и с социальной точек зрения, выглядят, как нам кажется, неоправданно смелым обобщением, не проверенным на достаточно большом историческом материале. Выдержит ли оно такую проверку?

Связь прокреационного поведения и его результатов была далеко не однозначной уже хотя бы потому, что из-за высокой смертности высокая рождаемость отнюдь не была гарантией многодетности, элемент случайности был слишком силен, чтобы твердо полагаться на какие-либо расчеты (об этом пишет и Л. Е. Дарский).

Но даже если принять, что более высокая рождаемость с большей вероятностью вела к многодетности, остается сомнение по поводу того, всегда ли многодетность сама по себе служила гарантией экономического или социального процветания. Подавляющее большинство населения во все докапиталистические эпохи было сельскохозяйственным, сельским. Экономическое и социальное расслоение деревни — явление относительно недавнего времени, на протяжении большей части истории деревня была однородна и одинаково нища. В чем же тогда могли быть выгоды многодетности?

Возьмем, к примеру, западноевропейское средневековье с его высокой рождаемостью у всех слоев населения. В чем были выгоды семьи с большим числом детей

для средневековой знати в условиях общепринятого майората — единонаследия старшего сына? А если такие выгоды были, то почему именно знать первой вступила на путь ограничения рождаемости в семьях? Были ли заинтересованы в многодетности городские ремесленники в условиях, когда господствовала жесткая всесторонняя цеховая эгалитарная регламентация и нередко ограничивалось даже число членов цеха? Чем, наконец, была «предпочтительна» многодетная крестьянская семья при неделимости наследуемого имущества и надела и неизменных размерах последнего?

Выгоды многодетности во всех этих случаях отнюдь не столь очевидны, чтобы можно было без всяких сомнений признать их объективной основой стремления семьи к высокой рождаемости. Б. Н. Миронов, анализируя демографическое поведение русского крестьянина прошлого века, показал, что жизнь крестьянской семьи двигала немало аргументов и «за» и «против» многодетности, вели же себя крестьяне так, как будто объективных факторов, противостоящих выгодам высокой рождаемости, не существовало²⁹.

Эта «странность» традиционного прокреационного поведения легко объясняется его жесткой запрограммированностью, преобладанием внешних компонентов его детерминации. Но «странность» только увеличивается, если мы начинаем применять для ее объяснения формулы, заимствованные из привычного нам «не странного» мира, в котором преобладает внутренняя детерминация поведения.

В. А. Борисов, пытаясь понять, почему потребность в детях может быть большей или меньшей, пишет, что человек «всегда стоит перед выбором в очередности удовлетворения своих потребностей»³⁰. С нашей точки зрения, он при этом экстраполирует в прошлое ситуацию, обычную сегодня, но когда-то бывшую редким исключением. В том-то и дело, что не всегда. В сфере прокреации — только после демографической революции. Прежде же никакого выбора не было. Ни граждан античного полиса, ни средневековый ремесленник, ни русский крестьянин в минувшем веке, а индийский даже

²⁹ См.: Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 96—100.

³⁰ Борисов В. А. Перспективы рождаемости, с. 180.

и в нынешнем не согласовывали свое прокреационное поведение с какими-либо обстоятельствами своей жизни и не меняли его в зависимости от этих обстоятельств.

Сама идея выбора, возможности связывать свое поведение с его рационально понимаемыми результатами, а тем более максимизировать их полезность абсолютно чужда человеку традиционного общества. Религиозные верования и предрассудки составляют основу его миропонимания, его реальные жизненные отношения выступают для него в мистической форме. *Credo, quia absurdum* (верую, ибо нелепо) — идеальный принцип такого мировосприятия. Оно исключает рациональный «способ мышления, необходимый для осуществления долгосрочных инвестиций»³¹, который предполагают сторонники «полезностного» объяснения высокой рождаемости, когда говорят, скажем, о стремлении родителей обеспечить себя кормильцами в старости. Если, как замечает В. И. Козлов, объясняя причины традиционной многодетности, правоверный мусульманин убежден в том, что Аллах сам позаботится о детях, которые пришли в этот мир по его воле, и обеспечит их пищей³² (то же и в христианстве: бог даст день, бог даст и пищу), то почему бы ему не думать, что Аллах позаботится и о нем самом на старости лет? Если религиозная мораль провозглашает производство потомства единственным оправданием половых отношений, которые сами по себе греховны, то нужны ли верующему какие-либо дополнительные аргументы, чтобы побудить его к деторождению? Сам факт существования в очень различных обществах культурных норм, регулирующих прокреационное поведение и выступающих обычно в религиозной оболочке, всякого рода ритуалов и обрядов указывает на значение иррациональной мотивации этого поведения. Мотивированное таким образом поведение не знает выбора и предпочтения, мысль о том, что можно по своему желанию родить больше или меньше детей, недоступна человеку традиционного общества, задаваемый современным интервьюером вопрос «Сколько бы Вы хотели иметь детей?» таким человеком не воспринимается.

³¹ Flandrin J.-L. *L'attitude à l'égard du petit enfant et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale. Structures anciennes et évolution.*—Annales de démographie historique. Paris—La Haye, 1973, p. 144.

³² См.: Козлов В. И. Этническая демография, с. 122.

Преобладание внешнего компонента в детерминации прокреационного поведения на протяжении тысячелетий было объективно оправдано, более того, было объективно необходимо. Но настал момент, когда появилась возможность и необходимость выхода на первый план внутренних компонентов такой детерминации, полной перестройки структуры прокреационной мотивации.

Необходимость такой перестройки была обусловлена резко ускорившимися с наступлением нового времени общими прогрессивными переменами в поведении людей, о которых говорилось выше. С новым типом поведения было связано огромное ускорение общественного развития, требовавшее в свою очередь проникновения этого поведения во все области жизни, где оно оказывалось возможным.

Возможность же перехода к новому типу поведения в сфере прокреации была создана в основном снижением смертности, особенно детской. Снижение смертности сделало достаточно надежной весьма эфемерную в прошлом связь между числом рожденных и выживающих детей. Тем самым была создана основа для развития репродуктивной потребности, для осознания ее и превращения в достижимую цель поведения. Речь опять-таки идет не только о прокреационном поведении: стала возможной целенаправленная забота о здоровье детей, обоснованным стремлением любой ценой вылечить больного ребенка и т. д. Но и в прокреационном поведении могли теперь произойти большие перемены. Развитие индивидуальной репродуктивной потребности способно подвести фундамент под индивидуальную прокреационную потребность (с которой она теперь сближается и количественно), сделать ее осмысленной, индивидуализированной, неситуативной.

Последнее очень важно. Когда А. И. Антонов определяет «потребность в детях» как социально-психологическое свойство индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего числа их индивид испытывает затруднение как личность, то верность этого определения заслуживает разной оценки в зависимости от того, относится оно к настоящему или к прошлому. Если толковать здесь потребность в детях как потребность в рождениях детей, то применительно к прошлому следовало бы говорить о социально-психологическом свойстве не индивида вообще, а индивида в конкретной

ситуации. Бездетными супругами их бездетность действительно очень часто воспринималась как бедствие, как свидетельство их неполноценности и т. п. Но для монахини или даже просто незамужней женщины гораздо большие затруднения были бы связаны как раз с рождением ребенка. Положение матери незаконнорожденных детей часто было крайне незавидным даже в обществах, отличающихся своими наталистскими установками. Прокреационная потребность имела ярко выраженный ситуативный характер, была связана не с человеком как таковым, а с его ролью.

При смене типа поведения ситуативный характер прокреационной потребности хотя и не исчезает полностью, резко ослабевает, она становится в гораздо меньшей степени ролевой и в большей степени личностной, «заложенной» не в ситуацию, а в человека. В применении к новому положению определение А. И. Антонова оказывается более верным, прокреационная потребность действительно становится социально-психологическим свойством индивида. И это происходит прежде всего потому, что таким же свойством индивида, точнее, чертой развитой личности, становится репродуктивная потребность.

Выше уже отмечалось, что репродуктивная потребность во многих отношениях близка к тому, что понимается в литературе под потребностью в детях. После того как столько написано об ослаблении потребности в детях и о влиянии этого ослабления на снижение рождаемости, почти парадоксально звучит утверждение, что именно теперь-то она только и проявляется в качестве важнейшего двигателя прокреационного поведения и имеет тенденцию к усилению. Тем не менее именно эту мысль мы хотим особенно подчеркнуть.

Развитие и укрепление индивидуальной репродуктивной потребности неотделимы от глубоких изменений, переживаемых семьей, которая с наступлением нового времени все более утрачивает свое бывшее значение производственной ячейки и одного из главных инструментов социального управления повседневным поведением людей и, превращаясь в основную ячейку организации частной жизни современного личностного человека, становится эгалитарной, демократической и, что особенно важно с точки зрения нашей темы, детоцентрической.

Пожалуй, впервые представление о детоцентрической семье было сформулировано французским историком

Ф. Ариесом. «В центре старой семьи, — писал он, — находился авторитет отца и ведение хозяйства (*gestion domainiale*). Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего»³³. Ф. Ариес полагает — и, нам кажется, не без основания, — что именно отношение к детям — одно из главных отличий новой семьи от прежней. В то время как внешние скрепы, на которых держалась семья прошлого, — будь то экономическая необходимость, требование закона или религии, ослабевают и отпадают, дети все больше приобретают значение объединяющего стержня семьи, внутреннего смысла ее существования, связанного с глубинными, интимными структурами личности современного человека.

В прошлом на детей действительно могли смотреть как на полезный элемент в домашнем хозяйстве, как на средство (хотя приносимая ими польза могла не быть и, по нашему мнению, не была ведущим мотивационным фактором прокреации). Если бы такой взгляд на детей сохранился до наших дней и если бы он приобрел мотивационное значение, то и впрямь надо было бы, как и советуют некоторые демографы, заботиться об укреплении, скажем, экономических побуждений к деторождению, т. е. об увеличении экономической, материальной полезности детей. Но в действительности взгляд на детей как на средство достижения родительских целей становился все менее возможным, а их полезность — все более безразличным обстоятельством. Развитие репродуктивной потребности и рост ее мотивационного значения связаны с движением в ином направлении.

Дети превращаются в самоцель, их судьба, их будущее приобретают для родителей огромную важность — за этим стоят глубокая перестройка всей системы ценностей общества, изменения целых пластов его культуры. До XVI—XVII вв. в культуре западноевропейского общества, в котором впервые возник детоцентризм, практически не было никаких детоцентристских установок. Ж.-Л. Фландрэн, специально исследовавший этот вопрос, указывает, что на протяжении многих столетий церковные авторитеты извлекали из библейских текстов только доводы, необходимые для обоснования долга низших перед высшими, в частности детей перед роди-

³³ Ariès Ph. Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XIIIe siècle. Ed. du Seuil, 1971, p. 331.

телями. Лишь начиная примерно со второй половины XVI в. положение начало меняться, и все чаще стали встречаться упоминания родительского долга. Но все же он пока несравним с долгом детей перед родителями, которым они обязаны самым дорогим, что у них есть — своей жизнью. Ж.-Л. Фландрэн цитирует, например, сочинение одного португальского теолога начала XVII в., который пишет, что если у кого-нибудь отец и сын оказались в одинаковой беде, он должен «прийти на помощь скорее отцу, чем сыну, ибо он получил от своих родителей большее благо, чем от своих детей»³⁴. Традиционный идеал отношения детей к родителям воплощен в образе шекспировской Корделии, которая говорит Лир: «Я люблю вас, как долг велит, — не больше и не меньше... Вы дали жизнь мне, вы меня питали, меня любили; я за все, как должно, вам повинуюсь, вас люблю и чту»³⁵. Сама же история короля Лира — история попрапия отцовского авторитета и отцовской власти — выросла из нравоучительной пьесы о непочтительных детях в трагедию общечеловеческого звучания, потому что осветила одну из глубоких трещин, возникших под напором новых сил и уже на рубеже средневековья и Нового времени начавших раскалывать здание казавшего неизблемым семейного и общественного порядка. Это — не рассказ о династической расправе, столь обычной в истории любого государства, а анализ нравственного конфликта, неизбежно возникавшего в каждой семье, оказавшейся на переломе двух эпох.

XVII — XVIII столетия в Западной Европе были периодом развития и разрешения этого конфликта — по крайней мере в буржуазной среде. Старые отношения в семье, ценности и культурные нормы, регулировавшие эти отношения, уступили место новым. Центральная роль главы семьи, его непререкаемый авторитет ушли в прошлое, зато небывалую ценность и в глазах родителей, и в глазах общества получили дети, их здоровье, воспитание, будущее. Два века спустя после короля Лира появляется новый социальный тип отца, который сам отдает детям то, чего Лир лишился из-за коварства своих неблагодарных дочерей. Теперь фигура отца Горю вырастает в символ нового отношения к детям, бес-

³⁴ Flandrin J.-L. Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976, p. 135.

³⁵ Шекспир В. Король Лир. Акт 1, сцена 1.

предельной родительской самоотверженности, становящейся нормой поведения.

Детоцентристская ориентация семьи и общества представляет собой результат обусловленного историческим развитием «социального возвышения» детей, которое приводит к развитию родительских чувств, родительского долга. Мотивированное интересами детей поведение получает всеобщее признание, становится частью этического кодекса. Все это не может не вести к огромному повышению ценности детей, к стремлению их иметь, к осознанию и развитию репродуктивной потребности как внутренней, глубинной, интимной. Одновременно возвышается и прокреационная потребность, стремление «родить для себя», иметь собственных детей, падает значение адоптивных связей.

Развитие и взаимопроникновение репродуктивной и прокреационной потребностей обогащает и укрепляет прокреационную мотивацию, ведет к вытеснению ее внешних детерминант, становящихся теперь ненужными, заменяет их внутренними. Осознание потребностей создает основу для целеполагания в сфере прокреации, теперь за каждым актом прокреационного поведения действительно можно видеть его мотивы, рассматривать это поведение как деятельность, направленную на удовлетворение индивидуальных потребностей.

Можно сказать, что здесь воспроизводится точка зрения тех авторов, которые пишут о выходе на первый план «психологического» фактора прокреационной потребности, с той лишь разницей, что мы считаем силу этого фактора достаточной для поддержания рождаемости на общественно необходимом уровне, а они — нет. Но если иметь в виду всю систему взглядов на прокреационную мотивацию, то различия оказываются более глубокими.

«Психологический» элемент «потребности в детях», как полагают сторонники указанной точки зрения, — это итог *потери* в ходе трансформации прокреационной мотивации: в связи с утратой семей ряда важнейших функций социальные побудительные мотивы к прокреации отпадают и остается то (немного, как к тому же полагают), что вытекает из «психологических констант»: потребности в любви, уважении, смысле жизни и т. п.³⁶

³⁶ Справедливости ради следует сказать, что А. И. Антонов наряду с такими неисторически трактуемыми «психологическими»

Мы же, напротив, говорим о *приобретениях* прокреационной мотивации, которые также связываются с исторической эволюцией семьи, рассматриваемой, правда, в более широком контексте эволюции всего общества.

«Детоцентризм» современной семьи — итог длительного исторического развития, в ходе которого создавались механизмы социального управления человеческим поведением, способные функционировать в новых условиях, один из тех социально заданных внутренних ориентиров человеческого поведения, благодаря которым отпадает необходимость в жестком внешнем регулировании этого поведения и оно становится более свободным.

Современный человек не просто имеет детей, он задает себе вопрос, хочет ли он их иметь, сколько и когда, иначе говоря, ставит перед собой определенную цель в сфере прокреации. И постановка такой цели, и ее достижение рассматриваются и им самим и всеми окружающими как его личное дело, которое не касается никого за пределами его семьи. Социальная природа ориентиров, подводящих его к тому или иному решению, остается скрытой за такими, казалось бы, глубоко индивидуальными чертами каждого, как его совесть, альтруизм, чадолюбие и т. п. Но в действительности его поведение, как и прежде, остается социально управляемым.

Это означает в свою очередь, что в современном демографическом развитии нет никакого движения по нисходящей, никакой исторической тенденции к ослаблению прокреационной мотивации. Происходит только ее качественная перестройка. Те детерминанты поведения, те мотивационные факторы, которые оказывали решающее влияние на прокреационное поведение в течение столетий и тысячелетий, действительно безвозвратно уходят в прошлое. Но на их место приходят новые. Их распространение и укрепление, с точки зрения развития прокреационной мотивации нового типа и ее интегрирования в общую систему мотивации поведения человека, можно характеризовать, скорее, как движение по восходящей. Именно с этим движением и связано, по нашему мнению, будущее рождаемости.

основаниями «потребности в детях» указывает также и на исторически обусловленное повышение ценности детей и детства, которое «явилось одним из источников развития потребности в детях — в связи с выдвинутым вперед психологических мотивов рождения». Однако он не делает из этой посылки никаких общих выводов (см.: Антонов А. И. Потребность семьи в детях, с. 91).

Р. И. СИФМАН

ДЕТНОСТЬ ПО ДАННЫМ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926 г.*

Несмотря на то что после Всесоюзной переписи населения 1926 г. истекло более полувека, богатые материалы ее и, в частности, уникальные материалы семейной переписи в нашей демографической литературе практически не освоены.

В настоящей статье поставлена задача проанализировать некоторые основные данные о семье по переписи 1927 г., поскольку они позволяют восстановить воспроизводительную функцию семьи в начальном периоде существования Советского государства.

Перепись семей 1926 г. охватывала постоянное население городов. Материалы публиковались по двум разделам. Первый содержал общие данные о социальном составе семей, полученные на основе сведений о занятии и о положении в занятии главы семьи, о распределении всего самостоятельного населения городов по положению в занятии, по главнейшим отраслям народного хозяйства и, в некоторых таблицах, по полной классификации занятий. Кроме того, здесь были даны некоторые общие характеристики семей: распределение семей по полу главы семьи, средний размер семьи, распределение семей по числу членов семьи и их самостоятельности, данные о семьях смешанного состава и о связи городской семьи с землей¹. Данные первого раздела приведены по СССР, союзным и автономным республикам,

* Краткий вариант статьи был напечатан в журнале «Вестник статистики», 1977, № 9, с. 40—48.

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LV. М.—Л., 1931.

экономическим районам, губерниям, округам и отдельным городам.

Второй раздел был посвящен результатам специальной разработки, предусматривавшей получение данных по социальным группам. Эта разработка включала сведения о типе семьи в зависимости от того, кто стоит во главе ее, т. е. является ли она полной (во главе стоит брачная пара) или представляет собой продукт распада нормальной семьи (семья без брачной пары), с различными подтипами в зависимости от наличия детей, наличия и самостоятельности родственников, а также данные по полу и возрасту главы, самостоятельности членов семьи. В разработке была представлена по различным группам эволюция семей и воспроизводство населения на основе данных о числе детей и о среднем возрасте младшего и старшего ребенка в семье в связи с продолжительностью брака (в семьях с брачной парой).

Специальная разработка была проведена по Москве, Ленинграду и городам РСФСР (453 города), охватывающим 35% (без Москвы и Ленинграда) общего числа семей городского населения Российской Федерации (всего было в то время 1239 городов). Отбор в группу «прочих» городов был произведен таким образом, чтобы в разработку попали города различных типов². Далее в статье основная часть анализа проводится на материалах этой специальной разработки.

Социальный состав городских семей по данным переписи 1926 г. отражал социальный состав городского населения страны в начальный период восстановления народного хозяйства.

В то время значительную долю в городском населении СССР составляли еще непролетарские слои. Четвертая часть всех семей в городских поселениях приходилась на семьи хозяев с наемными рабочими, хозяев с помогающими членами семьи, членов артелей, одиночек-ремесленников. Некоторую часть составляли семьи рабочих-поденщиков и занятых в мелкой и кустарной промышленности. На долю рабочих в фабрично-завод-

ской промышленности приходилось только 17,6% всех городских семей (см. табл. 1)³.

Социальная принадлежность семей определялась при переписи 1926 г. на основании социального положения главы семьи, которым согласно инструкции при переписи считался основной кормилец — лицо, дающее семье основные средства к существованию.

В настоящее время при почти всеобщей занятости советских женщин в общественном производстве и той роли, которую они играют в обществе и семье, самой семье часто бывает трудно определить, кого из супругов или других членов семьи можно считать «главой». Да и понятие это в отношении современной советской семьи те-

Таблица 1
Социальный состав городских семей СССР по данным переписи 1926 г.

Социальные группы	Доля семей в процентах к общему числу семей	Социальные группы	Доля семей данной группы в процентах к общему числу семей
Рабочие	33,9	Лица свободных профессий	0,7
в том числе:		Хозяева	25,1
фабрично - заводской промышленности	17,6	в том числе:	
мелкой и кустарной промышленности	1,5	хозяева с наемными рабочими	1,3
железнодорожного транспорта	5,8	хозяева с помогающими членами семьи	9,8
поденщики	2,6	хозяева-одиночки	14,0
Служащие *	30,4	Безработные	4,8
в том числе:		Пенсионеры	2,1
высшие	3,5	Учащиеся - стипендиаты	0,3
средние	19,3	Прочие	2,5
низшие	7,3		
Личная прислуга	0,2		

* Разбивка группы служащих на три категории при разработке переписи 1926 г. произведена по квалификации.

Источник. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LV, табл. II, IV.

³ Семьи, имеющие связь с землей (8,3% городских семей имели землю в деревне и в 6,3% члены семьи участвовали в полевых работах), были исключены из специальной разработки.

² См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI. Вып. 1. Москва. М.—Л., 1931; Вып. 2. Ленинград. М.—Л., 1931; Вып. 3. Города РСФСР. М.—Л., 1933.

ряет свой смысл. Если в советских переписях населения еще и сохраняется понятие главы семьи, то только для обеспечения полноты учета всех членов семьи. Кроме того, сейчас при существующем большом числе социального-гетерогенных браков нет оснований распространять социальную характеристику одного из супругов на всю семью.

Иное положение было в 1926 г. Хотя число женщин, занятых в общественном производстве, в период восстановления народного хозяйства и возрастало (по данным статистики труда число фабрично-заводских работниц увеличилось с 1923 по 1927 г. на 71,2% ⁴), но этот процесс не был еще интенсивным.

В 1926 г. в семьях с брачной парой во главе доля семей, где жена (мать) имела самостоятельный источник дохода от занятия составляла в Москве только 24%, в Ленинграде — 23%, в прочих городах РСФСР — 20%. Некоторые женщины были учтены при переписи как безработные. Особенно низка была занятость женщин в семьях лиц свободных профессий и «высших» служащих (табл. 2). При оценке роли жен как кормильцев семьи необходимо, кроме того, принять во внимание, что в то время заработок женщин был ниже заработка мужчин. Принцип равной оплаты за равный труд женщин и мужчин был провозглашен уже в самом начале Советской власти и в 1918 г. зафиксирован в Конституции, но в то время он еще не мог быть полностью претворен в жизнь.

В 1927 г. (по данным статистики труда) заработки работниц составляли лишь 70% заработков рабочих-мужчин. Одной из основных причин более низкого заработка женщин была более низкая квалификация. Даже по однородным профессиям заработок женщин не выходил за пределы 80—90% заработка мужчин ⁵.

Аналогичные расхождения в оплате труда наблюдались и среди служащих. Основная причина их заключалась в том, что женщины-служащие также занимали преимущественно должности, требующие меньшей квалификации. Но и здесь по однородным должностям конторского труда (как показывают данные союза совторг-

⁴ См.: Рашин А. Г. Женский труд в СССР. Вып. 1. М., 1928, с. 6. (Вопросы труда).

⁵ Там же, с. 42.

Таблица 2

Занятость замужних женщин по данным переписи 1926 г.
(в процентах к общему числу семей данной социальной группы *)

Социальные группы	Семьи, где жена					
	имеет самостоятельный источник дохода от занятия	безработная	имеет самостоятельный источник дохода от занятия	безработная	имеет самостоятельный источник дохода от занятия	безработная
	Москва		Ленинград		прочие города РСФСР	
Рабочие	21,8	5,9	24,1	4,0	18,0	1,7
Служащие	24,6	6,3	22,1	4,7	18,3	2,4
в том числе:						
высшие	20,2	6,8	17,8	4,9	13,4	3,2
средние	24,6	6,3	21,9	5,0	18,1	2,1
низшие	29,0	6,0	25,5	3,9	21,9	2,6
Лица свободных профессий	21,1	6,0	17,3	5,2	9,1	1,6
Хозяева, члены артелей, одиночки	16,9	2,4	20,2	1,6	25,8	0,7
В среднем **	23,7	5,7	22,9	4,0	19,7	2,0

* Данные относятся к семьям с брачной парой во главе (не имеющим детей и имеющим детей только от существующего брака).

** Включая личную прислугу.

Источник. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1—3, табл. IX.

служащих за март 1926 г.) заработки женщин были ниже, чем мужчин ⁶.

Естественно, что в таких условиях из двух супругов добывал основные средства к существованию, как правило, муж. В результате в большинстве семей муж и был указан главой семьи с брачной парой (в Москве и Ленинграде — в 93,7% семей, в прочих городах РСФСР — в 95,6% семей ⁷). Социальное положение главы семьи оказывало доминирующее влияние на социальный облик семьи в целом, на ее образ жизни и жизнедеятельность во многих направлениях. Поэтому все данные, относящиеся к экономике семьи и ее детородной функции, разрабатывались в группировке по социальным признакам главы семьи.

⁶ См.: Рашин А. Г. Указ. соч., с. 53.

⁷ Рассчитано по данным специальной разработки: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1—3, табл. 1.

Для изучения воспроизводства населения по данным о семьях большое значение приобретает введенная при переписи 1926 г. их типизация, которая дает возможность выделить семьи с брачной парой, имеющие решающее значение для воспроизводства, а также группировка этих семей по продолжительности брака.

Очевидно, что правильно оценить уровень воспроизводства населения в той или иной социальной группе, том или ином промежутке времени можно, только сравнивая семьи с одинаковой продолжительностью брака (или возраста матери)⁸. «Обычные недостатки семейных переписей, делающие их малозначительными и для освещения вопросов воспроизводства населения и для изучения экономики семьи — заключаются в суммарности характеристик семьи, не учитывающих различий в типе семьи и в ее возрасте»⁹.

Результаты демографических исследований показывают, что возраст вступления в брак, особенно женщины, оказывает влияние на общее число рождений в браке, поскольку определяет не только продолжительность состояния в нем, но и интенсивность рождаемости.

В молодом возрасте физиологическая плодовитость выше и супруги меньше склонны регулировать деторождение. Поэтому раннее начало семейной жизни (за исключением «сверхраннего») даже в условиях ограничиваемой рождаемости, когда удлинение цикла деторождения не играет существенной роли в увеличении числа рождений, приводит к большему числу детей в семье, чем у начавших семейную жизнь позднее. Материалы переписи 1926 г., где данные, характеризующие воспроизводство населения, разработаны по продолжительности брака в сочетании с возрастом вступления в него женщины и в пределах социальных групп, четко подтверждают эту зависимость.

⁸ Встречающаяся иногда в литературе оценка воспроизводства населения по среднему числу детей в семье по данным переписи приводит к преуменьшению фактического уровня воспроизводства, поскольку часть учтенных семей не закончила еще цикла деторождения, в других же дети уже выбыли из семьи.

⁹ Квиткин О. А. Основные линии разработки переписи семей 1926 года. — В кн.: Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. LVI, вып. 1, с. IX. Под возрастом семьи О. А. Квиткин понимал продолжительность брака. Там же имеется указание, что в нашей статистической литературе на это обстоятельство обратил внимание Н. И. Воробьев в статье «Семья в г. Нерехте» (Вестник статистики, 1925, № 1—3).

Это не означает, конечно, что такая зависимость будет существовать всегда. Как и другие демографические закономерности, отмеченная связь между возрастом вступления в брак и числом рождений, т. е. большее число рождений при более раннем вступлении в брак, имеет преходящий характер. В дальнейшем, в других условиях, например при распространении более совершенных способов регулирования деторождения, она может и измениться.

Как в Москве и Ленинграде, так и в прочих городах и среди рабочих, и среди служащих по данным 1926 г. больше всего детей в семьях, где мать вступила в брак в 15—19 лет; с повышением возраста вступления в брак число детей в семье снижается (табл. 3). И в группе «высших» служащих, где общий уровень детности низок, т. е. распространено ограничение деторождения, он все же значительно выше при вступлении матери в брак в 15—19 лет, чем в 25—29 (табл. 4).

Распределение семей по возрасту вступления в брак жены было различно в разных группах населения. Более поздний возраст вступления в брак — большая доля вышедших замуж в 25—29 лет и меньшая доля вышедших замуж в 15—19 лет — наблюдался в московских и ленинградских семьях по сравнению с прочими городскими семьями и в семьях служащих по сравнению с семьями рабочих. Доля вступивших в брак в возрасте 30 лет и старше была сравнительно невелика во всех группах населения (табл. 5). Вместе с тем различия в уровне детности по социальным группам сохранялись при всех возрастах вступления в брак (см. табл. 3 и 4).

Для выявления степени внутрисемейного регулирования деторождения как фактора социальной дифференциации рождаемости безотносительно к времени образования семьи показатели детности целесообразно рассматривать по социальным группам в семьях с одним и тем же возрастом вступления матери в брак. Особое значение в этой связи имела группа вступивших в брак в 20—24 года, наиболее типичная для всех слоев населения. На нее приходилось от 40 до 50% всех семей (см. табл. 5).

Особенность характеристики воспроизводства населения в переписи 1926 г. по сравнению с большинством других переписей заключалась в применении в качестве показателя детности относительного числа живущих в семье детей (а не числа родившихся). При этом показате-

Таблица 3
Детность семей рабочих и служащих в зависимости от возраста вступления в брак матери (при продолжительности брака 13—17 лет)

	Среднее число детей у матерей, вступивших в брак в возрасте											
	Москва					Ленинград						
	15—19	20—24	25—29	30—34	15—19	20—24	25—29	30—34	прочие города			
Все социальные группы	2,18	1,92	1,37	0,79	2,09	1,95	1,48	0,87	2,67	2,55	1,90	1,14
	2,37	2,24	1,63	0,76	2,24	2,17	1,62	0,89	2,79	2,72	2,05	1,18
	1,97	1,67	1,24	0,77	1,83	1,68	1,31	0,99	2,42	2,25	1,71	1,08

Источник. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1—3, табл. XII. Данные относятся ко всем семьям с брачной парой, за исключением семей, имеющих детей от прежних браков.

Таблица 4
Детность семей различных категорий служащих в зависимости от возраста вступления в брак матери (при продолжительности брака 13—17 лет)

Категория служащих	Среднее число детей у матерей, вступивших в брак в возрасте					
	Москва			Ленинград		
	15—19	25—29	15—19	25—29	15—19	25—29
Высшие	1,68	1,25	1,67	1,18	2,27	1,66
Средние	1,92	1,18	1,79	1,30	2,44	1,69
Низшие	2,31	1,44	2,05	1,47	2,50	1,85

Источник. См. табл. 3.

Таблица
Распределение семей (с брачной парой во главе) во возрасте вступления в брак матери

Социальные группы	Процент семей данной социальной группы, где мать вступила в брак в возрасте					
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44
<i>Москва</i>						
Все социальные группы	30,1	45,6	16,0	5,1	1,8	1,4
Рабочие	34,7	44,2	13,6	4,6	1,7	1,2
Служащие	26,0	47,3	18,3	5,5	1,8	1,1
Высшие	20,5	49,8	22,0	5,6	1,5	0,6
Средние	25,6	48,8	18,1	5,2	1,5	0,8
Низшие	32,7	40,0	15,3	,5	2,9	2,6
<i>Ленинград</i>						
Все социальные группы	25,3	45,3	18,7	6,7	2,4	1,6
Рабочие	27,7	44,7	17,5	6,4	2,3	1,4
Служащие	22,2	46,5	20,6	6,9	2,4	1,4
Высшие	18,3	48,2	23,5	7,0	2,0	1,0
Средние	22,1	47,9	20,4	6,4	2,1	1,1
Низшие	24,6	41,8	19,3	8,3	2,3	2,7
<i>Прочие города</i>						
Все социальные группы	39,5	42,2	11,9	3,7	1,4	1,3
Рабочие	43,4	40,8	10,2	3,3	1,2	1,1
Служащие	34,1	45,5	14,1	3,9	1,4	1,0
Высшие	29,3	48,6	16,9	3,7	1,0	0,5
Средние	34,3	46,4	13,9	3,6	1,2	0,6
Низшие	36,6	40,4	13,2	5,0	2,3	2,5

Источник. См. табл. 3. Включены семьи со всеми сроками продолжительности брака.

Детность детности рассматривался О. А. Квиткиным не как арифметический баланс рождений и смертей детей, а как величина, обусловленная теми размерами воспроизводства, к которым стремится семья. Во вступительной статье к материалам специальной разработки О. А. Квиткин писал: «При широком развитии практики ограничения деторождения, характеризующем современную городскую семью, показатель детности приобретает самостоятельное значение: здесь он отражает волю к воспроиз-

водству в различных группах населения, детерминируемую, разумеется, всем сложным комплексом их социального бытия»¹⁰. Эта оценка смысла показателя детности отчасти предвосхищает то значение, которое он приобрел в дальнейшем и, в частности, имеет в настоящее время, когда регулирование деторождения получило широкое распространение и родители действительно имеют в основном число детей, желаемое ими в данных конкретных условиях.

В период, к которому относятся данные переписи 1926 г., регулирование деторождения не было еще распространено среди всех слоев городского населения. Об этом можно в некоторой степени судить по общему коэффициенту рождаемости городского населения, который находился на сравнительно высоком уровне. Он составлял в городах $34,1\text{‰}$ ¹¹.

Так как показатель детности основывается на числе детей, живущих в семье, и не характеризует, следовательно, эффективность воспроизводства в семье в целом, важно было определить тот этап в развитии семьи, когда выбытие из нее еще незначительно, но система детности уже установилась. В качестве такого периода при анализе данных переписи выделялась продолжительность брака 13—17 лет. Хотя дети могли появиться и после этого срока, особенно в семьях, где рождаемость выше и общий цикл деторождения длиннее, однако различия в уровне детности в разных социальных группах населения выявляются уже через 13—17 лет после заключения брака.

Итак, сравнительный уровень воспроизводства населения характеризовался числом детей от данного брака в семьях с одинаковой его продолжительностью к моменту переписи. Семьи эти образовались, очевидно, в один и тот же промежуток времени и проходили разные стадии своего развития под влиянием одних и тех же исторических условий.

По методике построения показатели детности, примененные в переписи 1926 г., аналогичны кумулятивным когортным коэффициентам брачной рождаемости. Они характеризуют детность реальных поколений и в мето-

дическом отношении отличаются от показателей, обычно применяемых при анализе изменения размеров и структуры семьи (таких, как доли активных, самодеятельных, детей) на различных фазах ее существования и связанных с возрастом главы. Последние показатели получаются по данным переписи для условного поколения. Средние соотношения, зафиксированные на определенный момент в разных семьях, рассматриваются здесь как относящиеся к различным этапам жизни одной и той же «условной» семьи.

Так как ни до переписи 1926 г., ни в дальнейшем не были построены измерители воспроизводства населения, аналогичные показателям детности, данными переписи 1926 г. нельзя воспользоваться для анализа общего уровня воспроизводства населения в динамике. Основное направление анализа данных семейной переписи 1926 г. о воспроизводстве населения — изучение их социальной дифференциации.

При этом, как далее будет показано путем сравнения показателей детности по различным группам, решающее влияние здесь оказывает дифференциация рождаемости, поскольку наиболее низкие показатели обнаруживаются в группах населения, где нельзя предположить ни более ранний выход детей из семьи, ни повышенную их смертность. Последнее подтверждается и показателями младенческой смертности, установленными по данным выборочного обследования рождаемости 1934 г. Число умерших до 1 года на 1000 рождений составляло в 1929—1933 гг. среди рабочих 160, служащих — 143, инженерно-технического персонала — 118¹².

При анализе социальной дифференциации рождаемости на основе показателей детности в семьях с определенной продолжительностью брака не следует упускать из виду известную условность этих показателей. Дело в том, что при построении их возникает то же методическое затруднение, что и при применении кумулятивных коэффициентов рождаемости когорт — несоответствие между моментом, к которому относится социальная характеристика, и периодом, за который взяты учтенные рождения: в то время как социальная характеристика устанавливается на момент опроса, рождения относятся

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1, с. XV.

¹¹ См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. М., 1972, с. 41.

¹² См.: К проблеме рождаемости в рабочей среде.— В кн.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 198.

ко всему предшествующему отрезку жизни опрошенных.

Годы, прожитые к моменту переписи 1926 г. семьями, образовавшимися 13—17 лет назад, приходились на время больших социальных изменений. Семьи эти образовались в последнем пятилетии перед первой мировой войной, и брачная жизнь их протекала в дальнейшем в период империалистической и гражданской войн и начала восстановления народного хозяйства. В течение этого времени в населении происходили значительные социальные перемещения, и социальная принадлежность, зафиксированная в 1926 г., могла отличаться от той, к которой относилась семья в начале своего существования. Однако, по нашему мнению, это не могло существенно исказить зафиксированную переписью 1926 г. картину социальной дифференциации детности. В пользу этого говорит сравнительно слабая зависимость установленно-го характера дифференциации от продолжительности брака. Так, соотношение показателей детности у семей различных социальных категорий при продолжительности брака 10 лет и продолжительности 13—17 лет различалось мало. В качестве примера можно привести соответствующие показатели по Москве.

Социальные группы	Среднее число детей в семье в Москве при продолжительности брака:	
	10 лет*	13—17 лет
Рабочие	1,77	2,24
Служащие:		
высшие	1,13	1,44
средние	1,31	1,67
низшие	1,70	2,08

* По выравненным данным.

Источник. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1, с. XVI.

Сравнение показателей детности по Москве, Ленинграду и прочим городам РСФСР обнаруживает прежде всего, что ограничение деторождения было гораздо больше распространено в Москве и Ленинграде, чем в прочих городах. Среднее число детей при продолжительности брака 13—17 лет в Москве и Ленинграде составило 1,92—1,95 против 2,55 в прочих городах. Более низкий уровень рождаемости в Москве и Ленинграде, характеризующийся показателем детности, наблюдался и по дан-

ным текущей статистики рождаемости. Число родившихся на 1000 населения составляло в 1926 г. в Москве 29,8, Ленинграде — 27,8, а во всем городском населении европейской части РСФСР — 35,0¹³.

Более низкая рождаемость в крупнейших городах по сравнению со средними и малыми городами была не результатом особенностей состава населения, а следствием уже распространившейся практики ограничения числа детей в семье в крупнейших городах; об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что низкие показатели детности были в них во всех без исключения социальных группах (табл. 6).

Таблица 6

Среднее число детей в семье в разных социальных группах при продолжительности брака 13—17 лет*

Социальные группы	Москва	Ленинград	Прочие города
Все социальные группы **	1,92	1,95	2,55
Рабочие	2,24	2,17	2,72
в том числе:			
фабрично-заводской промышленности	2,22	2,07	2,78
мелкой и кустарной промышленности	2,20	2,20	2,50
железнодорожного транспорта	2,52	2,34	2,77
Служащие	1,67	1,68	2,25
в том числе:			
высшие	1,44	1,55	1,97
средние	1,67	1,63	2,27
низшие	2,08	1,98	2,47
Хозяева с наемными рабочими, с помогающими членами семьи, члены артелей и одиночки	2,15	2,12	2,80

* Включены семьи, во главе которых стоит брачная пара без детей или с детьми от существующего брака, где возраст вступления в брак матери 20—24 года.

** Более низкий показатель по Москве по сравнению с Ленинградом по всем социальным группам объясняется более высокой долей служащих в населении Москвы.

Источник. См. табл. 3.

Дифференциация показателей детности по группам рабочих указывает на разную степень распространенности ограничения деторождения в семьях рабочих различных выделенных при разработке профессионально-про-

¹³ См.: Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М., 1928, с. 4, 5.

изводственных групп. Так, в Москве и Ленинграде больше всего детей имели рабочие железнодорожного транспорта, а меньше всего — текстильщики. В прочих городах больше всего детей было у металлостроителей. Но различия по числу детей в рабочей среде были значительно меньше, чем между рабочими и служащими, особенно служащими первых двух категорий.

При разработке материалов переписи 1926 г. служащие делились на три категории по квалификации. Эти категории существенно различались по уровню образования и материальной обеспеченности. Первая группа (высшие — 15% всех служащих) включала руководителей и высший технический персонал, третья группа (низшие — 23%) — сторожей, уборщиц и другие занятия младшего обслуживающего персонала, охраны безопасности, работников гигиены, вторая — наиболее многочисленная (средние служащие — 62%) — всех остальных служащих¹⁴. Интеллигенция в этой классификации не была выделена четко. Так, учителя были объединены с конторскими работниками.

Показатели детности были наиболее низкими среди высших служащих, несколько выше среди средних. Низшие служащие, мало отличавшиеся по материальной обеспеченности, культурному уровню от рабочих, были близки к ним и по показателям детности.

Хотя различия в методике построения показателей детности по переписи 1926 г. и по более поздним материалам не дают возможности точно оценить сдвиги, происшедшие в социальной дифференциации рождаемости, некоторые сопоставления обнаруживают все же, что эта дифференциация в тот период была значительно больше, чем сейчас. Если по вышеприведенным показателям детность среди служащих была ниже, чем у рабочих, на 32%, то по данным выборочного обследования рождаемости 1960 г. в семьях, ведущих бюджетные записи, разрыв между числом рожденных детей в семьях рабочих и служащих в когорте женщин 1920—1924 гг. рождения составлял только 16%¹⁵. Можно полагать, что в связи со сближением культурного уровня, материального благо-

состояния и образа жизни различных социальных групп населения нашей страны социальная дифференциация в уровне рождаемости сильно сократилась.

Распределение семей по числу детей после 13—17 лет брака по данным переписи 1926 г. показывает, что к этому сроку значительное число семей в Москве и Ленинграде оставались бездетными. Но социальная дифференциация детности определялась не долей бездетных, мало различавшейся в социальных группах, а в основном различной долей многодетных (с 3 и более детьми). Обращает на себя внимание очень малое число многодетных семей среди высших служащих и лиц свободных профессий. В прочих городах по сравнению с Москвой и Ленинградом была ниже доля бездетных и малодетных семей и выше доля многодетных, однако соотношения по социальным группам примерно те же, что в Москве и Ленинграде (табл. 7).

Низкий уровень воспроизводства населения среди наиболее квалифицированной и обеспеченной части населения, обнаруженный по материалам семейной переписи 1926 г., подтвердился и данными упомянутого обследования рождаемости 1934 г. Число рождений на 1000 лет брачной жизни в 1929—1933 гг. было и здесь наиболее высоким среди рабочих, ниже — среди служащих и наиболее низким — среди инженерно-технического персонала (табл. 8).

При разработке материалов переписи 1926 г. вычислялся и другой показатель — средний возраст младшего из детей при данной продолжительности брака, который О. А. Квиткин считал весьма чувствительным мерилом интенсивности регулирования деторождения¹⁶. При достаточно длительной брачной жизни возраст младшего ребенка соответствует, очевидно, времени окончания формирования семьи. Сопоставление среднего возраста младшего ребенка в разных социальных группах вскрывает различия в продолжительности периода деторождения в этих группах. Конечно, для уточнения этого показателя нужно было бы располагать данными об умерших детях. Однако и здесь, как и в двух других применяемых показателях воспроизводства (среднее число детей и распределение по числу детей), фактиче-

¹⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1, с. VIII.

¹⁵ См.: Сифман Р. И. Динамика рождаемости и темпы формирования семьи в СССР. — В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976, с. 57.

¹⁶ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1, с. XVI.

Распределение семей с брачной парой во главе по числу детей при продолжительности брака 13—17 лет

Социальные группы	Процент семей с числом детей													
	Москва					Ленинград					прочие города			
	0	1	2	3 и более		0	1	2	3 и более		0	1	2	3 и более
Все социальные группы	21,4	23,6	24,0	31,0		23,2	23,2	23,6	30,0		13,8	17,2	21,6	47,4
Рабочие	18,1	18,8	23,0	40,1		20,3	21,0	22,9	35,8		12,3	15,2	19,8	52,7
Рабочие фабрично-заводской промышленности	17,6	19,4	24,1	38,9		20,0	20,9	22,8	36,3		11,5	14,5	19,7	54,2
металлисты	16,1	19,0	23,1	41,8		19,0	20,8	23,0	37,2		10,8	13,9	19,0	56,3
текстильщики	21,2	17,3	22,1	39,4		19,3	21,0	22,5	37,2		12,1	14,9	20,1	52,9
Служащие	23,1	28,0	25,5	23,4		25,6	27,1	25,4	21,9		14,7	21,1	25,3	38,9
высшие	22,6	33,8	28,6	15,0		23,0	33,8	27,6	15,6		13,3	26,6	28,6	31,5
средние	23,3	28,1	25,2	23,4		25,9	27,2	25,5	21,4		14,1	20,7	25,7	39,5
низшие	22,8	20,5	22,6	34,1		26,8	21,3	23,4	28,5		18,4	17,6	20,5	43,5
Лица свободных профессий	25,2	30,4	27,2	17,2		36,4	27,2	23,4	13,0		18,3	16,6	24,3	40,8
Хозяева, члены артелей и одиночки	19,7	19,5	23,3	37,5		21,2	20,6	22,3	35,9		13,0	14,5	19,6	52,9

Источник. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1—3, табл. XIV.

Данные выборочного обследования о рождаемости
по социальным группам за 1929—1933 гг.

Социально-производственные группы	Процент работающих матерей	Число рождений на 1000 лет брачной жизни
Рабочие	35,4	191
в том числе:		
текстильщики	90,0	180
металлисты	15,2	201
Служащие	52,0	124
Инженерно - технический персонал	23,2	118

Источник. Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 198.

ские различия по социальным группам подтверждают его значимость и без этого уточнения.

Полученные при разработке данных переписи 1926 г. показатели среднего возраста младшего ребенка соответствуют уровню показателей детности, т. е. они выше там, где детность ниже, и наоборот. Так, в Москве средний возраст младшего ребенка при продолжительности брака 17 лет и возрасте вступления в брак матери 20—24 года составлял в семьях рабочих 6,4 года, служащих: высших—10,3, средних—9,3, низших—6,3¹⁷. Таким образом, среди высших служащих в семьях, которые к моменту переписи существовали 17 лет, рождение детей в среднем прекратилось уже 10 лет тому назад, хотя некоторое незначительное число рождений могло, очевидно, произойти и через 10 лет после рождения предыдущего ребенка и после 17 лет брака.

Сопоставление показателей в относительно однородной социальной среде — в двух группах фабрично-заводских рабочих: металлстов и текстильщиков — обнаруживает, что при резких различиях между этими профессиями в занятости женщин детность их сколько-нибудь существенно не различалась. Среди текстильщиков она была лишь немногим меньше (табл. 9), хотя этот более низкий уровень детности и здесь нельзя считать случайным явлением, поскольку он наблюдается и по данным обследования рождаемости 1934 г. (табл. 8).

¹⁷ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1, с. XVI.

Таблица 9

Занятость замужних женщин и детность (при продолжительности брака 13—17 лет) среди металлистов и текстильщиков

Профессиональные группы фабрично-заводских рабочих	Доля (%) семей с самостоятельным источником дохода от занятия матери	Среднее число детей в семье	Доля (%) семей с самостоятельным источником дохода от занятия матери	Среднее число детей в семье	Доля (%) семей с самостоятельным источником дохода от занятия матери	Среднее число детей в семье
	Москва		Ленинград		прочие города	
Металлисты	19,7	2,34	18,8	2,18	14,1	2,81
Текстильщики	68,9	2,14	73,4	1,96	80,0	2,72

Источники. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. LVI, вып. 1—3, табл. IX и XII.

В семьях же различных социальных групп, отличающихся по материальной обеспеченности, культурному уровню и, как можно предположить, по владению способами регулирования деторождения, прямого соответствия между занятостью жен и детностью не наблюдается. При почти одинаковой занятости в семьях рабочих и служащих детность среди последних значительно ниже (табл. 10). По различным категориям служащих хотя и не наблюдается больших различий в уровне занятости, все же следует отметить, что детность ниже там, где ниже и занятость. Наиболее низкой была доля семей, где матери имели самостоятельный источник дохода от занятия, среди высших служащих (16,7%). В этой группе был наиболее низкий показатель детности (среднее число детей в семье — 1,71).

Примерно те же соотношения между занятостью женщин в общественном производстве и рождаемостью по различным социально-профессиональным группам обнаруживают и данные обследования 1934 г., хотя принцип распределения по группам и показатели, характеризующие рождаемость, а также и общий уровень занятости женщин в этом обследовании отличаются от переписи 1926 г. (табл. 8). По сравнению с 1926 г. в этом обследовании отмечается более высокая занятость женщин среди служащих, чем среди рабочих.

Таблица 10

Занятость замужних женщин и детность по социальным группам (в среднем по всем городам, вошедшим в специальную разработку)

Социальные группы	Доля (%) семей данной социальной группы с самостоятельным источником дохода от занятия матери	Среднее число детей в семье при продолжительности брака 13—17 лет
Рабочие	20,4	2,53
Служащие	20,8	1,97
высшие	16,7	1,71
средние	20,6	1,99
низшие	24,5	2,25

Источники. См. табл. 9.

По современным данным при почти полной занятости женщин в общественном производстве, когда нет возможности определить уровень рождаемости в «контрольной» группе, т. е. среди незанятых, трудно оценить роль занятости как фактора рождаемости изолированно от действия других факторов. Анализ данных семейной переписи 1926 г. дает возможность исследовать зависимость между занятостью женщин и числом рождений в тех условиях, когда занятость женщин не была всеобщей. Участие женщин в общественном производстве в тот период не было фактором, определяющим уровень рождаемости городского населения, особенно его дифференциацию по группам. Более существенное влияние оказывала, по-видимому, принадлежность к определенной социальной среде. С этим фактом нельзя не считаться при интерпретации связи между ростом занятости женщин и снижением рождаемости.

Вырисовывающаяся по материалам переписи 1926 г. картина воспроизводства населения в городах позволяет, таким образом, не только вскрыть закономерности, свойственные тому периоду, но и сделать некоторые заключения по вопросам, актуальным с точки зрения современной демографии. Помимо выводов методического характера (в основном относящихся к вопросу о построении показателей детности как характеристик воспроизводства населения) изучение данных семейной переписи 1926 г. дает возможность подойти к общей оценке влия-

ния некоторых факторов рождаемости. Из них наиболее существенна оценка роли занятости женщин. Обнаруженное отсутствие влияния этого фактора на дифференциацию рождаемости в период, когда ограничение размеров семьи только начинало распространяться, дает основание считать, что занятость матери действует на число рождений в семье не повсеместно, а только в определенной социальной среде, в сочетании с другими характеристиками женщин и семьи. В современных условиях фактор занятости женщин должен рассматриваться в связи с другими аспектами образа жизни, и в частности со структурой потребностей семьи.

Л. П. КУВШИНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО СООТНОШЕНИЯ ПОЛОВ

Превышение числа рождений мальчиков над числом рождений девочек обратило на себя внимание, по-видимому, еще в XIII в. С появлением первых статистических данных о распределении родившихся по полу об этом писал Д. Граунт, с именем которого связывают возникновение как демографической, так и статистической науки.

Соотношение численностей полов при рождении впоследствии получило название *вторичного* соотношения полов в отличие от *первичного*, которым принято называть соотношение полов при оплодотворении, и *третичного* — соотношения полов в репродуктивном возрасте. Если первичное соотношение полов — объект исследований, скорее, биологии и социальной гигиены, то вторичное и третичное входит в сферу интересов демографии.

За три века развития демографии это явление было предметом постоянного обсуждения и объектом многочисленных толкований. Для объяснения его причин выдвигались различные гипотезы и приводились разные соображения. Среди тех, кто писал об этом, мы находим имена И.-П. Зюссмильха и Э.-Э. Дювийяра, П.-С. Лапласа и В. Лексиса, Ж. Бертильона и К. Джини, а также многих других ученых.

Поднимая вопрос о важности изучения соотношения полов при рождении, Н. С. Четвериков писал, что «распределение родившихся по полу существенно определяет размножение населения, его возрастной состав, трудовую активность, моногамность браков и что незначительные сдвиги в доле младенцев того и другого пола влекут за

собой далеко идущие и долго длящиеся последствия»¹. Тем более важно третичное соотношение полов, испытывающее влияние различий в смертности мужчин и женщин, что видно хотя бы на примере проблемы численного «несоответствия» женихов и невест.

Тем не менее до сих пор нет ни законченного теоретического объяснения этого явления, ни сколько-нибудь полного обзора накопленных фактов и объяснений, ни капитальных исследований о влиянии состава населения по полу на рост численности населения.

Поэтому мы хотели хотя бы кратким очерком истории вопроса еще раз привлечь внимание демографов к этой проблеме, нашедшей отражение в работах как отечественных, так и зарубежных специалистов. Многие работы последних были переведены на русский язык. Задача этой статьи — дать обзор существующей литературы на русском языке о вторичном соотношении полов и рассмотреть взгляды различных исследователей на факторы, влияющие на это соотношение.

Еще в 1662 г. Дж. Граунтом (1620—1674) в книге «Естественные и политические наблюдения... над бюллетенями смертности» впервые были установлены конкретные закономерности массовых явлений социальной жизни. Соотношение полов при рождении было одной из таких закономерностей: мальчиков всегда рождается больше, чем девочек, и для Лондона эта пропорция составляет 14:13².

Дж. Граунт также заметил, что соотношение полов для различных городов и провинций неодинаково. Колебания в соотношении полов для Лондона более значительны, чем для провинциальных городов. Дж. Граунт делает из этого вывод, что Лондон более, чем провинция, «способен нарождать мужчин», и рекомендует продолжить изучение различий.

М. В. Птуха упоминает также работу Д. Арбутнота, написанную в 1712 г., доказавшего, что превышение числа родившихся мальчиков над числом девочек не может

быть случайностью и что этот перевес справедлив не только для данных по Лондону за 82 года, которые он исследовал, но для всех времен, в чем Д. Арбутнот усматривает божеское предвидение³. Замечательным предвидением считал это англичанин Т. Шорт (1750), ибо мальчикам угрожают в жизни большие опасности, в результате чего складывается баланс полов⁴.

Постоянство соотношения полов при рождении казалось необъяснимым и поэтому часто приводилось в качестве аргумента в пользу влияния высших сил. Так, например, священник В. Дерхем (1675—1735) объясняет некоторое превышение числа мальчиков над девочками при рождении большими опасностями, которым подвержены мужчины, что является не только «справедливым наказанием рода человеческого за его грехи, но также мудрым средством держать его в равновесии»⁵.

В законченном виде божественная теория нашла свое выражение у лютеранского священника И.-П. Зюссмильха (1707—1767), интерес которого к демографии был вызван чтением книги В. Дерхема. И.-П. Зюссмильху принадлежит двухтомное сочинение под названием «Божественный порядок в изменении численности рода человеческого, проявляющийся в количестве рождений, смертей и продолжении рода всего сущего». В ней автор стремился ответить на вопрос: не является ли порядок, наблюдаемый в столь случайных событиях, проявлением божьей воли⁶? В утвердительном ответе на этот вопрос Зюссмильх не сомневался. Он показал с помощью расчетов, что превышение числа новорожденных мальчиков над числом девочек не зависит ни от расы, ни от национальности, ни от образа поведения людей.

На новую ступень поставил изучение вторичного соотношения полов анализ его с точки зрения теории вероятностей, как явления, к которому применим закон больших чисел. Однако строгое доказательство закономерности этого явления трактовалось как закон природы, установленный мудрым провидением.

Первыми в России были работы на эту тему Д. Бер-

¹ А. А. Чупров как демограф (К вопросу об изменениях доли мальчиков среди рождающихся).— В кн.: Четвериков Н. С. Статистические исследования. М., 1975, с. 244.

² См.: Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945, с. 33. В дальнейшем ссылки на эту книгу даются только указанием фамилии автора.

³ См.: Птуха М. В. Указ. соч., с. 121.

⁴ Там же, с. 124.

⁵ Там же, с. 121.

⁶ Lorimer F. The development of demography.— In: The study of population. An inventory and appraisal. Ed. Ph. Hauser and O. Duncan. Chicago, 1959, p. 124—180.

нулли (1700—1782) и Л. Ю. Крафта (1743—1814). В 1786 г. Л. Ю. Крафт указал на разрешение вопроса о числовом взаимоотношении полов у новорожденных путем применения положений теории вероятностей, поскольку основная идея закона больших чисел применима к массовым явлениям, имеющим место в естественном движении населения. «Эта правильность в рождениях детей обоих полов настолько постоянна, что, согласно исчислениям вероятностей, она вовсе не может быть результатом случайности, а скорее представляет собой поразительное доказательство того, что провидение руководит судьбой рода человеческого»⁷.

П.-С. Лаплас (1749—1827), применивший в 1814 г. положения теории вероятностей к рождениям людей в крупнейших городах Европы, наблюдал с «вероятностью, чрезвычайно приближающейся к достоверности», большую возможность родиться мальчику. Этот результат он считал общим законом по крайней мере для Европы. П.-С. Лаплас убедительно доказал, что преобладание мальчиков среди новорожденных обусловливается постоянными причинами, а фактические колебания вызываются случайными причинами, действие которых уравнивается при бесконечном числе случаев⁸.

С развитием естествознания в XIX в. трактовка причин постоянства вторичного соотношения полов как «божественного предвидения» уступает место истолкованию его как закона природы. Характерно в этом плане высказывание Г. Ф. Майра, который писал: «Факт избытка рождений мальчиков сравнительно с рождениями девочек повсеместно проявляется с такою правильностью, и пределы колебаний этого избытка, наблюдаемых в отдельных странах, так незначительны, что только крайний скептицизм может не признавать в данном случае закона природы». Он поясняет далее: «Действительно, в каждой отдельной семье пол ожидаемого ребенка всякий раз составляет загадку, которая разрешается далеко не всегда согласно с ожиданиями. Но, если взять в расчет несколько тысяч семейств и сделать по отношению к ним выводы по данным многих лет, то ясно обнаружится естественный закон, в силу которого в больших массах наблюдаемых рождений приходится по 106 с

лишком рождений мальчиков на 100 рождений девочек»⁹.

Для В. Лексиса (1837—1914) постоянство вторичного соотношения полов¹⁰ явилось одним из оснований учения об устойчивости дисперсий. «Отклонения от средней для каждой страны, — писал он, — тем больше, чем меньше общее число рождений, лежащее в основании исчисления; средние отклонения соответствуют приблизительно теории вероятностей»¹¹.

К этому времени уже накоплен значительный материал, позволяющий дифференцировать вторичное соотношение полов в различных группах населения и тем самым приблизиться к истолкованию его причин. Установлено, в частности, что вторичное соотношение полов при брачных рождениях меньше, чем при внебрачных. Но относительные числа внебрачных рождений колеблются сильнее, чем числа рождений в браке, так как абсолютные числа там гораздо меньше.

Ю. Э. Янсон также обращает внимание на различное соотношение полов при рождении у незаконнорожденных и законнорожденных. Замечая, что причины существования этой разницы еще не разрешены, он называет имена исследователей, впервые попытавшихся ответить на этот вопрос, и приводит их объяснения¹².

Менее значительное преобладание мальчиков среди внебрачных детей было замечено Х. Бернулли еще в 1830 г. Он высказал предположение, что здесь дело не в различиях между соотношениями полов у зачатых, а в различной способности к вынашиванию¹³.

Г. Ф. Майр приводит гипотезу итальянского демографа Л. Бодио, объяснявшую различия в соотношении полов при всех рождениях и при внебрачных рождениях (среди живорожденных мальчиков больше соответствен-

⁹ Майр Г. Ф. Закон о сообразности в общественной жизни. Тамбов, 1884, с. 234.

¹⁰ Соотношение численностей полов обычно измеряют числом родившихся мальчиков на 100 или 1000 родившихся девочек.

¹¹ Лексис В. Общая теория движения народонаселения. — В кн.: Народонаселение и учение о народонаселении. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. М., 1897, с. 214.

¹² См.: Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и Западно-Европейских государств. Т. 1. СПб., 1878.

¹³ См.: Половой состав родившихся как предмет статистического исследования. — В кн.: Чупров А. А. Вопросы статистики. Избранные статьи. М., 1960, с. 346.

⁷ Цит. по: Птуха М. В. Указ. соч., с. 327.

⁸ См.: Птуха М. В. Указ. соч., с. 271, 272.

но на 5 и 3%). По мнению Бодио, на эти различия влияют следующие обстоятельства:

- 1) психическое состояние женщины;
- 2) питание женщины;
- 3) замужняя женщина желает в основном мальчика;
- 4) незамужняя женщина находится в состоянии раскаяния и равнодушия к полу ожидаемого ребенка¹⁴.

В 1895 г. французский демограф Ж. Бертильон на основании обширного статистического материала пришел к заключению, что у замужних первые роды дают больший процент мальчиков, а у незамужних, наоборот, меньший¹⁵.

К. Джини, рассматривая соотношение полов при рождении, обращает внимание на многоплодные роды. Он связывает меньший избыток мальчиков при многоплодных родах со способностью к вынашиванию¹⁶.

Еще в XVIII в. И. Д. Гофакер, М. Т. Садлер и Геллерт объясняли факт превышения мальчиков среди родившихся влиянием возраста родителей. Они считали, что, чем больше муж превосходит жену возрастом, тем больше родится мальчиков; «из этого и следует,—пишет Г. Ф. Майр,—что наблюдаемый избыток рождений мальчиков зависит от высшего среднего возраста отцов»¹⁷. Ю. Э. Янсон приводит следующую таблицу.

Таблица 1

Вторичное соотношение полов для групп семей с различным соотношением возраста родителей (на 100 девочек родилось мальчиков)

	Гофакер	Садлер	Геллерт
Муж моложе жены	90,6	86,3	82,6
Муж одних лет с женой	92,0	94,8	93,3
Муж старше жены	117,8	121,4	108,2

Ю. Э. Янсон приводит также имена исследователей, опровергавших эту гипотезу (правда, на основании не-

¹⁴ См.: Майр Г. Ф. Законосообразности в общественной жизни, с. 238.

¹⁵ См.: Клейнман А. И. Материалы по демографии С.-Петербурга. Медико-статистический очерк движения населения г. С.-Петербурга за 25 лет (1881—1905 гг.). СПб., 1906, с. 66.

¹⁶ См.: Чупров А. А. Указ. соч., с. 349.

¹⁷ Майр Г. Ф. Указ. соч., с. 237.

большого числа наблюдений): Нуаро, Бреслау, Платтер¹⁸. Впоследствии она была проверена более основательно и не подтвердилась.

Следует иметь в виду, что в те времена, к которым относятся приведенные данные, точность учета рождений была невелика, в частности она могла быть разной для мальчиков и девочек. Поэтому сравнительным оценкам не всегда можно было верить.

Важным шагом было установление факта более высокого вторичного соотношения полов у мертворожденных по сравнению с родившимися живыми. Приведем в качестве примера таблицу, рассчитанную А. И. Клейнманом¹⁹.

Таблица 2

Соотношение полов при рождении в Петербурге (число мальчиков на 100 девочек)

	1881 — 1885 гг.	1886 — 1890 гг.	1891 — 1895 гг.	1896 — 1900 гг.	1901 — 1905 гг.	1881 — 1905 гг.
Все родившиеся	105,9	105,8	105,0	104,4	103,2	105,1
брачные рождения	105,6	105,8	105,5	104,4	105,2	105,2
внебрачные рождения	106,7	105,7	103,7	104,1	104,1	104,5
Живорожденные	104,9	104,7	104,2	103,4	103,7	104,1
брачные рождения	104,6	104,6	104,7	103,4	104,5	104,3
внебрачные рождения	105,7	105,0	102,7	103,1	102,7	103,7
Мертворожденные	131,5	132,3	128,7	133,1	128,8	129,7
брачные рождения	133,4	138,5	128,0	134,9	126,0	131,0
внебрачные рождения	127,7	119,7	130,2	128,6	133,3	126,8

Перевес мужских рождений за 25-летний период выразился в отношениях: 105,1 мальчика из всех родившихся, 104,1 — из всех живорожденных и 129,7 — из всех мертворожденных; следовательно, среди последних перевес мужских рождений значительнее, чем среди живорожденных, кроме того, он всюду заметнее среди брачных (105,2 и 104,3), нежели среди внебрачных (104,5 и

¹⁸ См.: Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и Западно-Европейских государств. Т. 1, СПб., 1878, с. 175.

¹⁹ См.: Клейнман А. И. Материалы по демографии С.-Петербурга. Медико-статистический очерк движения населения г. С.-Петербурга за 25 лет (1881—1905 гг.), с. 66.

103,7). Такая же разница получается по всем пятилетним периодам.

В конце XIX — в первом десятилетии XX в. произошло резкое снижение доли мальчиков в общем числе родившихся. Это стало причиной глубокого исследования А. А. Чупрова «Половой состав родившихся как предмет статистического исследования»²⁰. Пытаясь объяснить происшедшие изменения во вторичном соотношении полов, А. А. Чупров поставил вопрос о причинах существования этого соотношения вообще. Рассмотрим более подробно содержание этой работы.

Опираясь на исследования Х. Бернулли, В. Лексиса и Раубера, он проанализировал влияние смертности зародышей на половой состав рождающихся. Важнейшим результатом предшествовавших исследований явилась мысль о том, что решающее влияние на величину перевеса мальчиков среди зарегистрированных новорожденных оказывает способность женщин к вынашиванию зачатых младенцев — различная для мальчиков и для девочек. Эта мысль была высказана Х. Бернулли в конце 30-х годов XVIII в. и воспринята В. Лексисом в 70-х годах XIX в.

Используя наблюдения практикующих врачей и их оценку, опросы рожениц, материалы больничных касс и статистику движения населения, А. А. Чупров показал, что зародыши мужского пола подвержены более высокой смертности, чем женские. Но, так как мальчиков рождается все же больше, чем девочек, он сделал вывод, что преобладание мужских зачатий над женскими должно быть еще более значительным.

Проанализировав имевшиеся данные²¹ и оценив ошибки наблюдений, А. А. Чупров пришел к выводу, что частота выкидышей постепенно снижается с увеличением возраста зародышей, пока не достигает (примерно на восьмом месяце беременности) своего минимального уровня. Затем частота выкидышей снова возрастает.

Подъем этот объясняется тем, что продолжает сохраняться внутриутробная смертность, к которой прибав-

ляется смертность преждевременно родившихся и умерших в момент рождения. «Смертность этих детей, уже перешагнувших порог жизнеспособности, также убывает к более позднему возрасту, но с седьмого месяца их зарегистрированное количество возрастает так быстро, что число умерших из них все же растет и более чем перекрывает уменьшение собственно внутриутробной смертности»²².

Опираясь на те прикидочные оценки, которые можно было сделать, критически рассмотрев используемые источники и в особенности те источники, где полнота записи более точна, А. А. Чупров рассчитал, что при зачатии соотношение полов составляет 125—130 мальчиков на 100 девочек.

Через 11 лет после исследования А. А. Чупрова, в 1924 г., вышла обширная монография норвежского ученого И. Ведерванга, посвященная изучению соотношения полов при рождении и его колебаниям. В этой работе был дан критический обзор посвященных этому вопросу статистических исследований, изложены взгляды биологов и на основании новых материалов проведены уточненные расчеты. По этим расчетам соотношение полов при зачатии составляет 134 мальчика на 100 девочек²³.

Изучая динамику соотношения полов при рождении, необходимо учитывать условия, которые влияют на смертность зародышей, снижая соотношение полов при зачатии (125—135) до соотношения полов при рождении (105—107). По этому вопросу А. А. Чупров пишет: «К допущению существенных различий в половом составе зачатий можно прибегать не ранее того, как будет убедительно показано, что после принятия в расчет влияния выкидышей остается еще остаток, который не поддается иного рода объяснениям и вместе с тем выходит за пределы случайных колебаний»²⁴. Этот остаток А. А. Чупров определяет как 5—7 мальчиков, т. е. на 100 девочек при рождении должно быть 105—107 мальчиков.

²² Цит. по: Четвериков Н. С. Указ. соч., с. 251.

²³ В современной литературе высказываются соображения, что подобного рода данные ошибочны и что по специальным исследованиям первичное соотношение полов не отличается от вторичного. См.: Бочков Н. П. Генетика человека. Наследственность и патология. М., 1978, с. 85, 86.

²⁴ Tschuprow A. A. Zur Frage des sinkenden Knabenüberschusses unter den ehelich Geborenen.— Institut International de Statistique. XIV session, 1913. Rapport № 22, p. 56.

²⁰ См.: Чупров А. А. Указ. соч., с. 334.

²¹ А. А. Чупров относился к ним весьма критически, отмечая неполноту регистрации выкидышей, различную на разных стадиях беременности, и особенно большую в случаях выкидышей при внебрачных зачатиях.

Вторичное соотношение полов в некоторых странах Европы
(на 100 девочек родилось мальчиков)

Год	Живорожденные и мертворожденные		Живорожденные		
	Германия	Франция	Германия	Франция	Англия и Уэльс
1908	106,1	106,3	105,4	104,8	103,6
1909	105,9	105,6	105,3	104,4	104,1
1910	105,9	105,5	105,3	104,5	104,0
1915	106,0	105,6	105,5	104,6	104,0
1916	107,1	106,0	106,5	104,9	104,9
1917	107,3	105,9	106,9	104,7	104,4
1918	107,7	107,6	107,3	106,5	104,8
1919	108,5	107,3	108,0	105,9	106,0
1920	107,7	107,2	107,2	106,2	105,2
1921	107,8	106,0	107,3	104,9	105,1
1922	107,5	106,0	107,0	104,9	104,9
1923	107,3	106,3	106,8	105,3	104,4

Источник. Влияние войны на половой состав рождающихся.— В кн.: Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики. (Избранные произведения). Под ред. проф. А. М. Меркова. М., 1958, с. 192, 193.

А. А. Чупров подчеркивал заслугу И. Ведерванга, доказавшего, что с повышением возраста матери как выкидыши, так и частота мертворождений увеличиваются, в то же время у рождающих впервые они значительно реже, чем у матерей, уже имевших детей.

Взаимосвязь вторичного соотношения полов с очередностью родов неодинакова для детей, родившихся у матерей, состоящих в браке, и для детей, родившихся вне брака. Все это можно объяснить различной способностью к вынашиванию. О различной способности к вынашиванию говорит и тот факт, что выкидышей среди внебрачных зачатий больше, чем среди брачных. Это, по всей вероятности, определяется различным уровнем ухода за беременными. «Благодаря всей совокупности имеющихся сейчас наблюдений над выкидышами, преждевременно родившимися и мертворожденными, — писал А. А. Чупров, — эта гипотеза подтверждается настолько, что почти исключается всякая возможность сомнений»²⁵.

Существенное изменение вторичного соотношения полов было замечено во время длительных войн и сразу после них в странах, участвовавших в войне. По данным С. А. Новосельского, для стран, участвовавших в первой мировой войне, в 1919 г. соотношение полов при рождении достигло в Германии 108,5, во Франции — 107,3; наивысшим вторичное соотношение полов для Франции (107,6) было в 1918 г. (табл. 3).

Советский исследователь В. А. Геодакян также отмечает, что соотношение полов при рождении в воюющих странах во время первой мировой войны возросло в среднем на 1,0—2,5%, а во время второй мировой войны (1942 г.) оно увеличилось в Великобритании и Франции на 1,5—2,0%²⁶. Это явление породило и порождает различные толкования, носящие иногда даже мистический характер.

А. А. Чупров, обращая внимание на увеличение избытка мальчиков в послевоенный период, писал: «Загадочность этого явления исчезает, если к нему подойти со стороны оценки способности женщин к вынашиванию и принять во внимание следующее:

война влечет за собой чрезвычайно сильное сниже-

²⁵ Чупров А. А. Указ. соч., с. 346.

²⁶ См.: Геодакян В. А. О существовании обратной связи, регулирующей соотношение полов.— В кн.: Проблемы кибернетики. Вып. 13. М., 1965, с. 189.

ние числа рождений, которое резко отлично от снижения брачной плодовитости тем, что здесь отсутствует предотвращение зачатий;

сохраняет свою силу и даже усиливается бережное отношение к материнству;

сокращение рождений касается главным образом матерей, рождающих уже не впервые;

правительство приходит на помощь населению, принимая меры к усилению охраны материнства»²⁷.

Все эти факторы, по мнению А. А. Чупрова, уменьшают смертность зародышей и тем самым повышают долю мальчиков среди тех, кто появляется на свет в послевоенные годы.

С. А. Новосельский объяснял изменения в половом составе рождающихся в сторону увеличения избытка мальчиков в результате длительных войн «длительным отрывом мужского населения от семьи и происходящим в связи с этим понижением количества зачатий и увели-

²⁷ Цит. по: Четвериков Н. С. Указ. соч., с. 258.

чением промежутка времени между зачатиями»²⁸. Он также считает, что, чем выше внутриутробная смертность, тем меньше пропорция рождающихся мальчиков и наоборот. Вместе с тем С. А. Новосельский отмечал, что ранняя внутриутробная смертность тем выше, чем чаще зачатия, поэтому половая пропорция выше у первородящих и второродящих, чем при следующих рождениях. Отсюда следует, что увеличение частоты первых родов в годы войны и послевоенные годы должно вести к повышению вторичного соотношения полов. С. А. Новосельский привел следующие данные для Петрограда — Ленинграда.

Число родившихся мальчиков на 100 девочек
(живорожденных)

	1906—1909 гг.	1920—1922 гг.
У первородящих	105,6	108,8
У второродящих	106,1	109,6
У прочих	103,5	105,3

В. А. Геодакян на основании современных материалов приводит ряд гипотез, объясняющих увеличение доли мальчиков в послевоенный период.

1. Во время войны вступают в брак более молодые люди, а с понижением среднего возраста родителей связано повышение показателя вторичного соотношения полов.

2. Во время войны увеличивается число первородящих женщин, у которых доля мальчиков в общем числе рождений выше.

3. Нарушение семейных связей в военный период уменьшает число беременностей и увеличивает интервалы между рождениями, а отдых матерей от беременности влияет на вторичное соотношение полов в сторону увеличения.

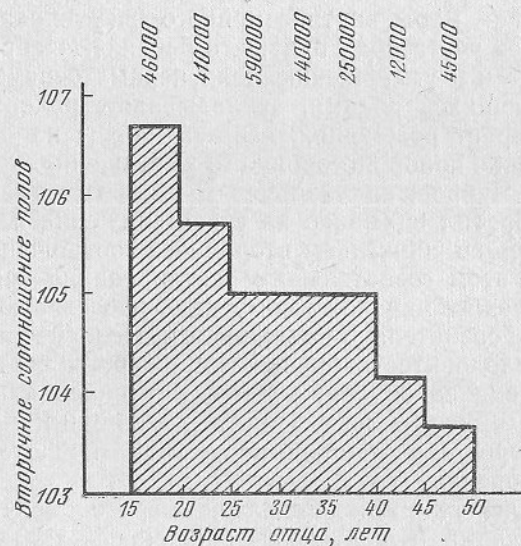
4. Ухудшение экономических условий приводит к изменению диеты: уменьшению потребления мяса и других белков, что, в свою очередь, также влияет на вторичное соотношение полов²⁹.

²⁸ Влияние войны на половой состав рождающихся.— В кн.: Новосельский С. А. Вопросы демографической и санитарной статистики (Избранные произведения)/Под ред. проф. А. М. Меркова, с. 196.

²⁹ См.: Геодакян В. А. Указ. соч., с. 190.

Современные более достоверные данные позволили проследить зависимость вторичного соотношения полов от таких факторов, как возраст отца, возраст матери, очередность родов. Так, по данным, приведенным В. А. Геодакяном, для возрастной группы матерей 18—20 лет вторичное соотношение полов составило 120, а для возрастной группы 38—42 лет — 90 мальчиков на 100 девочек.

Для иллюстрации влияния возраста отца на вторичное соотношение полов он приводит рисунок по данным Л. Сциллара, наглядно иллюстрирующий эту зависимость (см. рисунок).

Зависимость вторичного соотношения полов от возраста отца (цифры вверху — число наблюдений)

Источник. Vital Statistics of the USA, № 1, Washington, 1953, p. 213.

Таким образом, вторичное соотношение полов при рождении зависит от таких факторов, как первичное соотношение полов, способность женщин к вынашиванию плода, смертность зародышей, возраст женщины, очередность родов. Изменение состава рождающихся под влиянием тех или иных причин существенно меняет вторичное

соотношение полов. Как показали исследования, превышение мальчиков среди рождающихся и его колебания объясняются не божественным порядком и не одними лишь законами природы, а сложными естественными и социальными причинами.

Нет ничего странного в повышении вторичного соотношения полов после войны. Более того, современные примеры подтверждают, что это повышение может происходить и при изменении структуры рождений под влиянием других причин.

Снижение коэффициента рождаемости в настоящее время связано с внутрисемейным регулированием деторождения: применением контрацептивов, абортами и пр. Так как меры внутрисемейного регулирования действуют без учета пола будущего ребенка, а аборт приводят еще и к уменьшению доли первых беременностей, оканчивающихся родами, откладыванию родов и повышают возраст рождающих, все это влияет на вторичное соотношение полов в сторону его уменьшения.

А. А. Чупров, анализируя материалы по Пруссии, также обратил внимание на связь снижения плодovitости браков со снижением вторичного соотношения полов и роль в этом сознательного регулирования рождений. «Не подлежит никакому сомнению, что связующее звено между сознательно вызванным в последнее время падением плодovitости браков и снижением соотношения полов среди законнорожденных младенцев следует искать в том влиянии на способность женщин к вынашиванию, которое оказывает на нее техника предотвращения оплодотворения»³⁰.

В заключение можно сделать вывод о том, что изучение тенденций и факторов, влияющих на первичное, вторичное и третичное соотношение полов, должно вестись комплексно, с учетом их взаимосвязи и зависимости от отдельных сторон процесса воспроизводства населения.

³⁰ Чупров А. А. Указ. соч., с. 348.

Развод с демографической точки зрения исследован очень мало, и в научной литературе нельзя найти ответа на вопрос, чем объясняется столь быстрый рост числа разводов в стране. Нет и удовлетворительной методики измерения уровня разводимости. Интерес к вопросам развода, проявляемый публицистами, вполне оправдан, однако уровень, на котором ведется обсуждение этих вопросов в широкой печати, конечно, не может удовлетворить требованиям научно обоснованной их трактовки.

За 27 лет (1950—1977 гг.) общее число разводов в СССР выросло более чем в 13 раз, а общий коэффициент разводимости — почти в 9 раз; на первый взгляд динамика числа разводов выглядит устрашающе. Конечно, измерять динамику разводимости таким примитивным показателем, как общий коэффициент, неверно, но нельзя и не обратить внимания на эти цифры.

Первое объяснение роста разводимости, — конечно, изменение законодательства. Законы о разводе в СССР менялись несколько раз и не могли не оказать влияния на динамику числа разводов. Например, в 1940 г. развестись было намного проще, чем в 1950 г., и число разводов и общие коэффициенты разводимости подтверждают это (табл. 1); однако в 1960 г. разводимость была уже выше, чем в 1940 г., хотя процедура развода и была сложнее. Таким образом, динамика разводимости не является однозначным отражением особенностей законодательства, а выражает результат совокупного влияния многих социальных факторов.

Динамика разводимости была бы представлена значительно вернее, если бы мы могли сопоставить число разводов не с численностью всего населения, а с числом брачных пар, вычислив специальный коэффициент разводимости. Такие данные предоставляют переписи. Надо иметь в виду, что в переписи учитывается не юридический брачный статус, как при расторжении брака, а состояние в браке по самоопределению. По данным переписей число замужних женщин регулярно оказывается больше числа женатых мужчин: в 1939 г. — на 0,53 млн.; в 1959 г. — на 0,75 млн. и в 1970 г. — на 1,38

Динамика разводимости в СССР

Таблица 1

Год	Число разводов, тыс.	Коэффициент разводимости, ‰	Год	Число разводов, тыс.	Коэффициент разводимости, ‰
1940	205,6	1,1	1970	636,2	2,6
1950	67,3	0,4	1975	783,4	3,1
1955	127,2	0,6	1976	860,7	3,4
1960	270,2	1,3	1977	898,0	3,5
1965	360,4	1,6			

Источники: Население СССР. 1973, с. 150; Вестник статистики, 1976, № 11, с. 90; 1977, № 12, с. 78; 1978, № 11, с. 84.

млн. По данным переписи 1970 г. в СССР в составе семей было всего 51,1 млн. супружеских пар, т. е. по крайней мере 3,1 млн. женщин, назвавших себя замужними, не имели мужа в составе той же семьи. Конечно, у части женщин мужа действительно жили отдельно, но среди них было, вероятно, немало и таких, которые считали себя замужними, в то время как мужчина, которого они имели в виду, не считал себя женатым или считал себя женатым на другой. Принимая в знаменателе число замужних (что несколько преувеличивает число супружеских пар, которые реально существуют и могут расторгнуть брак), мы получаем следующие специальные коэффициенты разводимости в СССР:

Годы	Среднегодовое число разводов на 1000 супружеских пар
1938—1939	4,8
1958—1959	5,3
1969—1970	11,5

Показатель за 1969—1970 гг. выше, чем в большинстве зарубежных стран, и уступает только показателю по США за 1970 г. (15,2‰).

Существует иной метод, позволяющий оценить уровень разводимости для гипотетического поколения — метод общих таблиц¹. Число разводов женщин (или мужчин) в данном возрасте сопоставляется с численностью всех женщин данного возраста. Полученные воз-

¹ В СССР общие таблицы брачности и разводимости впервые построены М. С. Тольцем. См.: Тольц М. С. Измерение брачности и формирование семьи. — В кн.: Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи (Ереван, 1—3 октября 1975 г.). Ч. III. Демографическое поведение семей. Ереван. 1975, с. 145.

растные коэффициенты разводов показывают частоту их среди лиц определенного возраста. Предполагая, что в некотором гипотетическом поколении частота разводов в каждом возрасте будет соответствовать наблюдаемой, можно сложить эти коэффициенты и получить суммарный коэффициент разводимости (табл. 2). Он аналогичен суммарному коэффициенту рождаемости, с той разницей, что повторные разводы гораздо реже повторных рождений и полученное среднее число разводов на одну женщину близко к фактической доле женщин, переживших развод.

Суммарные коэффициенты разводимости в интервале 16—49 лет, ‰

Таблица 2

Год	Мужчины	Женщины	Год	Мужчины	Женщины
1959	158	127	1969	352	335
1960	175	138	1970	339	345
1961	169	141	1971	367	348
1962	176	153	1972	366	349
1963	169	154	1973	373	358
1964	193	176	1974	398	390
1965	206	193	1975	414	396
1966	367	349	1976	440	420
1967	367	350	1977	463	438
1968	369	354			

Источники: Расчет по данным: Население СССР. 1973, с. 150; Вестник статистики, 1977, № 12, с. 78; 1978, № 11, с. 84.

Оценка для гипотетических поколений показывает, что если при уровне возрастной разводимости 1960 г. в возрасте до 50 лет переживали развод только 14% женщин, то при разводимости 1977 г. — уже около 44%. Этот показатель дает наглядное представление не только о росте разводимости, но и о его значении для динамики брачного состояния населения. Надо учесть, что величина суммарного коэффициента разводимости может испытывать влияние сдвига в календаре разводимости (т. е. в распределении разводов по возрасту), так как влияние такого рода сдвигов тем больше, чем быстрее они происходят и чем резче меняются показатели для реальных поколений.

На основе всех приведенных данных можно утверждать, что интенсивность разводов растет и что это не случайное, а систематическое повышение, нуждающееся

в самом тщательном изучении как с количественной, так и с содержательной стороны. Существует много способов оценки уровня разводимости для данного момента времени, шесть основных методов систематизированы и описаны в работе Ж. Дюшен и Г. Вюнша².

Наиболее распространен метод расчета так называемых приведенных чисел разводов, при котором число расторгнутых в данном году браков определенной продолжительности сопоставляется с числом браков, заключенных соответствующее число лет назад. Этот метод применен для нашей страны А. Б. Синельниковым³.

Эти методы оценки уровня разводимости носят косвенный характер. Прямым путем измерения разводимости был бы такой, при котором можно установить, какая часть браков, заключенных в определенном году, прекращается разводом и на каких годах брака это происходит. При существующей разработке данных о разводах это можно установить лишь приближенно.

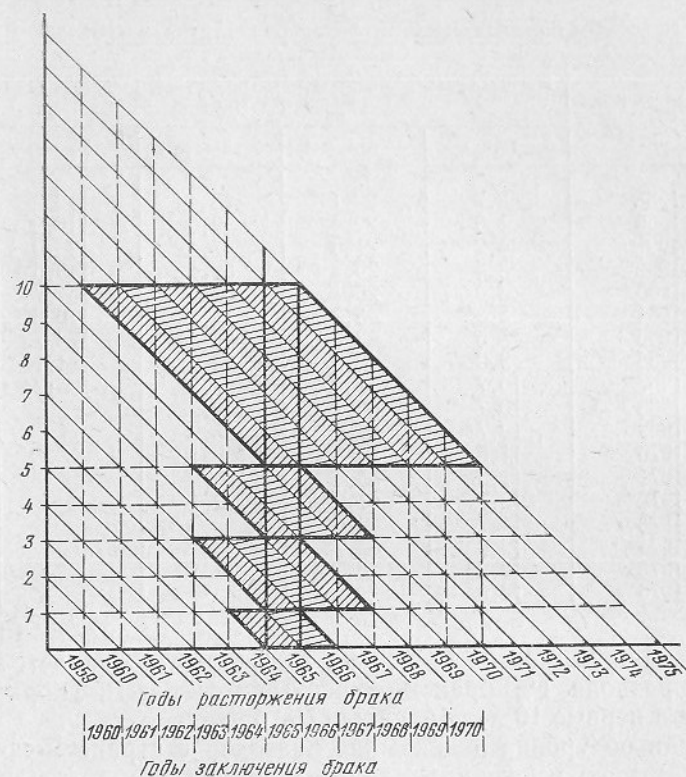
По данным текущего учета известны числа браков, расторгнутых в данном календарном году, распределенные по длительности брака, т. е. так называемые совокупности разводов III рода⁴. При этом разводы распределены по длительности брака так: до 1 года; 1—2 года; 3—4 года; 5—9 лет; 10—19 лет и 20 лет и более. На рисунке изображена демографическая сетка, на которой заштрихованы совокупности разводов, касающиеся браков, заключенных в 1965 г. Видно, что из каждой совокупности III рода к бракам 1965 г. относится только часть и для разных совокупностей эта часть различна и зависит от интервалов длительности брака.

Условно принимая верхнюю и нижнюю элементарные совокупности равными, можно получить число браков, распавшихся на первом году брака из числа заключенных в 1965 г. Для оценки числа браков, распавшихся при длительности брака 1—2 года, приходится предположить равномерным распределение разводов на отрезке

² Duchène J., Wunsch G. Les mesures de la fréquence du divorce. Une analyse comparative.—Population, 1977, Septembre (Numéro spécial), p. 53—68.

³ Синельников А. Б. Продолжительность существования современных браков.—В кн.: Возрождение поколений нашей страны. М., 1978, с. 102—111.

⁴ См.: Курс демографии/ Под ред. проф. А. Я. Боярского. М., 1974, гл. XIX, § 1.

Совокупности разводов, распределенных по году расторжения и длительности брака

в два года, т. е. считать, что равны между собой все четыре элементарные совокупности, из которых состоят имеющиеся совокупности III рода. Эти предположения тем менее точны, чем больше элементарных совокупностей входит в совокупности III рода. Поэтому полученные оценки точны лишь для небольших длительностей брака. Мы ограничились для сравнения в динамике первыми десятью годами брака (табл. 3).

Нам представляется, что приведенные в табл. 3 показатели разводимости — это наиболее точная характеристика уровня разводимости, возможная при существующей информации. Округленно можно считать, что

Таблица 3

Показатели разводимости в брачных когортах в СССР

Год заключения брака	Из 1000 браков, заключенных в данном году, распалось из-за развода в течение			
	1 года	3 лет	5 лет	10 лет
1959	3,7	23,1	43,4	112,2
1960	4,0	22,4	42,6	116,2
1961	4,2	21,6	47,4	128,3
1962	3,4	20,8	56,4	140,5
1963	3,0	25,1	67,9	154,7
1964	3,3	35,3	79,7	170,6
1965	5,5	43,3	86,5	176,7
1966	9,0	48,6	93,0	184,1
1967	10,7	51,3	97,8	193,2
1968	10,7	53,1	102,2	
1969	10,7	52,9	103,0	
1970	11,5	54,5	107,1	
1971	11,5	55,4	109,9	
1972	12,1	61,2	122,1	
1973	11,7	60,6		
1974	12,8	62,7		
1975	13,2			
1976	14,0			

в середине 70-х годов на первом году брака распадается из-за развода 1% браков, в первые 5 лет — 10% браков, а в первые 10 лет брака — 17% браков.

Если об уровне и динамике разводов в стране можно судить по имеющимся данным, прибегая к тем или иным условностям, то судить по ним о факторах разводимости нельзя. Между тем необходимо углубленное и систематическое изучение этого явления.

Новая расширенная программа регистрации разводов, введенная в 1979 г., не способна полностью удовлетворить все нужды такого исследования. Чтобы глубоко понять и оценить динамику и факторы разводимости, необходимо сделать их объектом единовременных регулярных выборочных обследований. Разводы — это один из аспектов матримониального (брачного) поведения, исследование которого возможно только на основе органического сочетания статистики фактов и статистики мнений. В совершенствовании нуждается вся система показателей разводимости, а растущая актуальность проблемы должна вызвать повышение требований к методической стороне исследований.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Г. А. Бондарская, И. П. Ильина. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект	7
1. Изменение дифференциации брачного состояния женщин по данным переписей населения	9
2. Дифференциация брачности поколений женщин по этнической принадлежности	17
3. Брачность поколений женщин и продуктивность браков	27
4. Выводы	36
М. С. Тольц. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака	39
А. Г. Волков. Об ожидаемой продолжительности брака и ее демографических факторах	59
1. Таблица прекращения брака	60
2. Ожидаемая продолжительность брака в России и в СССР	78
3. Заключение	83
Л. Е. Дарский. Рождаемость и репродуктивная функция семьи	85
1. Постановка вопроса	85
2. Понятие потребности и его место в объяснении социальной детерминации репродуктивного поведения	88
3. Способы удовлетворения потребностей и функции семьи в докапиталистических обществах	94
4. Роль детей в традиционной семье и репродуктивное поведение	100
5. Изменение способов удовлетворения потребностей и функций семьи	108
6. Заключение	123
А. Г. Вишневский. О мотивационной основе рождаемости	126
1. Прокреационная и репродуктивная потребности	127
2. Внешнее и внутреннее в детерминации прокреационного поведения	134
3. Два типа прокреационной мотивации	139
Р. И. Сифман. Детность по данным семейной переписи 1926 г.	151
Л. П. Кувшинова. Из истории исследования вторичного соотношения полов	171
Л. Е. Толчинский. Оценка уровня разводимости в СССР	185